

БОЛЬШИЕ И КНИГИ



Дафна Дюморье

ТРАКТИР «ЯМАЙКА»

♦  
МОЯ КУЗИНА  
РЕЙЧЕЛ

♦  
КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Большие книги

Дафна дю Морье

**Трактир «Ямайка». Моя кузина  
Рейчел. Козел отпущения**

«Азбука-Аттикус»

1936, 1951, 1957

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)-44

## **дю Морье Д.**

Трактир «Ямайка». Моя кузина Рейчел. Козел отпущения / Д. дю Морье — «Азбука-Аттикус», 1936, 1951, 1957 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-22332-5

Произведения английской писательницы Дафны Дюморье (1907–1989) переведены на десятки языков и пользуются популярностью у читателей во всем мире. Первый большой успех принес автору роман «Трактир „Ямайка“». Сегодня эта книга считается классикой готической традиции в литературе XX века, а героиню Мэри Йеллан сравнивают с Джейн Эйр. Впечатления от любимого Корнуолла, где Дафна Дюморье провела большую часть жизни, во многом определили завораживающую атмосферу «Ямайки». Сюжет романа «Моя кузина Рейчел» также разворачивается на фоне таинственных пейзажей Корнуолла. По признанию критиков, эта книга не уступает прославленной «Ребекке», а в чем-то и превосходит ее. Главная героиня – загадочная, непостижимая Рейчел – один из самых запоминающихся образов в английской литературе. Необычные, а порой и фантастические сюжеты Дюморье всегда отличает своего рода «достоверность невероятного». В романе «Козел отпущения», также представленном в настоящем издании, с виртуозной психологической точностью рассказана история странной встречи англичанина Джона, путешествующего по Франции, со своим... двойником, владельцем стекольного завода и хозяином старинного замка.

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22332-5

© дю Морье Д., 1936, 1951, 1957

© Азбука-Аттикус, 1936, 1951, 1957

## Содержание

Трактир «Ямайка»	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	57
Глава 8	63
Глава 9	76
Глава 10	90
Глава 11	98
Глава 12	105
Глава 13	115
Глава 14	122
Глава 15	131
Конец ознакомительного фрагмента.	135

# Дафна Дюморье Трактор «Ямайка»; Моя кухня Рейчел; Козел отпущения

Перевод с английского Людмилы Мочаловой, Галины Островской, Николая Тихонова



© Л. Г. Мочалова, перевод, 2023

© Г. А. Островская (наследники), перевод, 2023

© Н. Н. Тихонов (наследник), перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Иностранка®

## Трактир «Ямайка»

*Трактир «Ямайка» и поныне стоит на двадцатимильной дороге между Бодмином и Лонстоном, это гостеприимное и приветливое место, где не продают спиртного. В этой истории я описала его таким, каким он мог быть сто двадцать лет назад; и хотя трактир действительно существует, все без исключения персонажи и события, описанные на этих страницах, являются плодом моего воображения.*

*Дафна Дюморье,  
Бодинник-бай-Фоуи*

### Глава 1

Был конец ноября, день стоял пасмурный и холодный. Погода за ночь испортилась: переменившийся ветер принес с собой серые, гранитные тучи и морозящий дождь, и, хотя было чуть больше двух часов пополудни, бледный зимний вечер уже опустился на холмы, окутав их туманом. К четырем, наверное, совсем стемнеет. Сырость и холод пробирались внутрь дилижанса, несмотря на плотно закрытые окна. Кожаные сиденья стали влажными на ощупь, а в крыше, наверное, была щель, потому что время от времени тонкие струйки дождя просачивались внутрь, оставляя на обивке темно-синие пятна, похожие на чернильные кляксы. Ветер налетал порывами, сотрясая дилижанс на поворотах дороги, а на открытых местах дул с такой силой, что тот весь дрожал и раскачивался, шатаясь между высокими колесами, словно пьяница.

Кучер, по уши закутанный в пальто, чуть не пополам согнулся на козлах, тщетно пытаясь укрыться от непогоды, подставляя ветру плечи, а понурые лошади угрюмо тащились по дороге; исхлестанные ветром и дождем, они уже не реагировали на удары кнута, который время от времени щелкал у них над головами, едва поворачиваясь в онемевших пальцах возницы.

Колеса скрипели и стонали, утопая в дорожных колеях, и швыряли в окна жидкую грязь; она смешивалась со струйками дождя и безнадежно скрывала от взгляда окружающую местность.

Немногочисленные пассажиры, сбившиеся в кучку, чтобы согреться, дружно вскрикнули, когда одна колдобина оказалась особенно глубокой, а старик, не прекращавший брюзжать с тех самых пор, как подсел в Труро, в ярости поднялся с места. Повозившись с оконной рамой, он с грохотом опустил ее, и на него и на остальных пассажиров тут же обрушился поток дождя. Старик высунул голову наружу и заорал на кучера высоким срывающимся голосом, обзывая того мошенником и убийцей: он, дескать, всех их уморит прежде, чем они доберутся до Бодмина, если будет гнать очертя голову; все пассажиры и так чуть живы, и уж сам-то он, конечно, никогда больше не сядет в дилижанс.

Неизвестно, услышал его кучер или нет. Скорее всего, поток ругательств унесло ветром, потому что старик, подождав с минуту и достаточно выстудив внутренность дилижанса, поднял окно, уселся обратно в свой угол, обернул колени пледом и заворчал себе в бороду.

Его соседка, общительная краснощекая женщина в синем плаще, тяжело и сочувственно вздохнула и, подмигнув неизвестно кому и кивнув в сторону старика, наверное, в двадцатый уже раз сказала, что такой ненастной ночи и не припомнит, а она видывала всякое; хотя стоит ли удивляться, это вам не лето. Потом, порывшись в глубинах большой корзины, женщина вытащила огромный кусок пирога и вонзила в него крепкие белые зубы.

Мэри Йеллан сидела в противоположном углу, как раз там, где струйка дождя просачивалась сквозь щель в крыше. Холодные капли падали ей на плечо, и она стряхивала их нервным движением пальцев.

Девушка сидела, подперев подбородок ладонями и уставившись в заляпанное грязью и дождем окно в отчаянной надежде, что луч света все же пробьется сквозь тяжелое серое одеяло и ясное небо, еще вчера синевшее над Хелфордом, покажется хоть на миг, предвещая удачу.

Всего лишь сорок миль отделяли Мэри от места, где она прожила целых двадцать три года, а надежда в сердце девушки уже угасала, и присущая ей отважная стойкость, которая так поддерживала ее во время долгой болезни и смерти матери, поколебалась под первым натиском дождя и пронизывающего ветра.

Места кругом были чужие, что уже само по себе повергало в уныние. Глядя сквозь мутное окно кареты, Мэри видела мир, совсем не похожий на тот, от которого ее отделял всего один день пути. Как теперь далеки от нее светлые воды Хелфорда, его зеленые холмы и веселые долины, белые домики на берегу! Может быть, ей не суждено увидеть их снова! В Хелфорде дожди были ласковые, они шумели в листве многочисленных деревьев и терялись в сочной траве, соединяясь в ручьи и мелкие речушки, которые вливались в широкую реку, питали землю, а та в благодарность дарила цветы.

Хлещущий, безжалостный дождь заливал окна кареты и уходил в каменистую, бесплодную почву. Здесь почти не было деревьев, за исключением одного или двух, тянущих голые ветви навстречу всем четырем ветрам, согнутых и скрученных веками непогоды; и так черны были они от времени и бури, что даже если бы весна дохнула на них, то ни одна почка не осмелилась бы развернуться в лист из страха, что ее убьет запоздалый мороз. Убогая земля, без живых изгородей и лугов, страна камней, черного вереска и чахлого раkitника.

Здесь, верно, не бывает ни весны, ни осени, подумала Мэри; только суровая зима, как сегодня, или сухой палящий жар середины лета, и ни одной тенистой долины, и трава жухнет и рыжеет уже в мае. Окрестности сделались серыми от непогоды. И даже люди на дороге и в деревнях изменились. В Хелстоне, где Мэри села в первый дилижанс, она ступала по знакомой земле. Так много детских воспоминаний было связано с Хелстоном. Девушка вспоминала еженедельные поездки на рынок с отцом в былые времена и ту стойкость, с которой мать потом, когда его не стало, заняла место мужа, разъезжая в повозке зимой и летом, как это делал он, с курами, яйцами и маслом; как сама она сидела рядом, крепко держа корзину с нее самой величиной, положив подбородок на ручку. Народ в Хелстоне был дружелюбный, к Йелланам в городке относились с почтением; после смерти мужа вдове пришлось несладко, а ведь мало кто из женщин смог бы жить, как она, – с маленьким ребенком на руках управляться с фермой, даже не помышляя о новом замужестве. Был один фермер в Манаккане, который посватался бы к ней, если бы осмелился, и еще один, в Гвике, выше по реке, но по глазам вдовы было понятно, что никто ей не нужен, ибо она душой и телом принадлежит мужчине, который умер. Непосильный труд в конце концов взял свое, ведь мать Мэри не берегла себя. И хотя все семнадцать лет вдовства она нещадно понукала и погоняла себя, на последнее испытание сил уже не хватило, и воля к жизни покинула ее.

Мало-помалу живность на ферме убывала, а времена настали плохие – так ей говорили в Хелстоне, – и цены упали ниже некуда, и денег совсем не осталось. В верховьях реки было не лучше. На фермах вот-вот мог начаться голод. Потом странная болезнь поразила землю и погубила скот и птицу в окрестностях Хелстона. У нее не было названия, и от нее не было лекарства. Эта болезнь поражала и уничтожала все вокруг, совсем как неожиданно нагрянувшие поздние заморозки; она приходила в новолуние и затем отступала, оставляя после себя лишь след из мертвых существ. Для Мэри Йеллан и ее матери это было тревожное, тягостное время. Они видели, как один за другим заболевают и умирают цыплята и утята, которых они растили, как однажды теленок упал прямо на лугу. Больше всего было жалко старую кобылу,

которая прослужила им двадцать лет; это ее широкую, крепкую спину Мэри впервые оседлала когда-то в детстве. Однажды утром лошадь умерла в стойле, положив голову на колени Мэри. Когда они похоронили ее в саду под яблоней и поняли, что их любимица больше никогда не повезет их в Хелстон в базарный день, мать повернулась к Мэри и сказала:

– Какая-то часть меня легла в могилу вместе с бедняжкой Нелл, Мэри. Уж не знаю, может, веры мне недостает, но только сердце истомилось, сил моих нет.

Она пошла в дом и села в кухне, бледная как полотно и постаревшая сразу на десять лет. Ко всему безразличная, мать только пожала плечами, когда Мэри сказала, что позовет доктора.

– Слишком поздно, доченька, – сказала она, – уж семнадцать лет, как поздно.

И мама, которая никогда не плакала, стала тихо всхлипывать.

Мэри позвала старого доктора, который жил в Могане, того самого, что когда-то помог ей появиться на свет. Они ехали обратно в его двуколке, и доктор сказал, покачивая головой:

– Я догадываюсь, что это такое, Мэри. Твоя мать не щадила ни души, ни тела с тех пор, как умер твой отец, и вот теперь сломалась. Не нравится мне это. Время-то нехорошее, девочка.

У ворот их встретила соседка, горя желанием сообщить дурную весть.

– Мэри, твоей матери хуже! – закричала она. – Она только что вышла из дверей, глаза как у призрака, вся дрожит и вдруг упала. Миссис Хоблин помогла ей, и Уилл Сирл тоже. Они обе занесли бедняжку внутрь. Они говорят, глаза у нее закрыты.

Доктор решительно растолкал столпившихся у двери зевак. Они с Сирл подняли с пола неподвижное тело и перенесли наверх, в спальню.

– Это удар, – сказал доктор, – но она дышит; пульс ровный. Я давно опасался, что она вот так внезапно однажды сломается. Одному Богу известно, да, может, ей самой, почему это случилось именно сейчас, по прошествии стольких лет. Теперь, Мэри, ты должна доказать, что ты достойная дочь своих родителей, и помочь матери. Только ты можешь это сделать.

Шесть долгих месяцев, если не больше, Мэри ухаживала за матерью, заболевшей в первый и последний раз в жизни, но, несмотря на все заботы дочери и врача, вдова не стремилась выздороветь. У нее не осталось желаний бороться за жизнь.

Бедняжка, казалось, жаждала избавления и молча молилась, чтобы оно поскорее пришло. Она сказала Мэри:

– Я не хочу, чтобы ты жила так же трудно, как я. Это губительно для тела и души. После моей смерти тебе незачем оставаться в Хелфорде. Отправляйся к тете Пейшенс в Бодмин, это будет самое лучшее для тебя.

Бесполезно было уверять мать, что она не умрет. Она уже все решила.

– Я не хочу бросать ферму, мама, – возразила Мэри. – Я здесь родилась, и мой отец, и ты тоже из Хелфорда. Йелланы должны жить здесь. Я не боюсь бедности и того, что ферма захиреет. Ты семнадцать лет трудилась здесь одна; почему я не могу делать то же самое? Я сильная, я справляюсь с мужской работой, ты это знаешь.

– Такая жизнь не для девушки, – заявила мать. – Я жила так все эти годы ради твоего отца и тебя. Если женщина трудится для кого-то, это приносит ей покой и удовлетворение; но работать для себя – совсем другое дело. Тогда в этом нет души.

– В городе от меня не будет толку, – сопротивлялась Мэри. – Я ничего не знаю, кроме этой жизни на реке, да и знать не хочу. С меня хватает поездок в Хелстон. Мне лучше будет здесь, с теми курами, которые у нас еще остались, с зеленым садом, и со старой свиньей, и с лодкой на реке. Что я стану делать там, в Бодмине, с тетей Пейшенс?

– Девушка не может жить одна, Мэри. Она обязательно или повредится в уме, или впадет в грех. Одно из двух. Помнишь бедняжку Сью, которая каждое полнолуние в полночь бродила по кладбищу и звала любимого, которого у нее никогда не было? А еще тут была одна девушка, это случилось до твоего рождения, которая осиротела в шестнадцать лет. Так она сбежала в Фолмут и связалась там с матросами. Не видать нам покоя на том свете – ни мне, ни твоему

отцу, – если ты не будешь в безопасности. Тетя Пейшенс тебе понравится: она всегда знала толк в веселье и забавах и сердце у нее большое. Помнишь, она приезжала сюда двенадцать лет назад? У нее были ленты на шляпке и шелковая нижняя юбка. Пейшенс тогда приглянулась одному парню, который работал в Трилуоррене, но решила, что слишком хороша для него.

Да, Мэри помнила тетю Пейшенс, ее кудряшки и большие голубые глаза, и как та смеялась и болтала, и как она приподнимала юбки, на цыпочках переходя через грязный двор. Тетушка была прелестна, как фея.

– Я не знаю, что за человек дядя Джосс, – сказала мать, – потому что я в глаза его не видела, да и никто не видел. Но когда десять лет назад, в День святого Михаила, твоя тетя вышла за него, она написала всякую восторженную чепуху, словно была девчонкой, а не женщиной тридцати с лишним лет.

– Они подумают, что я неотесанная, – медленно произнесла Мэри. – Наверняка тетя и ее муж – люди, хорошо воспитанные. Нам и говорить-то будет почти не о чем.

– Они полюбят тебя такой, какая ты есть, без всякого жеманства. Я хочу, чтобы ты мне пообещала, доченька: когда меня не станет, ты напишешь тете Пейшенс и передашь, что моим последним и самым большим желанием было, чтобы ты отправилась к ней.

– Я обещаю, – сказала Мэри, но на душе у нее стало тяжело и смутно.

Будущее казалось таким шатким и неопределенным, совсем скоро она лишится всего, что знала и любила, и даже знакомая исхоженная земля не поможет девушке пережить трудные времена, когда те настанут.

С каждым днем мать слабела; с каждым днем жизнь уходила из нее. Она протянула жатву и сбор урожая, дожила до первого листопада. Но когда по утрам стали сгущаться туманы и на землю опустились заморозки, когда вздувшаяся река потоком устремилась к бурному морю, а волны с грохотом стали разбиваться на отмелях Хелфорда, вдова беспокойно заворочалась в постели, хватаясь за простыни. Она называла дочь именем своего мертвого мужа и говорила о том, что давно прошло, и о людях, которых Мэри никогда не видела. Три дня больная прожила в собственном мире, а на четвертый день умерла.

На глазах у Мэри все, что она любила и знала, постепенно переходило в чужие руки. Жизньность продали на Хелстонском рынке. Мебель раскупили соседи. Одному человеку из Каверака приглянулся их дом, и он купил его. С трубкой в зубах новый хозяин расхаживал по двору и указывал, где и что он будет менять, какие деревья срубит, чтобы открылся вид. Мэри с молчаливым отвращением наблюдала за ним из окна, складывая скудные пожитки в отцовский сундук.

Она сделалась нежеланной гостьей в собственном доме: по глазам незнакомца из Каверака Мэри видела, как он хочет, чтобы она поскорее убралась, да и сама она теперь думала только о том, чтобы поскорее уехать. Мэри снова перечитала письмо от тети, написанное неразборчивым почерком на простой бумаге. Тетя писала, что несчастье, обрушившееся на ее племянницу, стало для нее потрясением, что она понятия не имела о болезни сестры и вообще так много лет прошло с тех пор, как она гостила в Хелфорде. «У нас тоже произошли перемены, о которых ты не знаешь, – продолжала тетушка. – Я теперь живу не в Бодмине, а почти в двенадцати милях от города, по направлению к Лонстону. Это дикое и уединенное место, и, если ты к нам приедешь, я буду рада твоей компании, особенно зимой. Я спросила твоего дядю; он не возражает, если только ты не болтлива, покладиста и согласна нам помогать, когда понадобится. Как ты понимаешь, он не может давать деньги или кормить тебя просто так. За жилье и стол ты будешь помогать в баре. Видишь ли, твой дядя – хозяин трактира „Ямайка“».

Мэри сложила письмо и убрала в сундук. Странное приглашение от той улыбочивой тети Пейшенс, которую она помнила.

Холодное, пустое письмо; ни единого слова утешения, никаких подробностей, лишь упоминание о том, что племянница не должна просить денег. Тетя Пейшенс, красавица в шелко-

вой юбке, такая деликатная, – и вдруг жена трактирщика! Мама, должно быть, ничего об этом не знала. Это письмо совсем не походило на то, которое десять лет назад написала счастливая невеста.

Как бы то ни было, Мэри дала слово, и его нужно сдержать. Родной дом продан; здесь ей нет места. Как бы ни приняла ее тетя – она мамина родная сестра; только об этом и следовало помнить. Прошлая жизнь осталась позади – милая родная ферма и светлые воды Хелфорда. Впереди лежало будущее – и трактир «Ямайка».

Вот так Мэри Йеллан и оказалась в скрипучем тряском дилижансе, который направлялся на север через Труро, стоящий у истоков реки Фал, с его крышами и шпилями, широкими мощеными улицами. Голубое небо над головой все еще напоминало о юге, люди у дверей улыбались и махали рукой вслед громыхавшему экипажу. Но когда Труро остался позади, небо заволокло тучами, а по обе стороны большой дороги потянулась дикая пустынная местность. Все реже в долине встречались деревни, разбросанные там и сям, и в дверях домов почти не было видно улыбающихся лиц. Деревья попадались лишь изредка; живые изгороди и вовсе пропали. Потом задул ветер и принес с собой дождь. И наконец дилижанс вкатился в Бодмин, такой же серый и неприветливый, как окружающие его холмы, и пассажиры один за другим стали собирать вещи и готовиться к выходу – все, кроме Мэри, которая неподвижно сидела в своем углу. Кучер – лицо его было мокрым от дождя – заглянул внутрь через окно.

– Вы собираетесь дальше, в Лонстон? – спросил он. – Сегодня ночью не стоит ехать через пустоши. Знаете, вам лучше переночевать в Бодмине и отправиться утренним дилижансом. В карете-то больше никого не осталось.

– Но меня ждут сегодня, – возразила Мэри. – Дорога меня не пугает. Да мне и не нужно до самого Лонстона; вы ведь сможете высадить меня у трактира «Ямайка»?

Кучер взглянул на нее с удивлением.

– У трактира «Ямайка»? – переспросил он. – Зачем вам трактир «Ямайка»? Это неподходящее место для девушки. Ей-богу, вы, должно быть, ошиблись. – Он уставился на нее в упор, явно не веря.

– Да, я слышала, что это довольно уединенное место, – ответила Мэри. – Но я и сама не городская. На реке Хелфорд, откуда я родом, всегда тихо, зимой и летом, но мне никогда не было там скучно.

– Дело тут вовсе не в скуке, – ответил кучер. – Может, вы не понимаете, раз вы не местная. Хотя многих женщин испугали бы раскинувшиеся на много миль пустоши, но речь не об этом. Подождите-ка. – Он окликнул через плечо женщину, которая стояла в дверях гостиницы «Ройял», зажигая лампу над крыльцом, потому что уже стемнело. – Будьте добры, миссис, – сказал кучер, – подойдите сюда и урезоньте эту девушку. Мне сказали, что она едет в Лонстон, но она попросила высадить ее у «Ямайки».

Женщина спустилась по ступенькам и заглянула в карету.

– Места там дикие и страшные, – сказала она, – и если вы ищете работу, то на фермах вы ее не найдете. Там, на пустошах, чужаков не любят. Лучше вам остаться в Бодмине.

Мэри улыбнулась.

– Все будет хорошо, – заверила она. – Я еду к родственникам. Мой дядя – хозяин трактира «Ямайка».

Воцарилось долгое молчание. В полутьме кареты Мэри заметила, что мужчина и женщина уставились на нее. Ей вдруг стало зябко и тревожно; она надеялась услышать хоть слово ободрения, но так и не дождалась. Женщина отступила от окна.

– Извините, – медленно проговорила она. – Это, конечно, не мое дело. Спокойной ночи.

Кучер, покраснев, принялся насвистывать, как будто хотел загладить неловкость. Мэри порывисто потянулась и тронула его за руку:

– Скажите мне... Я не обижусь. Моего дядю здесь не любят? Что-нибудь не так?

Кучеру было явно не по себе. Он говорил сердито и избегал ее взгляда:

– У «Ямайки» дурная слава, странные толки ходят. Знаете, как это бывает. Но я не хочу зря вас пугать. Может, это все и неправда.

– Какие толки? – спросила Мэри. – Там что, много пьют? Или мой дядя привечает дурных людей?

Кучер не поддавался.

– Не хочу зря вас пугать, – повторил он, – к тому же я ничего толком не знаю. Только то, что другие говорят. Порядочные люди в «Ямайку» больше не ходят. Вот и все, что мне известно. В прежние времена мы там поили и кормили лошадей и сами заходили промочить горло и перекусить. Но больше мы там не останавливаемся. Мы нахлестываем лошадей, пока не доберемся до перекрестка Пяти Дорог, да и там не задерживаемся.

– Почему люди туда не ходят? В чем причина? – не отставала Мэри.

Кучер медлил с ответом, как будто подыскивая слова.

– Боятся, – произнес он наконец и покачал головой. Больше ничего добиться от него было нельзя. Возможно, он чувствовал, что был слишком резок, или ему стало жаль девушку, но минуту спустя он снова заглянул в окно и заговорил: – Не хотите выпить чашку чая перед отъездом? Дорога длинная, а на пустоши холодно.

Мэри покачала головой. Аппетит у нее пропал. И хотя чай согрел бы ее, девушке не хотелось выходить из кареты и идти в «Ройял», наверняка та женщина станет ее разглядывать, а люди вокруг – перешептываться. Кроме того, внутри Мэри вдруг кто-то трусливо занял: «Останься в Бодмине, лучше останься в Бодмине». Девушка боялась, что в тепле и уюте гостиницы может уступить. Но она ведь пообещала матери поехать к тете Пейшенс и не должна нарушать данное слово.

– Тогда трогаемся, – сказал кучер. – Сегодня ночью мы будем единственными путниками на всей дороге. Вот вам еще один плед на колени. Когда мы перевалим через гору и выберемся из Бодмина, я погоню лошадей: эта ночь – не для путешествий. Я не успокоюсь, пока не доберусь до Лонстона и не лягу в свою постель. Не много найдется любителей ездить через пустоши зимой, да еще по такой грязи.

Он захлопнул дверь и залез на козлы.

Дилижанс загрохотал вниз по улице, мимо надежных и прочных домов, мимо мерцающих огней, мимо случайных прохожих, которые торопились к ужину домой, сгибаясь под напором ветра и дождя. Сквозь ставни на окнах пробивались узкие полоски теплого света свечей: там, должно быть, в очаге горит огонь, на столе постелена скатерть, женщина с детьми садится за ужин, а мужчина греет руки у веселого пламени. Мэри подумала об улыбчивой крестьянке, своей попутчице; та, наверное, тоже сидит сейчас у себя дома, за столом, рядом с детьми. Какая она была уютная, с румянцем во всю щеку, с грубыми натруженными руками! Какую уверенность и спокойствие излучал ее глубокий голос! И Мэри сочинила для себя маленькую историю о том, как она вышла бы из кареты вслед за попутчицей и попросила бы приютить ее. Конечно, ей бы не отказали – девушка была в этом уверена. Для нее нашлись бы и улыбка, и дружеская рука, и постель. Она стала бы помогать этой женщине, полюбила бы ее, вошла бы в ее жизнь и познакомилась бы с ее близкими.

Но лошади тащились в гору, прочь из города, и в задние окна кареты Мэри видела, как огни Бодмина быстро исчезают один за другим, и вот уже последний отблеск мигнул, задрожал и скрылся. Теперь она осталась один на один с ветром и дождем, с долгими милями бесплодной пустоши, отделявшими ее от конечной цели путешествия.

Мэри подумала, что так, должно быть, чувствует себя корабль, покинув безопасную гавань. Ни одно судно не могло бы казаться себе более одиноким, чем она сейчас, даже когда ветер свистит в снастях и море лижет палубу.

Теперь в экипаже было темно, факел горел тусклым желтым огнем, а от ветра, задувавшего из щели в крыше, пламя колебалось, угрожая поджечь кожаную обивку, поэтому Мэри решила его потушить. Девушка забилась в угол, раскачиваясь из стороны в сторону в такт движению экипажа и думая о том, что раньше и не знала, каким пугающим бывает одиночество. Даже дилижанс, который весь день укачивал ее, как колыбель, теперь, казалось, скрипел и стонал угрожающе. Ветер готов был сорвать крышу, а дождевые струи, ярость которых больше не сдерживали холмы, с новой силой забарабанили в окна. По обе стороны дороги раскинулась бескрайняя равнина. Ни деревьев, ни тропинок, ни одиноких домиков, ни деревушки; только мили и мили холодной пустоши, темной, нехоженой, тянущейся вплоть до невидимого горизонта. Невозможно здесь жить, подумала Мэри, оставаясь при этом как все люди. Даже дети, должно быть, рождаются искореженные, как почерневшие кусты раkitника, согнутые ветром, который не прекращает дуть с востока и запада, с севера и юга. Их души тоже должны быть искореженными, а мысли – злобными, потому что этим людям придется жить среди болот и гранита, жесткого вереска и осыпающегося камня.

Здесь жители – наверняка потомки странного племени, которое спало под этим черным небом, приняв к голой земле вместо подушки. В них должно остаться что-то от дьявола. Дорога все вилась и вилась по темной и молчаливой равнине, и ни один огонек ни на мгновение не вспыхнул лучом надежды для одинокой путешественницы в дилижансе. Возможно, на протяжении всех долгих двадцати с лишним миль, составляющих расстояние между Бодмином и Лонстоном, не было никакого жилья; возможно, здесь не было даже пастушьего шалаша на пустынной большой дороге; ничего, кроме одной-единственной мрачной вежи – трактира «Ямайка».

Мэри перестала ориентироваться во времени и пространстве, – возможно, они проехали уже сотню миль, а время, наверное, приближалось к полуночи. Теперь она цеплялась за безопасность экипажа, – по крайней мере, здесь ей было хоть что-то знакомо. Мэри села сюда еще утром, а это было так давно. Каким бы чудовищным кошмаром ни казалась эта бесконечная поездка, все-таки Мэри защищали четыре стены и жалкая протекающая крыша, и сидел кучер, которого можно окликнуть. Все это успокаивало девушку. Наконец ей показалось, что возница погнался лошадей еще быстрее; Мэри слышала, как он кричит на них, ветер донес до окна его голос.

Путешественница подняла раму и выглянула наружу. Ее встретил порыв ветра и дождя; он ослепил ее на миг, а потом, отряхнув волосы и откинув их с глаз, Мэри увидела, что дилижанс бешеным галопом мчится по гребню холма, а по обе стороны дороги лежит невозделанная пустошь, чернея сквозь дождь и туман.

Перед ней на вершине холма, слева, в стороне от дороги, возвышалось какое-то строение. На фоне темного неба мрачно чернели высокие трубы. Рядом не было ни одного другого дома или хижины. «Ямайка» стояла в гордом одиночестве, открытая всем ветрам. Мэри закуталась в плащ и застегнула пряжку на поясе. Кучер натянул поводья, и лошади остановились; они взмокли от пота, несмотря на дождь, и над их спинами облаком поднимался пар.

Кучер спустился, прихватив с собой сундук пассажирки. Он торопился и постоянно оглядывался через плечо на дом.

– Приехали, – сказал он. – Идите через двор. Постучите в дверь, и вас впустят. Мне надо торопиться, а то я сегодня не попаду в Лонстон.

Через секунду кучер уже был на козлах, с поводьями в руках. Он гикнул на лошадей, лихорадочно их нахлестывая. Трясаясь и раскачиваясь, дилижанс в мгновение ока помчал по дороге и исчез, поглощенный тьмой, будто его никогда и не было.

Мэри стояла одна со своим сундуком. Она услышала, как в темном доме позади нее отодвигают засовы, и дверь распахнулась. Огромная фигура вышла во двор, размахивая фонарем.

– Кто там? – донесся громкий голос. – Что вам здесь нужно?

Мэри шагнула вперед и взглянула в лицо мужчины.

Свет слепил ей глаза, и девушка ничего не могла разглядеть. Человек размахивал перед ней фонарем и вдруг рассмеялся, схватил ее за руку и грубо втащил на крыльцо.

– Ах, так это ты? – сказал он. – Значит, все-таки приехала! Я твой дядя Джосс Мерлин. Добро пожаловать в трактир «Ямайка»!

Он снова засмеялся и, смеясь, затащил девушку в дом, захлопнул дверь и поставил фонарь на стол в прихожей. Хозяин и гостя оказались друг с другом лицом к лицу.

## Глава 2

С виду это был великан: не человек, а глыба, почти семи футов ростом, со сросшимися черными бровями и смуглой, как у цыгана, кожей. Густые темные волосы закрывали уши, на глаза спадали пряди. Похоже, дядюшка был силен как бык: мощные плечи, длинные, почти до колен, руки и огромные, как два окорока, кулаки. Его тело было таким громадным, что голова казалась слишком маленькой и утопала в плечах, а в сочетании с черными бровями и густой шевелюрой это делало его похожим на гигантскую ссутулившуюся гориллу. Но, несмотря на длинные конечности и мощное сложение, в чертах его лица не было ничего обезьяньего: крючковатый нос изгибался почти до самого рта, который когда-то, пожалуй, был безупречной формы, но теперь ввалился, а его большие темные глаза все еще оставались красивыми, несмотря на морщинки, мешки и красные прожилки.

Лучше всего сохранились зубы, крепкие и очень белые; когда он улыбался, они так и сверкали на смуглом лице, придавая дяде сходство с голодным волком. И хотя между человеческой улыбкой и волчьим оскалом разница огромная, у Джосса Мерлина это было одно и то же.

– Итак, ты Мэри Йеллан, – сказал он наконец, возвышаясь над ней как башня и наклонив голову, чтобы получше рассмотреть племянницу, – и ты проделала весь этот путь, чтобы присматривать за дядей Джоссом. Это очень мило с твоей стороны.

Он снова рассмеялся, дразня девушку, и его смех разнесся по всему дому, больно ударив по натянутым нервам Мэри.

– А где тетя Пейшенс? – спросила она, вглядываясь в тускло освещенный коридор, унылый, выложенный холодными каменными плитами, с узкой шаткой лестницей. – Значит, она меня не ждет?

– Где тетя Пейшенс? – передразнил он. – Где моя дорогая тетушка, которая меня поцелует, и приголубит, и будет со мной нянчиться? Ты что, ни минуты не можешь без нее обойтись? И разве ты не поцелуешь дядю Джосса?

Мэри отшатнулась. Мысль о том, чтобы поцеловать этого человека, возмутила ее. Он явно был или не в себе, или пьян. А может, и то и другое. Однако сердить хозяина девушка не хотела; для этого она была слишком напугана.

Дядюшка угадал мысли, что пронеслись в ее голове, и снова засмеялся.

– Не бойся, – сказал он, – я тебя не трону. Со мной ты как в церкви, в полной безопасности. Мне никогда не нравились брюнетки, дорогуша, к тому же у меня есть дела поинтереснее, чем крутить шашни с собственной племянницей.

Он презрительно осклабился и смотрел на девушку сверху вниз, словно сочтя ее за дурочку и устав от собственных шуток. Затем запрокинул голову и проревел:

– Пейшенс, какого черта ты там возишься? Тут девчонка приехала, хнычет, тебя зовет. Ее уже тошнит от моего общества.

Наверху послышались какая-то возня и шарканье. Потом показался огонек свечи, и раздалось восклицание. Вниз по узкой лестнице спустилась женщина, рукой заслоняя глаза от света. На ее жидких седых волосах, космами свисавших на плечи, был засаленный домашний чепец. Она завила кончики волос, в тщетной попытке изобразить кудряшки. Лицо хозяйки истаяло, и кожа туго обтягивала скулы. Глаза, большие и удивленные, как будто все время о чем-то спрашивали, а губы нервно подергивались, то плотно сжимаясь, то разжимаясь. На ней была застиранная полосатая юбка, когда-то вишневая, а теперь вылинявшая до розовой; на плечи наброшена залатанная шаль. Она, видимо, только что прикрепила новую ленту к чепцу, в слабой попытке украсить свой наряд, и это внесло в ее облик нелепый диссонанс. Яркая лента резко контрастировала с бледностью ее лица. Мэри неотрывно смотрела на хозяйку,

ощутив внезапно нахлынувшую жалость. Неужели это бедное, истерзанное существо, одетое как побирушка, на вид много старше своих лет, и есть та очаровательная тетя Пейшенс, образ которой она хранила в своих мечтах и воспоминаниях?

Маленькая женщина спустилась по лестнице в прихожую; она взяла руки Мэри в свои и пристально посмотрела ей в лицо.

– Ты и в самом деле приехала? – прошептала тетушка. – Ты и правда моя племянница Мэри Йеллан? Дитя моей дорогой сестры?

Мэри кивнула, благодаря Бога за то, что мать не видит ее сейчас.

– Дорогая тетя Пейшенс, – ласково сказала она, – я очень рада снова видеть тебя. Так много лет прошло с тех пор, как ты приезжала к нам в Хелфорд.

Женщина продолжала трогать девушку, разглаживая ее одежду и ощупывая ее, и вдруг прижалась к Мэри, уткнула голову в ее плечо и начала плакать, громко и судорожно всхлипывая.

– А ну прекрати! – зарычал ее муж. – Разве так встречают гостей? С чего это ты раскудахталась, дурища? Ты что, не видишь, девчонке надо поужинать? Отведи ее на кухню и дай ей бекона и чего-нибудь выпить.

Он нагнулся и закинул на плечо сундук Мэри, как будто тот ничего не весил.

– Я отнесу вещи в ее комнату, – сказал он, – и если на столе не окажется ужина к тому времени, когда я вернусь, тебе будет из-за чего поплакать; и тебе тоже, если захочешь, – добавил он, приблизив свое лицо к лицу Мэри и приложив огромный палец к ее губам. – Ты как, ручная или кусаешься?

И снова его смех загремел до самой крыши. Дядюшка с грохотом поднимался по лестнице с сундуком на плече.

Тетя Пейшенс взяла себя в руки. Она предприняла отчаянное усилие и улыбнулась, поправляя жидкие локоны знакомым жестом, который Мэри смутно помнила, а затем, нервно моргая и гримасничая, повела племянницу еще в один мрачный коридор, а оттуда в кухню, которая была освещена тремя свечами; в очаге тлел торф.

– Ты не должна обижаться на дядю Джосса, – сказала тетушка совсем другим тоном, почти заискивающим; так забитая собака, постоянной жестокостью приученная к полному повиновению, несмотря на все пинки и ругань, будет драться за своего хозяина, как тигр. – Знаешь, твоему дяде нужно потакать; он всегда все делает по-своему, и те, кто его не знает, сначала могут его не понять. Он очень хороший муж и всегда был таким со дня нашей свадьбы.

Хозяйка механически хлопотала на кухне: двигалась туда-сюда по каменному полу, накрывала на стол, доставала хлеб, сыр и сковородку из большого буфета за деревянной перегородкой. Мэри скорчилась у огня в безнадежной попытке согреть озябшие пальцы.

Кухня была полна торфяного дыма. Он поднимался до самого потолка, заползал в углы и висел в воздухе прозрачным голубоватым облаком. Дым щипал Мэри глаза, забирался в ноздри, оседал на языке.

– Тебе понравится дядя Джосс, ты скоро привыкнешь к его странностям, – продолжала тетя. – Он хороший человек и очень храбрый. Его в округе все знают и уважают. Никто и слова дурного не скажет про Джосса Мерлина. У нас здесь собирается большое общество. Тут не всегда так тихо, как сейчас. Знаешь, это ведь оживленная дорога. Почтовые кареты ездят каждый день. И все помещики очень любезны с нами, очень любезны. Вот как раз вчера сюда заглянул один сосед, и я испекла ему пирог, который он забрал с собой. «Миссис Мерлин, – сказал он, – вы единственная женщина в Корнуолле, которая умеет печь пироги». Вот так прямо и сказал. И даже сам сквайр мистер Бассат из Норт-Хилла, которому принадлежат все земли в округе, – он тут на днях проезжал мимо по дороге, во вторник это было, – так он снял шляпу. «Доброе утро, сударыня», – сказал сквайр и поклонился мне с лошади. Говорят, в свое время он был большой повеса. А тут как раз выходит Джосс из конюшни, он там чинил колесо

у двуколки. «Как жизнь, мистер Бассат?» – говорит. «Полнокровна, как ты, Джосс», – отвечает сквайр, и оба расхохотались.

Мэри что-то пробормотала в ответ на эту речь, но ей было больно и страшно смотреть, как, рассказывая, тетя Пейшенс прячет от нее глаза, да и сама по себе эта скороговорка вызвала подозрения. Хозяйка была похожа на ребенка, который сам себе рассказывает истории, теща себя своими выдумками. Мэри было жаль видеть тетю в подобной роли, и ей хотелось, чтобы та поскорее замолчала, потому что этот словесный поток пугал больше, чем слезы. За дверью слышались шаги, и с замиранием сердца Мэри поняла, что Джосс Мерлин уже спустился и, вполне возможно, слушал болтовню жены.

Тетя Пейшенс тоже его услышала; она побледнела и судорожно задвигала ртом. Хозяин вошел и остановился, переводя взгляд с одной женщины на другую.

– Что, уже раскудахтались? – спросил он. Ни смеха, ни улыбки, глаза его сузились. – Быстро же ты перестаешь плакать, если можно поговорить. Я тебя слышал, глупая трещотка, – кулдык, кулдык, кулдык, как индейка. Думаешь, твоя драгоценная племянница поверила хоть единому слову? Да ты и ребенка не одурачила бы, не то что такую девицу.

Дядюшка оттащил от стены стул и грохнул им об пол, а затем сел, и стул заскрипел под его тяжестью. Потом хозяин взял хлеб, отрезал себе толстый ломоть и густо намазал его жиром. Он запихнул хлеб в рот, так что жир потек у него по подбородку, и жестом пригласил Мэри к столу.

– Тебе нужно поесть, я вижу, – сказал трактирщик, аккуратно отрезал ей тонкий кусочек хлеба, разделил на четыре части и намазал маслом.

Все это дядя проделал весьма изящно, совсем не так, как для себя. В этом внезапном переходе от животной грубости к утонченной заботливости было что-то пугающее. Как будто в пальцах этого человека скрывалась какая-то сила, превращавшая эти культы в ловких и угодливых слуг. Если бы он отрезал ломоть хлеба и швырнул Мэри в лицо, она бы не так испугалась; это соответствовало бы ее ожиданиям. Но переход к любезности, быстрые и изящные движения рук оказались неожиданным и зловещим открытием, потому что это было внезапно и странно. Гостыя тихо поблагодарила хозяина и принялась за еду.

Тетя, которая ни слова не сказала с тех пор, как вошел ее муж, жарила над огнем бекон. Все молчали. Мэри чувствовала, что Джосс Мерлин наблюдает за женой через стол; она слышала, как позади нее тетя возится со сковородой, неловко схватив за горячую ручку. Через минуту она ее уронила и огорченно вскрикнула. Мэри поднялась с места, чтобы помочь, но Джосс грозно велел ей сесть.

– Одной дуры вполне хватит, куда уж тут две! – заорал он. – Сиди, а твоя тетка пусть уберет, что она там напакостила. Не впервой. – Он откинулся на спинку стула и стал ковырять пальцами в зубах. – Что будешь пить? – спросил он. – Бренди, вино или эль? Ты здесь скорее умрешь от голода, чем от жажды. У нас в «Ямайке» глотка не пересохнет.

И Джосс засмеялся, подмигнув племяннице, и показал язык.

– Я выпью чашку чая, если можно, – сказала Мэри. – Я не привыкла к крепким напиткам, да и к вину тоже.

– Да ну? Впрочем, тебе же хуже. Можешь сегодня выпить чая, но, ей-богу, через месяц-другой тебе захочется бренди.

Дядя потянулся через стол и взял ее за руку.

– У тебя премиленькая лапка для девицы, которая работала на ферме, – сказал он. – Я боялся, что она окажется грубой и красной. Тошно, когда эль наливает безобразная рука. Не то чтобы мои завсегдатаи чересчур привередливы, но ведь у нас в трактире «Ямайка» до сих пор не было девушки за стойкой. – Дядюшка насмешливо поклонился и отпустил ее руку. – Пейшенс, дорогая, – сказал он. – Вот ключ. Сходи и принеси мне бутылку бренди, ради бога. У меня такая жажда, что ее не утолят все воды Дозмэри.

Жена заторопилась и исчезла в коридоре. Хозяин снова принялся ковырять в зубах, время от времени насвистывая, а Мэри ела хлеб с маслом и пила чай, который он поставил перед ней. Голова у девушки раскальвалась, она едва не теряла сознание. Глаза слезились от торфяного дыма. Но, несмотря на усталость, Мэри продолжала наблюдать за дядей, потому что ей уже отчасти передалась нервозность тети Пейшенс, и она чувствовала, что в некотором смысле они здесь – как мыши в мышеловке, из которой невозможно выбраться, а дядя играет с ними, как чудовищный кот.

Через несколько минут тетушка вернулась с бутылкой бренди, которую поставила перед мужем, и, пока она дожаривала бекон и накладывала его Мэри и себе, дядя все пил и пил, тупо уставясь перед собой и постукивая ногой по ножке стола. Вдруг он грохнул по столу кулаком так, что тарелки и чашки подпрыгнули, а одна тарелка упала на пол и разбилась.

– Вот что я тебе скажу, Мэри Йеллан! – заорал он. – Я хозяин в этом доме, и я заставлю тебя это понять. Если будешь делать, что велют, помогать по дому и обслуживать моих посетителей, то я тебя пальцем не трону. Но ей-богу, если ты откроешь рот и что-нибудь вякнешь, я тебя обломаю, и ты станешь такая же послушная, как твоя тетушка.

Мэри смотрела ему прямо в лицо через стол. Она зажала руки между колен, чтобы Джосс не видел, как они дрожат.

– Я вас поняла, – ответила она. – Я не любопытна и в жизни никогда не сплетничала. Мне не важно, чем вы занимаетесь в трактире и какая у вас тут компания; я стану делать работу по дому, и у вас не будет причин для недовольства. Но если вы хоть чем-то обидите тетю Пейшенс, я немедленно уйду из трактира «Ямайка», разыщу судью, приведу его сюда, и вам придется отвечать по закону; вот тогда и попробуйте меня обломать, если сумеете.

Мэри сильно побледнела. Она знала, что, если трактирщик сейчас обрушится на нее, она сломается, заплачет и он навсегда получит над нею власть. Эти слова вырвались у нее против воли, и, терзаемая жалостью к бедному забитому существу, в которое превратилась ее тетя, Мэри не сумела сдержаться. Сама того не зная, она спасла себя, потому что выказанное ею присутствие духа произвело на дядю впечатление, он откинулся на спинку стула и как будто смягчился.

– Очень мило, – сказал Джосс, – и как хорошо сказано. Теперь мы знаем, что у нас за постоялица. Только тронь – и она выпустит когти. Ладно, дорогая; у нас больше общего, чем я думал. Если придется играть, то будем заодно. В один прекрасный день у меня может найтись для тебя в «Ямайке» работенка, да такая, какую ты никогда не делала. Мужская работа, Мэри Йеллан, когда приходится играть с жизнью и смертью.

Мэри услышала рядом с собой сдавленный вздох изумления.

– Ах, Джосс, – прошептала тетя Пейшенс, – Джосс, прошу тебя!

В голосе было столько настойчивости, что Мэри с удивлением взглянула на нее. Она увидела, как тетя наклонилась вперед и старается заставить мужа замолчать. Напряженное лицо и мука в глазах тетушки напугали Мэри гораздо больше всего, что случилось за этот вечер. Ей вдруг стало жутко, зябко и гадостно. Что повергло тетю Пейшенс в такую панику? Что собирался сказать ей Джосс Мерлин? Девушка чувствовала, что за всем этим кроется какая-то болезненная и, наверное, ужасная странность. Дядя нетерпеливо махнул рукой.

– Ступай в постель, Пейшенс, – сказал он. – Надоело видеть твой череп за обеденным столом. Мы с девчонкой понимаем друг друга.

Тетя тут же встала и пошла к двери, в последний раз в бессильном отчаянии оглянувшись на мужа. Они слышали, как она поднимается по лестнице. Джосс Мерлин и Мэри остались одни. Трактирщик оттолкнул от себя пустой стакан и сложил руки на столе.

– У меня есть одно слабое место, и я скажу тебе, какое именно, – заговорил он. – Пьянство. Я понимаю, что это – настоящее проклятье, но не могу остановиться. Когда-нибудь оно меня погубит, и поделом. Иногда целыми днями я пью всего ничего, как сегодня. А потом на

меня вдруг накатывает жажда, и я начинаю пьянствовать. Насыщаюсь часами. Здесь и власть, и слава, и женщины, и Царство Божие – всё в одном. Я тогда чувствую себя королем, Мэри. Мне кажется, что двумя пальцами я могу править миром. Это рай и ад одновременно. И тогда я начинаю говорить и говорю до тех пор, пока все, что я наболтал, не разнесится на все четыре стороны. Я запираюсь у себя в комнате и выкрикиваю свои секреты в подушку. Твоя тетка запирает меня на ключ, а я, когда протрезвею, молочу в дверь, и она меня выпускает. Об этом ни одна живая душа не знает, кроме нас двоих, а теперь я сказал еще и тебе. Сказал потому, что уже немного пьян и не могу держать язык за зубами. Но я не настолько пьян, чтобы потерять голову. Я не настолько пьян, чтобы разболтать тебе, почему я живу в этом богом забытом месте и почему я хозяин трактира «Ямайка».

Дядюшка охрип и говорил теперь почти шепотом.

Огонь в очаге угасал, и темные тени протянули по стене свои длинные пальцы. Свечи тоже догорали и отбрасывали на потолок чудовищную тень Джосса Мерлина. Трактирщик улыбнулся племяннице и шутовским пьяным жестом приставил к носу палец.

– Я тебе этого не скажу, Мэри Йеллан. Нет-нет, у меня еще осталась капля здравого смысла и хитрости. Если хочешь узнать больше, можешь спросить свою тетку. Она тебе наплетет. Я слышал, как она сегодня расхвасталась, говорила, будто у нас тут хорошее общество, а помещик снимает перед ней шляпу. Вранье. Все вранье. Я тебе скажу больше – ты все равно об этом узнаешь, – сквайр Бассат до смерти боится сунуть сюда нос. Если он меня встретит на дороге, то перекрестится и пришпорит коня. Да и все остальные господа тоже. Ни дилижансы здесь больше не останавливаются, ни почтовые кареты. А мне плевать. У меня достаточно посетителей. Чем дальше держатся от меня все эти господа, тем лучше. Да и с выпивкой тут все в порядке. Есть такие, кто приходит в «Ямайку» в субботу вечером, а есть и другие, кто запирает дверь на ключ и спит, заткнувши уши. Бывают ночи, когда во всех домах на пустоши тихо и темно и только окна трактира «Ямайка» сверкают на мили вокруг. Говорят, что наши крики и пение слышны далеко внизу, даже на фермах за Раф-Тором. Ты будешь в баре в такие ночи, если захочешь, и увидишь, с кем я вожу компанию.

Мэри сидела очень тихо, вцепившись пальцами в стул. Она не смела пошевелиться, боясь внезапной перемены настроения, которую она уже наблюдала в дядюшке и которая заставила бы его перейти от этого неожиданно своего, доверительного тона к резкой и вульгарной грубости.

– Они все меня боятся, – продолжал трактирщик, – вся эта чертова свора. Боятся меня, а я никого не боюсь. Говорю тебе, если бы у меня было образование, если бы я в свое время учился, я бы сейчас разгуливал по Англии рядом с самим королем Георгом. Мне мешает пьянство, пьянство и моя горячая кровь. Это наше родовое проклятье, Мэри. Не было на свете ни единого Мерлина, который тихо умер бы в своей постели. Моего отца повесили в Эксетере – он сцепился с одним парнем и убил его. Моему деду отрезали уши за воровство; его выслали в колонии, и он умер в тропиках от укуса змеи – впал в буйное помешательство и умер. Я старший из трех братьев, и все мы родились под сенью Килмара, там, за пустошью Двенадцати Апостолов. Если идти через Восточную пустошь до Тростникового брода, то увидишь огромную гранитную скалу, которая пронзает небо, как рука дьявола. Это и есть Килмар. Тот, кто родился под сенью Килмара, обязательно пристрастится к выпивке, точь-в-точь как я. Мой брат Мэтью утонул в Труартском болоте. Мы думали, что парень подался в матросы, и ничего о нем не знали, а потом летом случилась засуха, семь месяцев не было дождя, и мы увидели Мэтью. Он торчал в трясине, вытянув руки над головой, а вокруг него летали кроншнепы. Мой братец Джем, черт бы его побрал, был тогда еще совсем ребенком. Держался за мамины юбки, когда мы с Мэтом уже были взрослые мужчины. Мы с Джемом никогда ни в чем не сходились. Слишком уж он умен, больно остер на язык. Ох, когда-нибудь его поймают и повесят, точь-в-точь как моего отца.

Хозяин ненадолго умолк, глядя на пустой стакан. Потом поднял его и снова опустил.

– Ну ладно, – сказал он, – я сказал достаточно. На сегодня хватит. Отправляйся спать, Мэри, пока я не свернул тебе шею. Вот свечка. Твоя комната над крыльцом.

Мэри, не говоря ни слова, взяла подсвечник и хотела было пройти мимо дяди, но тот схватил ее за плечо и повернул лицом к себе.

– Будут ночи, когда ты услышишь стук колес на дороге, – сказал он, – и эти колеса не проедут мимо, а остановятся у трактира «Ямайка». И ты услышишь шаги во дворе и голоса под окном. Тогда оставайся в постели, Мэри Йеллан, и с головой заворачивайся в одеяло. Понятно?

– Да, дядя.

– Очень хорошо. А теперь убирайся, и, если ты задашь мне еще хоть один вопрос, я переломаю тебе все кости.

Мэри вышла из кухни в темный коридор, ударилась о скамью в прихожей и поднялась по лестнице. Пробираясь ощупью, она оглядывалась и поворачивалась лицом к лестнице, чтобы определить, где она. Дядя сказал, что ее комната над крыльцом, и девушка осторожно пошла через темную площадку мимо дверей – по две с каждой стороны; должно быть, это комнаты для гостей, и они напрасно ждут путешественников, которые не ищут больше пристанища в трактире «Ямайка». Она наткнулась еще на одну дверь, повернула ручку и в дрожащем пламени свечи увидела, что это ее комната, потому что дорожный сундук стоял на полу.

Стены без обоев, на полу голые доски. Перевернутый вверх дном ящик с треснутым зеркалом на нем служил туалетным столиком. Ни кувшина, ни таза не было; Мэри подумала, что умываться придется в кухне. Кровать заскрипела, когда девушка на нее присела, а два тонких одеяла казались влажными на ощупь. Она решила не раздеваться, а лечь поверх постели прямо в дорожном платье, каким бы оно ни было пыльным, и завернуться в плащ. Мэри подошла к окну и выглянула наружу. Ветер стих, но дождь все еще шел – мелкая гадкая морось, которая струйками стекала по стене дома и размазывала грязь по подоконнику.

С дальнего конца двора донесся шум, странный звук, напоминающий стон больного животного. Было слишком темно, но девушка смогла разглядеть какой-то темный силуэт, тихо раскачивающийся из стороны в сторону. На один кошмарный миг воображение, воспламененное рассказами Джосса Мерлина, нарисовало перед ней виселицу с болтавшимся мертвецом. Но потом Мэри поняла, что это всего лишь вывеска трактира. Поскольку хозяин не обращал на нее внимания, она расшаталась и теперь раскачивается взад-вперед при малейшем дуновении ветра. Всего-навсего жалкая разбитая доска, когда-то гордо водруженная здесь; теперь же белые буквы расплылись и выцвели, и надпись, болтаясь из стороны в сторону, сообщала всем четырем ветрам: «Трактир „Ямайка“», «Трактир „Ямайка“». Мэри опустила ставень и забралась на кровать. Зубы у нее стучали, руки и ноги окоченели. Скорчившись на постели, Мэри долго сидела, предаваясь отчаянию. Она раздумывала, можно ли выбраться из этого дома и найти обратную дорогу, проделать двадцать долгих миль до Бодмина. Мэри прикидывала, не слишком ли она устала, а то свалится в смертельном изнеможении на обочине и заснет прямо там, чтобы в утреннем свете увидеть возвышающуюся над собой огромную фигуру Джосса Мерлина.

Мэри закрыла глаза и тут же представила его улыбающееся лицо, а потом улыбка сменилась мрачной гримасой. Гримаса распалась на тысячу морщин, когда трактирщик затрясся от ярости, и она разглядела шапку черных волос, крючковатый нос и длинные мощные пальцы, в которых таилось такое смертоносное изящество.

Мэри чувствовала, что попалась, как птичка в силки, и, сколько бы она ни билась, ей не вырваться на волю. Если она хочет стать свободной, то нужно уйти прямо сейчас – вылезти в окно и бежать очертя голову по белой дороге, которая змеей протянулась через пустоши. Завтра будет поздно.

Она ждала, пока на лестнице не раздались шаги. Девушка слышала, как трактирщик что-то бормочет себе под нос. Затем он, к ее облегчению, свернул и пошел по другому коридору, налево от лестницы. Вдалеке хлопнула дверь, и наступила тишина. Мэри решила, что больше не будет ждать. Если она останется под этой крышей хотя бы на одну ночь, силы покинут ее, и она пропадет. Пропадет, сойдет с ума и сломается, как тетя Пейшенс. Девушка открыла дверь и прокралась в коридор. На цыпочках подошла к лестнице. Остановилась и прислушалась. Ее рука была на перилах, а нога на верхней ступеньке, когда она услышала звук, доносившийся из другого коридора. Кто-то плакал. Кто-то пытался подушкой заглушить вырывавшиеся рыдания. Это была тетя Пейшенс. Мэри подождала минуту, а потом повернулась и пошла обратно в свою комнату, бросилась на кровать и закрыла глаза. Что бы ни ждало ее в будущем и как бы она ни была напугана, она не уйдет из трактира «Ямайка» сейчас. Она должна остаться. Она нужна здесь. Может быть, Мэри сможет утешить тетю Пейшенс, они подружатся, и каким-нибудь образом – сейчас девушка была слишком утомлена, чтобы придумать, как именно, – она сумеет защитить бедняжку и встанет между нею и Джоссом Мерлином. Семнадцать лет ее мать жила и работала одна, и на ее долю выпали испытания, от которых Мэри избавлена. Уж она бы не убежала, испугавшись полубезумного дядюшки. Мама не испугалась бы дома, пропитавшегося злом, как бы сиротливо ни стоял он на открытом всем ветрам холме – одинокой вехой, бросающей вызов человеку и буре. У матери Мэри хватило бы смелости сразиться с врагами. Не только сразиться, но и победить их. Эта женщина была не из тех, кто отступает.

Мэри долго лежала на жесткой постели, и, когда она молилась на сон грядущий, в голове ее теснились разные мысли. Каждый звук бил по нервам – от мышиноного шороха в углу позади нее до скрипа вывески во дворе. Девушка считала минуты и часы бесконечной ночи, и, только когда первый петух пропел в поле за домом, она перестала считать, вздохнула и провалилась в сон.

## Глава 3

Когда Мэри проснулась, с запада дул сильный ветер и сквозь влажную дымку проглядывало бледное солнце. Дребезжание окна разбудило девушку. По солнцу и цвету неба Мэри определила, что заспалась и сейчас, должно быть, уже больше восьми часов. Выглянув в окно, она увидела открытую дверь конюшни и свежие следы копыт в грязи. Испытав огромное облегчение, девушка поняла, что хозяин, должно быть, уехал из дому и она хоть немного сможет побыть с тетей Пейшенс наедине.

Мэри торопливо распаковала сундук, вытащила толстую юбку, цветной передник и тяжелые башмаки, которые носила на ферме. Через десять минут она уже умывалась в глубине кухни. Тетя Пейшенс вернулась из курятника за домом, неся в переднике свежие яйца, которые только что достала из-под кур, и вынула их с заговорщицкой улыбкой.

– Я подумала, что тебе захочется съесть яичко на завтрак, – сказала она. – Я видела, что вчера ты была слишком усталой и плохо ела. Я приберегла тебе немного сливков.

Сегодня тетушка держалась вполне нормально и, несмотря на красные ободки вокруг глаз, говорившие о беспокойной ночи, старалась казаться бодрой. Мэри решила, что лишь в присутствии мужа Пейшенс теряет, словно испуганный ребенок, а стоит ему уехать, она забывает о тягостных моментах, как свойственно детям, и умеет находить маленькие радости.

Обе они избегали упоминаний о минувшей ночи и хозяине. Куда он отправился и зачем, Мэри не спрашивала, да ее это и не интересовало: она только рада была от него избавиться. Мэри видела, что тете хотелось поговорить о вещах, не связанных с ее нынешней жизнью; казалось, она боится любых вопросов, и Мэри, щадя Пейшенс, погрузилась в воспоминания, описав последние годы жизни в Хелфорде, болезнь и смерть матери.

Трудно было сказать, насколько близко к сердцу принимала все это тетя Пейшенс; конечно, она время от времени кивала, и поджимала губы, и качала головой, и издавала короткие восклицания; но Мэри казалось, что годы боязни и тревог отняли у бедняжки способность сосредоточиться и что какой-то подспудный страх мешает вникать в слова собеседника.

Все утро женщины занимались обычной работой по дому, и Мэри смогла как следует осмотреть трактир.

Это было мрачное, несуразное строение с длинными коридорами и неожиданно возникающими комнатами. В бар вел отдельный вход с боковой стороны дома, и, хотя зал теперь пустовал, тяжелый дух напоминал о здешних застольях: застоявшаяся вонь старого табака, кислый запах спиртного и немых человеческих тел, тесно прижатых друг к другу на темных замызганных скамьях.

Несмотря на все неприглядные картины, рисовавшиеся в воображении, это была единственная комната в трактире, которая не казалась заброшенной и не производила такого мрачного и тоскливого впечатления. Другие помещения были запущенными и не использовались вовсе; даже гостиная рядом с вестибюлем имела нежилой вид, – казалось, уже много месяцев ни один честный путник не переступал ее порог и не грелся у жаркого огня. Комнаты для постояльцев наверху были в еще более плачевном состоянии. В одной из них хранился всякий хлам, у стены громоздились ящики и старые попоны, изъеденные крысами или мышами. В комнате напротив на сломанной кровати лежали картошка и репа.

Мэри догадалась, что ее комнатка раньше была в таком же состоянии, и только благодаря тете она теперь хоть как-то обставлена. В комнату хозяев, дальше по коридору, девушка не осмелилась войти. Этажом ниже, в конце длинного прохода, который шел параллельно верхнему, в противоположной стороне от кухни находилась другая комната, дверь ее оказалась заперта. Мэри вышла во двор, чтобы заглянуть туда через окно, но оно было забито досками, и она ничего не смогла разглядеть.

Дом и пристройки образовывали три стороны квадратного двора, в центре которого росла трава и стояло корыто с водой. Дальше лежала дорога, тонкая белая лента тянулась в обе стороны до самого горизонта, окруженная поросшей вереском пустошью, коричневой и раскисшей от проливных дождей. Мэри вышла на дорогу и огляделась вокруг: повсюду, на сколько хватало глаз, не было ничего, кроме черных холмов и торфяников. Трактир с его высокими строениями из серого шифера, хотя и казался негостеприимным и необитаемым, был единственным жилищем в этой местности. К западу от «Ямайки» вздымались свои вершины высокие скалистые холмы. Некоторые из них имели ровные склоны, и трава на них отливала желтизной под непостоянным зимним солнцем; другие наводили страх своими вершинами, увенчанными гранитными глыбами. Солнце то и дело заслоняли облака, и длинные тени пробегали над пустошью, словно пальцы. Цвет появлялся пятнами; временами холмы казались пурпурными, чернильными или пестрыми, а затем слабый луч солнца пробивался сквозь тонкое облачко, и какой-нибудь один холм становился золотисто-коричневым, тогда как его соседи по-прежнему томились в темноте. Картина то и дело менялась: к востоку царил жаркий полдень, и пустошь была неподвижна, как песок в пустыне, а к западу холмы уже накрыла арктическая зима, принесенная рваным облаком, похожим на плащ разбойника с большой дороги и просыпавшим град, снег и колючий дождь на гранитные вершины. Воздух здесь был здоровый, сладко пахнувший, холодный, как в горах, и удивительно чистый. Это явилось откровением для Мэри, привыкшей к теплоте и мягкому климату Хелфорда, с его высокими зелеными живыми изгородами и большими деревьями. Даже восточный ветер там не был суровым, так как мыс прикрывал жилища, и только река при восточном ветре становилась вдруг бурной и зеленой, а гребни волн взбивались пеной.

Каким бы угрюмым и недружелюбным ни был этот новый для нее край, с бесплодной и невозделанной землей, с трактиром «Ямайка», стоящим в одиночестве на холме, открытом всем ветрам, в воздухе словно витал некий вызов, который будоражил Мэри Йеллан кровь. На щеках ее загорелся румянец, а глаза заблестели; ветер играл ее волосами, задувая их в лицо девушке; глубоко дыша, она сквозь ноздри втягивала в легкие воздух, и это было упоительнее и слаще сидра. Мэри подошла к водостоку и подставила ладони под струю. Вода здесь бежала чистая и холодная как лед. Девушка сделала несколько глотков; такой воды раньше ей пить не приходилось – странная, горьковатая, с легким привкусом торфа, как от дыма из кухонного очага.

Вкус был глубокий и освежающий, и Мэри полностью утолила жажду.

Она почувствовала себя окрепшей телом и сильной духом и отправилась обратно в дом искать тетю Пейшенс, с удовольствием предвкушая обед, который, как она надеялась, уже ждал ее. Девушка набросилась на тушеную баранину с репой и, утолив голод впервые за последние сутки, почувствовала, что смелость вернулась к ней и она готова рискнуть и расспросить тетю, каковы бы ни оказались последствия.

– Тетя Пейшенс, – начала она, – а как получилось, что дядя стал хозяином трактира «Ямайка»?

Внезапная атака застала женщину врасплох, и она некоторое время в упор смотрела на Мэри, не отвечая. Затем вспыхнула и принялась судорожно двигать ртом.

– Ну, – нерешительно завела она, – это... это очень известное место здесь, на дороге. Ты и сама видишь, это главная дорога с юга на север. Дилижансы проезжают здесь два раза в неделю. Они едут из Труро, из Бодмина и из других мест в Лонстон. Ты сама вчера приехала на одном из таких дилижансов. На дороге всегда есть народ. Путешественники, которые едут по служебным и личным делам, иногда моряки из Фолмута.

– Да, тетя Пейшенс. Но почему они не останавливаются в «Ямайке»?

– Останавливаются. Они часто заказывают выпивку в баре. У нас тут клиентов много.

– Как такое может быть, если гостиной вы не пользуетесь, а комнаты для гостей забиты всяким хламом и годятся только для мышей и крыс? Я же сама видела. Я и раньше бывала в трактирах – гораздо меньше вашего. У нас дома, в деревне, тоже есть трактир. Его хозяин был нашим другом. Мы с мамой много раз пили там чай в гостиной, а наверху хоть и располагались всего две комнаты, но они были хорошо обставлены, и для постояльцев там имелось все необходимое.

Тетя с минуту помолчала, губы ее дрожали, пальцы сплетались на коленях.

– Твой дядя Джосс не любит постояльцев, – вымолвила она наконец. – Он говорит, что никогда не знаешь, кем они окажутся. Ведь в таком уединенном месте нас могут запросто убить в постели. На большой дороге всякие люди попадают. Так что пускать их опасно.

– Тетя Пейшенс, ты говоришь чепуху. Какой толк от трактира, в котором честному путнику не найдется приюта на ночь? Зачем же тогда его вообще строили? И на что вы живете, если у вас нет посетителей?

– У нас есть посетители, – угрюмо возразила женщина. – Я тебе уже говорила. Сюда заходят люди с ферм и из окрестных деревень. По всем этим пустошам на многие мили вокруг разбросаны фермы и небольшие дома, и их обитатели заглядывают к нам. Бывают вечера, когда бар заполнен до отказа.

– Кучер дилижанса вчера сказал мне, что порядочные люди больше не ходят в «Ямайку». Он говорил, что они боятся.

У тети Пейшенс кровь отлила от лица. Она побледнела, глаза блуждали. Бедняжка слотнула и провела языком по губам.

– У твоего дяди Джосса трудный характер, – сказала она. – Ты это сама видела. Он легко выходит из себя; в свои дела он никому не позволит вмешиваться.

– Тетя Пейшенс, с какой стати кому-то вмешиваться в дела хозяина трактира, если он не нарушает закон? И горячий нрав трактирщика клиентов не распугает. Дело ведь не в этом.

Тетя молчала. Она исчерпала все объяснения и теперь просто сидела, упрямая, как мул. Было ясно, что разговорить ее не удастся. Мэри попробовала зайти с другой стороны:

– А почему вы переехали сюда? Мама ничего об этом не знала; мы думали, что вы в Бодмине. Ты написала оттуда, когда вы поженились.

– Я действительно познакомилась с твоим дядей в Бодмине, но мы никогда там не жили, – медленно ответила тетя Пейшенс. – Какое-то время мы жили неподалеку от Пэдстоу, а потом перебрались сюда. Твой дядя купил трактир у мистера Бассата. Кажется, он пустовал много лет, и твой дядя решил, что это заведение ему подойдет. Он хотел где-нибудь обосноваться. В свое время Джосс много путешествовал, много где побывал, я и названий всех этих мест не помню. Кажется, он даже в Америке был.

– Странно, что дядя остановил свой выбор на этом месте, – заметила Мэри. – По-моему, хуже не придумаешь.

– Это рядом с его родным домом, – пояснила тетя. – Твой дядя родился всего в нескольких милях отсюда, на пустоши Двенадцати Апостолов. Там сейчас живет его брат Джем в крохотном домишке – когда не бродяжничает. Он сюда заходит иногда, но Джосс не очень его жалуется.

– А мистер Бассат когда-нибудь заглядывает в трактир?

– Нет.

– А почему? Он жалеет, что продал его дяде?

Тетя Пейшенс перебирала пальцами и двигала ртом.

– Тут вышло небольшое недоразумение, – ответила она. – Твой дядя купил трактир через одного друга. Мистер Бассат не знал, кто будет новым владельцем, пока мы не въехали, а потом был не очень-то доволен.

– Почему?

– Он не видел твоего дядю со времен его юности. Джосс раньше был буйным, прослыл задирой. Это не его вина, Мэри, а его беда. Мерлины все горячие. А его младший брат Джем – самый непутевый из них. Но мистер Бассат наслушался всякого вранья про дядю Джосса и был очень расстроен, когда узнал, кому продал «Ямайку». Вот в этом-то все и дело.

Тетушка откинулась на спинку стула, измученная расспросами. Ее глаза просили пощады, лицо совсем осунулось. Мэри видела, что с нее довольно, но с жестокой дерзостью, свойственной юности, все-таки задала еще один вопрос.

– Тетя Пейшенс, – произнесла она, – я хочу, чтобы ты посмотрела мне в глаза и ответила, и больше я не буду тебя мучить. Какое отношение имеет запертая комната в конце коридора к повозкам, которые по ночам останавливаются у трактира «Ямайка»?

Мэри тут же пожалела, что спросила, и, как многие и многие до нее, кто слишком поторопился что-нибудь сказать, от всей души пожелала взять свои слова назад. Однако было уже слишком поздно. Она сама все испортила.

Странное выражение появилось на лице трактирщицы, и ее огромные ввалившиеся глаза в ужасе уставились через стол на Мэри. Губы задрожали, а рука потянулась к горлу. Она выглядела так, будто увидела привидение.

Мэри оттолкнула стул и опустилась перед тетушкой на колени. Она обняла тетю Пейшенс, прижала ее к себе и поцеловала в голову.

– Прости меня, – сказала она. – Не сердись. Я грубая и назойливая. Это не мое дело, я не имею права расспрашивать тебя, и мне очень стыдно. Пожалуйста, прошу тебя, забудь, что я говорила.

Тетя закрыла лицо руками. Она застыла неподвижно и не обращала на племянницу внимания. Несколько минут они сидели молча, и Мэри гладила тетушку по плечам и целовала ее руки.

Затем тетя Пейшенс открыла лицо и взглянула на девушку.

Страх исчез из ее глаз, и она была спокойна. Женщина взяла ладони Мэри в свои и пристально посмотрела ей в лицо.

– Мэри, – сказала она голосом глухим и тихим, почти шепотом, – Мэри, я не могу ответить на твои вопросы, потому что на многое и сама не знаю ответа. Но поскольку ты моя племянница, дитя моей родной сестры, я должна тебя предупредить.

Она оглянулась через плечо, как будто боялась, что Джосс стоит в тени за дверью.

– В «Ямайке» творятся такие вещи, Мэри, о которых я не смею даже заикнуться. Скверные вещи. Ужасные дела, о которых я никогда не смогу тебе рассказать; я даже себе самой боюсь в них признаться. Кое-что ты со временем узнаешь. Этого не избежать, раз ты здесь живешь. Твой дядя Джосс якшается со странными людьми, которые занимаются странным ремеслом. Иногда они приходят по ночам, и из своего окна над дверью ты услышишь шаги и голоса и стук в дверь. Твой дядя их впускает и ведет по коридору в ту самую комнату с запертой дверью. Они входят туда, и из своей спальни, прямо над этой комнатой, я всю ночь слышу их голоса. Перед рассветом гостей уже нет, и нет никаких следов того, что они вообще здесь были. Когда эти люди придут, Мэри, ты ничего не скажешь – ни мне, ни своему дяде Джоссу. Ты должна лежать в постели, заткнув уши. Никогда не расспрашивай ни меня, ни его, ни вообще никого, потому что, если ты догадаешься хотя бы о половине того, что знаю я, ты поседеешь, Мэри, как поседела я, начнешь заикаться и плакать по ночам, и вся твоя прелестная беззаботная юность умрет, Мэри, как умерла моя.

Затем тетушка поднялась из-за стола и оттолкнула в сторону стул, и Мэри услышала, как она взбирается по лестнице, с трудом передвигая непослушные ноги, как нетвердой походкой бредет к себе в комнату и закрывает дверь.

Мэри продолжала сидеть на полу около пустого стула. Она увидела сквозь кухонное окно, что солнце уже почти исчезло за дальним холмом, и осталось совсем немного времени до того, как ноябрьские сумерки, серые и зловещие, снова опустятся на «Ямайку».

## Глава 4

Джосса Мерлина не было почти целую неделю, и за это время Мэри успела кое-что разузнать о здешних краях.

Ее присутствия в баре не требовалось, потому что никто не приходил туда, пока не было хозяина, и она могла бродить где угодно после того, как управлялась с домашними делами. Пейшенс Мерлин прогулок не любила; у нее не возникало желания двинуться куда-нибудь дальше курятника на задворках трактира и начисто отсутствовала способность ориентироваться. Из разговоров с мужем тетушка запомнила несколько названий холмов, но о том, где они находятся и как туда добраться, она не имела понятия. Так что Мэри обычно около полудня отправлялась в путь на свой страх и риск, и ориентироваться ей помогало только солнце да еще здравый смысл, с рождения присущий сельским жителям.

Вересковые пустоши были еще более дикими, чем ей сперва показалось. Как бескрайняя пустыня, они протянулись с востока на запад; кое-где их пересекали проселочные дороги, и огромные холмы разрывали линию горизонта.

Где они заканчивались, Мэри не могла сказать, ведь только однажды, забравшись на самую высокую вершину позади «Ямайки», она заметила далеко на западе серебристое мерцание моря. Это был безмолвный, безлюдный край, необозримый и не тронутый человеком. На вершинах холмов каменные плиты громоздились одна на другую, удивляя странными очертаниями и формами, – массивные часовые, которые стояли там с тех самых пор, как рука Господня сотворила их.

Некоторые походили на гигантскую мебель, этакие чудовищные стулья и кривые столы; а из осыпавшихся камней поменьше сложилась фигура лежащего великана, которая отбрасывала тень на вереск и пучки жесткой травы. Были здесь и вытянутые глыбы, которые стояли вертикально, чудесным образом сохраняя равновесие, как будто опираясь на ветер; встречались и плоские, словно алтари, – их гладкая отполированная поверхность смотрела в небо, тщетно ожидая жертвы. На высоких вершинах обитали дикие овцы, а также вороны и сарычи; холмы давали приют всем одиноким тварям.

Черные коровы паслись на пустоши внизу, их осторожные копыта ступали по твердой земле, они инстинктивно избегали пышных, соблазнительных пучков травы, росших на топкой трясине, которая вздыхала и чмокала. Когда ветер налетал на холмы, он печально свистел в расщелинах гранита, а иногда вздрагивал, как вздрагивает от боли человек.

Странные ветры налетали из ниоткуда. Они стелились по поверхности травы, заставляя ее дрожать. Они дули на лужицы среди изъеденных временем камней, подергивая их рябью. Иногда ветер завывал и плакал, и вой эхом отдавался в расщелинах, стонал и снова стихал. На вершинах стояла тишина, она принадлежала другому времени – веку, который прошел и исчез, словно его и не было, эпохе, когда не сотворен еще был человек и лишь языческие божества ступали по холмам. Воздух тут был неподвижным, тут царил покой, древний, не Божий.

Бродя по пустошам, взбираясь на холмы и отдыхая в глубоких низинах у ручейков и речушек, Мэри Йеллан думала о Джоссе Мерлине и о том, какое у него было детство: он рос искореженным, как чахлый ракитовый куст, и весь цвет с него сдул северный ветер.

Однажды она пересекла Восточную пустошь в том направлении, которое трактирщик указал ей в первый вечер. Пройдя часть пути, девушка остановилась на гребне холма, со всех сторон окруженного унылой пустошью, и увидела, что у его подножия раскинулось глубокое и коварное болото, сквозь которое, весело журча, пробивается ручей. А за болотом, как раз напротив, над пустошью вздымается утес, указывая в небо огромными растопыренными пальцами, словно высеченными из гранита зловеще-серого цвета.

Значит, это и был Килмар; и где-то там, среди этих голых скал, чьи вершины заслоняют солнце, родился Джосс Мерлин, а сейчас живет его брат. Здесь же внизу, в болоте, утонул Мэтью Мерлин. Мэри ясно представила, как он шагает по твердой земле, насвистывая песню, вторя журчанию ручья. Но вот незаметно опустился вечер, и путник, уже готовый повернуть назад, замедлил шаг. Девушка представила, как он остановился, задумался на минуту и тихо выругался, а затем, пожав плечами, двинулся сквозь туман, вновь обретая уверенность. Однако, не сделав и пяти шагов, Мэтью почувствовал, как земля просела у него под ногами, споткнулся, упал и внезапно оказался по колено в трясине. Он дотянулся до пучка травы, но тот ушел под воду под его тяжестью. Парень стал выдергивать ноги, но они не слушались. Он предпринял новую попытку, и одну ногу удалось высвободить из трясины, но когда Мэтью в панике безрассудно рванулся вперед, то оказался еще глубже в воде и теперь беспомощно барахтался, колотя руками. Мэри слышала, как бедняга вопит от страха и как кроншнеп поднялся с болота перед ним, хлопая крыльями и издавая скорбный крик. Когда кроншнеп скрылся из виду, исчезнув за гребнем холма, болото уже снова было спокойно; только несколько травинок дрожало на ветру, и стояла тишина.

Мэри повернулась спиной к Килмару и побежала через пустошь, спотыкаясь о вереск и камни, и не останавливалась, пока болото не исчезло за холмом, а утес не скрылся из виду. Она забрела дальше, чем собиралась, и путь домой оказался длинным. Прошла целая вечность, прежде чем последний холм остался позади, а высокие трубы трактира «Ямайка» возникли перед ней над извилистой дорогой. Пересекая двор, Мэри с замиранием сердца заметила, что дверь конюшни открыта и лошадь стоит внутри. Джосс Мерлин вернулся.

Она открыла дверь как можно тише, но та царапала по каменным плитам и протестующе скрежетала. Звук разнесся по коридору, и через минуту из глубины дома, наклонив голову под притолокой, появился хозяин. Рукава его рубашки были закатаны выше локтя, а в руке он держал стакан и салфетку. Казалось, трактирщик пребывал в прекрасном настроении, потому что громко приветствовал Мэри, размахивая стаканом.

– Эй, – проревел он, – нечего корчить унылую мину. Ты что, не рада меня видеть? Очень по мне скучала?

Мэри сделала попытку улыбнуться и спросила, приятной ли была поездка.

– Какой, к черту, приятной, – ответил он. – Я получил деньги, а на остальное мне плевать. Я не во дворце у короля гостил, если ты это имеешь в виду.

Он громко расхохотался своей шутке, и из-за его плеча выглянула жена, согласно и глупо улыбаясь.

Как только смех хозяина умолк, улыбка исчезла с лица тети Пейшенс. Снова вернулись напряженное, затравленное выражение и остановившийся, изумленно-бестолковый взгляд, который у нее обычно появлялся в присутствии мужа.

Мэри сразу поняла, что передышке, которой ее тетка наслаждалась всю прошедшую неделю, пришел конец и что она опять превратилась в нервное, истерзанное существо.

Мэри повернулась, чтобы подняться к себе в комнату, но Джосс окликнул ее.

– Эй, – сказал он, – не вздумай увильнуть от работы сегодня вечером. Сегодня будешь помогать мне в баре. Ты что, не знаешь, какой нынче день недели?

Мэри задумалась. Она потеряла счет времени. Кажется, она села в дилижанс в понедельник? Значит, сегодня суббота – субботний вечер. Тогда понятно, что имеет в виду Джосс Мерлин. Сегодня в трактире «Ямайка» соберутся гости.

Они приходили поодиночке, обитатели пустошей, пересекая двор быстро и тихо, словно опасаясь, что их заметят. В тусклом свете они казались бесплотными тенями, крившимися вдоль стены и проскальзывавшими под навесом, чтобы постучаться в дверь бара. Некоторые несли фонари, но их мерцающий свет, видимо, тревожил хозяев, потому что они пытались

заслонить их, прикрывая плащом. Один или двое гостей въехали во двор на лошадях, чьи копыта звонко стучали по камням. Это цоканье странно отдавалось в ночной тишине, а за ним следовали скрип дверных петель в конюшне и приглушенные голоса мужчин, заводивших своих лошадей в стойла. Другие гости, еще более скрытные, не имели при себе ни лампы, ни фонаря и спешили через двор в низко надвинутых шляпах, до самого подбородка закутавшись в плащи, эта таинственность и выдавала их желание остаться незамеченными. Видимой причины для такой скрытности не было, ибо любому путнику, идущему по дороге, было ясно, что сегодня трактир «Ямайка» ждет гостей. Свет струился из окон, обычно наглухо закрытых ставнями, а по мере того, как вечерело и проходил час за часом, голоса звучали все громче. Временами раздавались пение, и возгласы, и раскаты смеха, свидетельствовавшие, что посетители трактира, которые шли крадучись и будто стыдясь, позабыли страх, стоило им переступить порог битком набитого бара, где они зажгли трубки, наполнили стаканы и отбросили всякую осторожность.

Странное общество собралось здесь, в баре, вокруг Джосса Мерлина. Надежно защищенная стойкой и полускрытая батареей бутылок и стаканов, Мэри могла разглядеть всю компанию, не привлекая к себе внимания. Одни расселись на табуретах и скамьях, другие стояли, прислонившись к стене, третьи повалились на столы; один или двое, чьи головы или желудки оказались послабее, уже растянулись на полу. Почти все посетители были грязны и оборваны, с нечесаными волосами и обломанными ногтями: бродяги, шатуны, браконьеры, воры, конокрады, цыгане. Здесь был фермер, потерявший ферму из-за нерадивости и лени; пастух, который поджег стог своего хозяина; барышник, сбежавший из Девона от расправы. Один парень чинил башмаки в Лонстоне и под прикрытием своего ремесла торговал краденым; другой, который сейчас в пьяном забытии валялся на полу, служил когда-то помощником капитана шхуны в Пэдстоу и посадил судно на мель. Коротышка, примостившийся в дальнем углу, грыз ногти, был рыбаком из Порт-Айзека, и ходили слухи, что он хранит дома золотой клад, завернутый в чулок и спрятанный в печной трубе, но откуда взялось это золото – никто не ведал. Здесь были люди, жившие по соседству, под сенью скалистых гор, и не знавшие иной земли, кроме вересковых пустошей, болот и гранита; один из гостей Джосса пришел пешком, без фонаря, с Тесного болота за Раф-Тором, перевалив через холм, прозванный Бурым Вилли; другой явился из Чизринга и теперь, положив на стол ноги в сапогах, сидел над кружкой пива бок о бок с несчастным полоумным парнем, который приковылял по тропинке из Дозмэри. У этого бедолаги было родимое пятно во все лицо, словно огромное багровое клеймо, и он все время щипал его и оттягивал щеку, так что Мэри, которую отделяла от парня только батарея бутылок, затошнило, и она чуть не упала в обморок. Что же до запаха прокисшего пива, табачного дыма и зловония, исходившего от немых тел, то девушка чувствовала, как в ней поднимается отвращение, и понимала, что долго ей не выдержать. К счастью, Мэри не надо было ходить среди гостей; в ее обязанности входило стоять за стойкой, стараясь быть как можно незаметнее, по мере надобности мыть и вытирать стаканы и снова наполнять их из пивного крана или из бутылки, а Джосс Мерлин сам передавал их своим клиентам или поднимал откидную доску бара и выходил в зал, смеясь с одним, переругиваясь с другим, кого-то хлопая по плечу, кому-то кивая. После первого взрыва веселья, первых любопытных взглядов, пожиманий плечами и смешков компания, собравшаяся в трактире, перестала обращать внимание на Мэри. Ее представили как племянницу хозяина, приехавшую помогать жене Мерлина, и хотя кое-кто помоложе с удовольствием поболтал бы с девушкой и даже приударил за ней, но все они в присутствии хозяина были осторожны, опасаясь рассердить его, так как Джосс, должно быть, привез ее в «Ямайку» для себя. Так что Мэри не трогали, к ее большому облегчению, хотя если бы девушка знала причину их сдержанности, она в ту же ночь убежала бы из бара, сгорая от стыда и отвращения.

Тетя не появлялась перед клиентами, хотя Мэри временами видела ее тень за дверью и слышала шаги в коридоре, а один раз заметила ее испуганные глаза, глядевшие в дверную щелку. Вечер казался нескончаемым, и Мэри жаждала избавления. Из-за пелены табачного дыма и алкогольных паров, висевшей в воздухе, едва можно было разглядеть другой конец зала, и ее усталым, закрывающимся глазам лица мужчин представлялись бесформенными и искаженными, состоящими только из волос и зубов, с непомерно большими ртами. Те, кто уже напился под завязку, лежали на скамейках или на полу, словно мертвые, уткнувшись лицом в ладони.

Те, кто еще был достаточно трезв, чтобы держаться на ногах, столпились вокруг грязного маленького проходимца из Редрута, который сделался душой общества. Шахта, где он прежде работал, обрушилась, и он пустился бродяжничать, торговал вразнос, побирался и постепенно собрал целую коллекцию похабных песенок, словно извлеченных им из грязных внутренностей земли, в которых он когда-то чуть не был погребен заживо, и вот теперь этими перлами он развлекал компанию в трактире «Ямайка».

От хохота, которым встречали его сальные остроты, дрожала крыша, и громче всех смеялся сам хозяин. Мэри был противен этот гнусный, визгливый смех, в котором не было ни капли веселья, он разносился по темным каменным коридорам и пустым комнатам наверху, но казался девушке каким-то вымученным. Разносчик принялся издеваться над несчастным дурачком из Дозмэри, который, совсем отупев от выпивки, утратил всякий контроль над собой и, не в силах подняться, ползал по полу, как животное. Гости водрузили его на стол, и разносчик заставил его повторять слова своих песен, дополняя их соответствующими жестами, под неистовый хохот толпы; и бедолага, возбужденный аплодисментами и поощрительными криками, подпрыгивал на столе, визжа от удовольствия и царапая свое родимое пятно сломанным ногтем. Мэри больше не могла этого вынести. Она тронула дядю за плечо, и тот обернулся к ней; по его лицу, раскрасневшемуся от жары, стекали струйки пота.

– Я больше не могу, – сказала девушка. – Вам придется самому позаботиться о своих друзьях. Я иду наверх, к себе в комнату.

Трактирщик вытер пот со лба рукавом рубашки и глянул на племянницу сверху вниз. Она с удивлением увидела, что он, хотя и пил весь вечер, остался трезв, и если и верховодил всей этой буйной, ошалевшей компанией, то явно сознавал, что делает.

– Что, хватит с тебя? – сказал Джосс. – Небось думаешь, что ты чересчур хороша для таких, как мы? Вот что я тебе скажу, Мэри. Ты спокойно простояла сегодня за стойкой, и за это ты должна на коленях благодарить меня. Они тебя не тронули, моя милая, потому что ты моя племянница, но если б ты не имела чести ею быть – ей-богу, сейчас от тебя остались бы рожки да ножки! – Трактирщик зашелся смехом и больно ущипнул девушку за щеку. – А теперь убирайся, – сказал он, – как-никак уже почти полночь, и ты мне больше не нужна. Сегодня ты запрешь свою дверь, Мэри, и опустишь ставень. Твоя тетя уже час как лежит в постели, с головой укрывшись одеялом.

Дядя понизил голос. Нагнувшись к ее уху и схватив племянницу за запястье, он заломил ей руку за спину так, что девушка вскрикнула.

– Так-то, – сказал он, – это вроде как предупреждение, и ты теперь знаешь, чего ждать. Держи рот на замке, и я буду обращаться с тобой как с ягненком. Негоже проявлять любопытство в трактире «Ямайка», и я тебя заставлю помнить об этом. – Джосс уже не смеялся, а, нахмурясь, пристально смотрел на Мэри, как будто читая ее мысли. – Ты не такая дура, как твоя тетка, – медленно проговорил он, – вот в чем беда. У тебя умная обезьянья мордашка, и ты, как обезьянка, любишь все разноухать, до всего докопаться, и тебя нелегко напугать. Но вот что я тебе скажу, Мэри Йеллан: я окорочу твой ум, если ты дашь ему волю, и твое тело тоже. А теперь отправляйся наверх, в постель, и чтобы я больше тебя сегодня не слышал.

Дядя отвернулся от нее и, все еще хмурясь, взял стакан со стойки и принялся снова и снова вертеть его в руках, протирая тряпкой. Презрение в глазах девушки, должно быть, обеспокоило трактирщика, потому что его хорошее настроение мгновенно улетучилось, и он отшвырнул стакан в припадке раздражения, разбив его вдребезги.

– Разденьте этого чертова идиота, – прогремел он, – и отправьте его нагишом домой к мамочке. Может быть, ноябрьский воздух охладит его багровое лицо и излечит парня от собачьих ужимок. Он давно уже тут всем надоед.

Разносчик и его команда взвыли от восторга и, опрокинув несчастного недоумка на спину, стали срывать с него куртку и штаны, а ошалевший парень беспомощно отбивался от них, бляя, как овца.

Мэри выбежала из зала, захлопнув за собой дверь, и, пока она, закрыв уши ладонями, поднималась по скрипучей лестнице, ее продолжали преследовать звуки хохота и дикого пения, которые эхом отдавались в холодном коридоре и сквозь щели в дощатом полу проникали в ее комнату.

Мэри стало дурно, и она бросилась на кровать, обхватив голову руками. Внизу, во дворе, началось вавилонское столпотворение: галдеж, визг и хохот; поток света от мечущегося фонаря бил в ее окно. Девушка встала и опустила ставень, но прежде успела заметить очертания дрожащей голой фигуры, огромными скачками удирающей через двор и жалобно кричащей, словно заяц. Несчастного преследовала кучка улюлюкающих, гогочущих людей, возглавляемая гигантской фигурой Джосса Мерлина, шелкающего кнутом над головой.

Мэри сделала так, как велел ей дядя. Торопливо разделась и забралась в постель, натянула одеяло на голову и заткнула пальцами уши с единственной целью – не слышать разгула там, внизу; но, даже зажмурив глаза и уткнувшись лицом в подушку, она видела лицо бедного дурачка с огромным багровым пятном, обращенное к мучителям, и слышала слабый отзвук его крика, когда тот свалился в канаву.

Она лежала в том полубессознательном состоянии, которое подстерегает нас на границе сна, когда события прошедшего дня теснятся в голове и беспорядочно смешиваются. Перед нею маячили разные образы и незнакомые лица. Мэри казалось, что она бредет через пустошь, где возвышается над окрестными холмами Килмар, и одновременно она видела тонкую лунную дорожку на полу своей комнаты и слышала поскрипывание ставня. Сперва снаружи раздавались голоса, потом их не стало слышно; где-то далеко по большой дороге вскачь пронесся конь и прогромыхали колеса, но теперь все было тихо. Мэри заснула, но вдруг, совершенно внезапно, окутавший ее душевный покой распался. Девушка мгновенно пробудилась и села в постели, лунный свет заливал ее лицо.

Мэри прислушалась; сперва она ничего не услышала, кроме биения собственного сердца, но через несколько минут до нее донесся другой звук, на этот раз из-под пола ее комнаты – что-то тяжелое волокли по каменным плитам нижнего коридора, и ноша эта ударялась о стены.

Она поднялась с постели, подошла к окну и чуть-чуть приоткрыла ставень. Снаружи, во дворе, остановилось пять повозок. Три были крытые, в каждую впряжено по паре лошадей, а другие две – обыкновенные телеги. Одна из крытых повозок стояла прямо под дверным навесом, и от лошадей шел пар.

Вокруг повозок собрались некоторые из тех, кто вечером пил в баре: сапожник из Лонстона стоял под окном Мэри и говорил с барышником; моряк из Пэдстоу пришел в себя и поглаживал голову лошади; разносчик, который мучил бедного дурачка, залез в одну из телег и что-то вынимал со дна. Во дворе были и незнакомцы, которых Мэри раньше не видела. Она могла четко разглядеть их лица благодаря лунному свету, который, видимо, тревожил этих людей, так как один из них указал наверх и покачал головой, а его спутник пожал плечами, причем третий, очевидно пользовавшийся авторитетом, нетерпеливо махнул рукой, как бы заставляя их поторопиться, и все трое одновременно повернулись и прошли в трактир. Тем временем

тяжести продолжали перетаскивать, и Мэри, не сходя с места, без труда могла проследить по шуму направление. Что-то волокли по коридору в дальнюю комнату с заколоченным окном и запертой на засов дверью.

Она начала догадываться, что к чему. Тюки привозили в повозках и выгружали в трактире «Ямайка». Они хранились в запертой комнате. От лошадей шел пар, значит они покрыли большое расстояние – возможно, от самого берега, – и, как только повозки разгрузят, они уедут, растворившись в ночи так же внезапно и безмолвно, как появились.

Люди во дворе работали быстро, не теряя времени. Содержимое одной из крытых повозок не стали относить в трактир, а переложили на телегу, въехавшую во двор. Тюки были разного размера и формы: большие, маленькие, длинные рулоны, обернутые соломой и бумагой. Когда места в телеге не осталось, возница, чье лицо было Мэри незнакомо, забрался на облучок и уехал.

Остальные повозки разгружали одну за другой, тюки или увозили со двора на телегах, или заносили в дом. Все делалось молча. Те самые люди, которые не так давно орали и пели, теперь были трезвы, спокойны и деловиты. Казалось, даже лошади понимают необходимость соблюдать тишину и стояли неподвижно.

Джосс Мерлин вышел из трактира вместе с разносчиком. Несмотря на холод, оба были без курток и шляп, с рукавами, закатанными до плеч.

– Это всё? – тихо спросил трактирщик, и возница последней повозки кивнул в ответ и поднял руку.

Люди стали залезать в повозки. Некоторые из тех, кто пришел в трактир пешком, поехали с ними, чтобы на пару миль сократить длинный путь домой. Они не остались без вознаграждения; все несли какую-нибудь поклажу: ящики за плечами, узлы под мышкой; а сапожник из Лонстона не только нагрузил свою лошадь набитыми до отказа переметными сумами, но и на себя кое-что навесил, в несколько раз увеличившись в объёме.

Итак, повозки и телеги покидали трактир одна за другой, со скрипом выезжая со двора, словно похоронная процессия, некоторые поворачивали на большой дороге на север, некоторые – на юг, пока все не скрылись из виду. Во дворе не осталось никого, кроме одного человека, которого Мэри раньше не видела, разносчика и самого хозяина трактира «Ямайка».

Они тоже повернулись и ушли обратно в дом, двор опустел. Девушка услышала, как они идут по коридору по направлению к бару, затем их шаги стихли, и хлопнула дверь.

Не было слышно никаких звуков, только хрипло тикали часы в прихожей. После резкой жужжащей ноты, предшествовавшей бою, часы пробили три раза и продолжали тикать дальше, хрипя и задыхаясь, как умирающий, которому не хватает воздуха.

Мэри отошла от окна и села на кровать. Сквозняк обдувал девушке плечи, и, задрожав, она потянулась за шалью. О сне можно было забыть. Она окончательно пробудилась, нервы были напряжены; несмотря на страх и неприязнь, любопытство взяло верх. Теперь Мэри кое-что узнала о его делах. Сегодня ночью она видела крупную партию контрабанды. Несомненно, трактир «Ямайка» для этой цели расположен идеально, и дядя, должно быть, купил его с этим прицелом. Конечно, все разговоры о стремлении вернуться в родные места – полная чушь. Трактир одиноко стоял на большой дороге, которая вела с юга на север, и Мэри понимала, что человек, наделенный организаторскими способностями, мог легко собрать команду перевозчиков, которые доставляли товар с берега моря к реке Теймар, устроив перевалочный пункт и склад в трактире.

Чтобы дело процветало, нужны были шпионы по всей округе; отсюда моряк из Пэдстоу, башмачник из Лонстона, цыгане, и бродяги, и гадкий маленький разносчик.

И все же, при всех своих несомненных способностях, энергии и физической силе, вселившей в подельников страх, был ли Джосс Мерлин достаточно сообразителен и хитер, чтобы возглавлять такое предприятие? Действительно ли он продумывал каждое действие, каждый

рейс и, всю прошедшую неделю отсутствуя дома, занимался приготовлениями к сегодняшней операции?

Похоже, что так оно и было. Мэри не видела другого объяснения, и, хотя ее отвращение к трактирщику возросло, его деловая хватка вызывала невольное уважение.

Ведь все это нужно было контролировать, тщательно подбирать людей толковых, несмотря на всю их грубость и отталкивающую наружность, иначе не удалось бы так долго водить власти за нос. Судья, узнавший о контрабанде, первым делом подумал бы о трактире, если только сам не был в доле. Мэри нахмурилась, подперев ладонью подбородок. Если бы не тетя Пейшенс, она прямо сейчас вышла бы из дому, отыскала бы дорогу в ближайший город и донесла на Джосса Мерлина. Дядюшка мигом оказался бы в тюрьме, и остальные негодяи вместе с ним, а его махинациям пришел бы конец. Однако бесполезно затевать все это без тети Пейшенс, но та все еще хранила собачью преданность мужу, что делало задачу трудной, а в данный момент – и вовсе неразрешимой.

Мэри снова и снова обдумывала, как лучше поступить. Она не была уверена, что во всем разобралась. Трактир «Ямайка» – притон воров и разбойников, которые ведут выгодную контрабандную торговлю между побережьем и Девонем; скорее всего, их возглавляет ее дядя. Это ясно. Ну а если она видела только часть дела и ей предстоит еще многое узнать? Девушка вспомнила ужас в глазах тети Пейшенс и ее слова, произнесенные шепотом в тот первый вечер, когда тени ранних сумерек поползли по полу кухни: «В „Ямайке“ творятся такие вещи, Мэри, о которых я не смею даже заикнуться. Скверные вещи. Ужасные дела, о которых я никогда не смогу тебе рассказать; я даже себе самой боюсь в них признаться». Помнится, сказав это, тетюшка заковыляла к себе в комнату, испуганная и бледная, с трудом волоча ноги, как старое усталое животное.

Контрабанда – дело опасное; она является преступным промыслом и строго запрещена законами страны. Но такое ли уж это ужасное зло? Мэри не могла в этом разобраться. Она нуждалась в совете, но спросить было некого. Девушка оказалась совсем одна в мрачном и враждебном мире, который ей вряд ли удастся изменить к лучшему. Будь Мэри мужчиной, она спустилась бы сейчас вниз и бросила вызов Джоссу Мерлину, а заодно и его друзьям. Да, она дралась бы с ними и избивала бы их в кровь, если бы только ей удалось это сделать. А потом – прочь, верхом, усадив тетю Пейшенс позади себя. И скакать вниз, на юг, обратно к дружелюбному берегу Хелфорда, и завести ферму неподалеку от Могана или Гвика, чтобы тетя вела там домашнее хозяйство.

Однако в мечтах пользы мало; нужно смотреть в лицо действительности – и делать это смело, если хочешь чего-нибудь добиться.

Вот она сидит на кровати, девушка двадцати трех лет, в нижней юбке и шали, и ее ум – единственное оружие, которое она может противопоставить человеку в два раза ее старше и в десять раз сильнее. И если только этот человек поймет, что она сегодня ночью все видела из окна, он просто возьмет Мэри рукой за шею и, слегка надавив большим и указательным пальцем, положит конец ее любопытству.

Мэри выругалась. Такое с ней случалось только раз, когда в Манаккане за ней погнался бык, и с той же целью: тогда ей тоже требовалась не просто смелость, но дерзкая, безрассудная отвага.

– Я никогда не выкажу страха перед Джоссом Мерлином и ни перед кем другим, – сказала она себе. – И чтобы доказать это, я прямо сейчас спущусь вниз, в темный коридор, и взгляну, что они там делают в баре, а если дядя меня убьет, я сама буду виновата.

Мэри торопливо оделась и натянула чулки, но обуваться не стала. Затем, открыв дверь, она с минуту постояла, прислушиваясь, но ничего не услышала, кроме медленного, сдавленного тиканья часов в прихожей.

Девушка прокралась в коридор и подошла к лестнице. Она уже знала, что третья ступенька сверху скрипит и последняя тоже. Мэри двигалась осторожно, одной рукой опираясь на перила, а другой держась за стену, чтобы ступать как можно легче, и так спустилась в темную прихожую у входной двери. Там ничего не было, кроме единственного шаткого стула и темного силуэта старинных напольных часов. Тиканье часов раздавалось у девушки над ухом и нарушало тишину, словно дыхание живого существа. В прихожей было темно, как в погребке, и, хотя Мэри знала, что она здесь одна, само одиночество уже казалось угрожающим, а закрытая дверь в пустующую гостиную наводила страх.

Воздух был затхлый и спертый, только ноги в одних чулках стыли от прикосновения к холодным каменным плитам. Пока Мэри медлила, набираясь смелости, чтобы продолжить путь, луч света внезапно блеснул в коридоре, ведущем в прихожую, и она услышала голоса. Дверь бара, должно быть, распахнулась, и кто-то вышел, потому что шаги проследовали в кухню и через несколько минут вернулись обратно, но кто бы это ни был, он оставил дверь приоткрытой, так как приглушенный шум голосов продолжал звучать и свет не погас. Мэри очень хотелось подняться обратно в свою спальню и попробовать забыться сном, но ее словно подталкивал какой-то неугомный демон любопытства, он-то и потащил девушку к дальнему коридору и заставил ее прижаться к стене всего в нескольких шагах от двери бара. Ее лоб и ладони покрылись испариной, и сперва Мэри ничего не слышала, кроме громкого биения собственного сердца. Дверь была открыта достаточно широко для того, чтобы девушка могла видеть откидную стойку бара и батарею бутылок и стаканов, а прямо перед собой – узкую полоску пола. Осколки стакана, разбитого дядей, по-прежнему лежали там, куда упали, а рядом с ними виднелось коричневое пятно от пива, пролитого чьей-то нетвердой рукой. Мужчины, должно быть, сидели на скамьях у противоположной стены, потому что Мэри их не видела. Все смолкло, а затем внезапно прозвучал мужской голос, дрожащий и высокий, – голос незнакомца.

– Нет и еще раз нет, – сказал он. – Говорю вам в последний раз: я в этом не участвую. Я не желаю иметь с вами ничего общего и разрываю наше соглашение. Это убийство – то, на что вы меня толкаете, мистер Мерлин; по-другому не назовешь – настоящее убийство.

Голос, звучавший высоко и напряженно, вдруг дрогнул на последней ноте, как если бы говоривший сорвался, утратив самообладание. Кто-то – несомненно, сам хозяин – тихо ему ответил, но Мэри не расслышала слов. Затем его речь прервал гогочущий смех, который Мэри узнала. Он принадлежал разносчику. Смех этот звучал недвусмысленно – он был оскорбительным и грубым.

Должно быть, в ответе заключался какой-то намек, потому что незнакомец снова заговорил – быстро, словно обороняясь.

– Виселица, говорите? – произнес он. – Мне уже доводилось рисковать своей шеей, этого я не боюсь. Нет, я думаю о своей совести и о всемогущем Господе; я готов драться с кем угодно и ответить за это, если придется, но коли дело доходит до убийства невинных людей, среди которых к тому же могут оказаться женщины и дети, это прямая дорога в ад, Джосс Мерлин, и ты это знаешь не хуже меня.

Мэри услышала скрип стула, незнакомец поднялся на ноги, но в тот же миг кто-то грохнул кулаком по столу и выругался. Тут дядя в первый раз повысил голос.

– Не так быстро, мой друг, – сказал он, – не стоит спешить. Ты увяз в этом деле по самую шею, черт бы побрал твою проклятую совесть! Говорю тебе, пути назад нет, слишком поздно; слишком поздно для тебя и для всех нас. Я сомневался в тебе с самого начала, меня смущали твои джентльменские замашки и чистые манжеты, и, ей-богу, я оказался прав. Гарри, запри дверь на засов и заложил доской.

Внезапно завязалась драка. Мэри услышала крик и стук падающего тела, и в то же самое время стол рухнул на пол, а дверь во двор захлопнулась. Разносчик еще раз засмеялся, гнусно и непотребно, и стал насвистывать одну из своих песенок.

– Может, пощекочем его, как дурачка Сэма, – предложил он, прервавшись на середине. – Полагаю, он окажется совсем цыпленком без своей изящной одежды. Мне бы очень сгодились его часы с цепочкой: у бедняков с большой дороги, вроде меня, нет денег на то, чтобы покупать часы. Пощекочи его кнутом, Джосс, и посмотрим, какого цвета у него кожа.

– Заткни пасть, Гарри, и делай, что велют, – ответил трактирщик. – Стой где стоишь, у двери, и всади в него нож, если попытается улизнуть. А теперь послушай-ка, мистер слушитель правосудия, или кто ты там есть в городе Труро: ты сегодня одурачил сам себя, но тебе не удастся одурачить меня. Тебе хотелось бы выбраться отсюда, правда? Сесть на коня и удрать в Бодмин? А к девяти утра ты приведешь всех местных представителей закона в трактир «Ямайка» и полк солдат в придачу. Небось считаешь, что ты здорово придумал, да?

Мэри слышала тяжелое дыхание незнакомца, и, должно быть, его как следует помяли в драке, потому что, когда он заговорил в ответ, голос его звучал прерывисто и сдавленно:

– Делайте свое адское дело, если хотите. Я не могу вас остановить и обещаю, что не донесу на вас. Но участвовать я не стану, это мое последнее слово.

Наступило молчание, а затем Джосс Мерлин заговорил снова.

– Берегись, – мягко сказал он. – Я как-то слышал нечто подобное от одного человека, и через пять минут он уже болтал ногами в воздухе. Подвешенный на конце веревки, мой друг, и его большой палец не доставал до пола на полдюйма. Я еще поинтересовался, как ему нравится быть так близко к земле, но он не ответил. Веревка выдавила бедняге язык изо рта, и он перекусил его ровно пополам. Потом говорили, что он умирал почти восемь минут.

Стоявшая в коридоре Мэри почувствовала, как ее лоб и шея стали липкими от пота, а руки и ноги внезапно налились свинцом. Маленькие черные точки запрыгали у нее перед глазами, и с нарастающим чувством ужаса девушка поняла, что вот-вот упадет в обморок.

В голове у нее билась только одна мысль: нащупать дорогу назад, в пустую прихожую, и укрыться в тени часов; что бы ни случилось, нельзя рухнуть здесь, где ее сразу же обнаружат. Мэри попятилась прочь от лунной дорожки и ощупью двинулась вдоль стены. У нее дрожали колени, и она знала, что в любой момент они могут подогнуться. К горлу уже подкатила тошнота, и голова кружилась.

Голос дяди донесся издалека, как будто он говорил, закрыв руками рот.

– Оставь меня с ним наедине, Гарри, – сказал он. – Сегодня в «Ямайке» тебе больше делать нечего. Возьми его лошадь и проваливай, отпустишь ее по ту сторону Кэмелфорда. Я сам справлюсь.

Мэри кое-как добралась до прихожей, едва соображая, что делает, повернула ручку двери и, споткнувшись, ввалилась в гостиную. Там она скорчилась на полу, уткнувшись головой в колени.

Должно быть, на пару минут девушка и вправду потеряла сознание, потому что черные точки у нее перед глазами собрались в одно огромное пятно и весь мир вокруг стал черным. Однако неловкость позы быстро привела Мэри в чувство, и вскоре она уже сидела, опершись на локоть и прислушиваясь к цокоту копыт во дворе. Она услышала, как коню с бранью приказали стоять смирно, – это был голос Гарри-разносчика, затем он, наверное, сел в седло и ударил скакуна каблуками, потому что топот копыт стал удаляться прочь со двора, вниз по большой дороге, и окончательно затих за склоном холма. Теперь ее дядя был в баре один со своей жертвой, и Мэри подумала, сможет ли она добраться до ближайшего жилья по дороге к Дозмэри и позвать на помощь. До первой пастушьей хижины нужно было пройти две или три мили по проселку через пустошь; по тому же проселку сегодня вечером удирал куда-то бедный идиот, и, может быть, он и сейчас ждет и гримасничает на обочине канавы.

Мэри ничего не знала об обитателях хижины, – возможно, они были поделщиками ее дяди, и в этом случае она прибежала бы прямо в западню. Тетя Пейшенс наверху, в постели, и она Мэри, конечно, не помощница, а скорее обуза. Ситуация безнадежная, и для незнакомца,

кто бы он ни был, по-видимому, не осталось пути к спасению, если только он не договорится с Джоссом Мерлином. Обладая известной ловкостью, он мог бы одолеть дядю: теперь, когда разносчик ушел, они остались один на один, хотя, конечно, дядя был сильнее. Мэри почти отчаялась. Если бы только где-нибудь нашлось ружье или нож, она могла бы ранить трактирщика или, по крайней мере, обезоружить его и дать несчастному возможность выбраться из бара.

Теперь девушка не думала о том, что грозит ей, – в конце концов, рано или поздно ее обнаружат, и нет смысла прятаться здесь, в пустой гостиной. Приступ головокружения прошел, и Мэри презирала себя за минутную слабость. Она поднялась с пола и, нажав обеими руками на щеколду, чтобы действовать как можно тише, на несколько дюймов приоткрыла дверь. В прихожей не слышалось ни звука, кроме тиканья часов, и луч света в дальнем коридоре погас. Дверь бара, по-видимому, была закрыта. Возможно, в этот самый миг незнакомец боролся за жизнь, боролся за возможность дышать, стиснутый в ручищах Джосса Мерлина, катаясь по каменному полу бара. Но она ничего не слышала; что бы ни происходило за этой закрытой дверью, это происходило в тишине.

Мэри готова была еще раз выйти в прихожую и пробраться мимо лестницы в дальний коридор, но донесшийся сверху звук заставил ее остановиться. Скрипнула половица. Потом – минутная тишина, а затем звук повторился: тихие, осторожные шаги наверху. Тетя Пейшенс спала в другом конце дома, и Мэри сама слышала, как Гарри-разносчик минут десять назад ускакал прочь. Девушка знала, что дядя в баре с незнакомцем и никто не поднимался по лестнице с тех пор, как она сама по ней спустилась. Но вот доска опять скрипнула, и тихие шаги зазвучали снова. Кто-то находился в пустой комнате для гостей этажом выше.

Сердце Мэри опять бешено застучало, дыхание участилось. Кто бы ни прятался наверху, он пробыл там много часов. Этот человек, наверное, выжидал там чего-то с раннего вечера, стоял за дверью, когда Мэри пошла спать. Если бы он появился позже, она услышала бы его шаги по лестнице. Возможно, неизвестный наблюдал в окно за прибытием повозок, как и она, и видел, как бедный недоумок с воплями бежал по дороге в Дозмэри. Девушку отделяла от него тонкая стенная перегородка, и он, конечно, слышал каждое движение Мэри – то, как она повалилась на постель, а потом как одевалась и как открывала дверь.

Этот человек хотел остаться незамеченным, иначе он вышел бы на площадку, когда она выскользнула из комнаты; будь он из шайки в баре, он, конечно, спросил бы Мэри о том, куда она собралась. Кто его впустил? Когда он мог пробраться в комнату? Должно быть, незнакомец прятался там, чтобы не попасться на глаза контрабандистам. Значит, он не один из них; он враг ее дяди. Шаги стихли, и, хотя Мэри задержала дыхание и напрягла слух, ничего не было слышно. Однако она не ошиблась, в этом девушка была уверена. Кто-то – возможно, ее союзник – прятался в комнате для гостей рядом с ней и мог помочь спасти незнакомца в баре. Мэри уже поставила ногу на нижнюю ступеньку лестницы, когда в дальнем конце коридора снова показался свет. Она услышала, как распахнулась дверь бара. Это дядя направлялся в прихожую. Мэри не успела бы взобраться по лестнице, оставшись незамеченной, и ей пришлось быстро отступить обратно в гостиную и стоять, прижав дверь ладонью. В темноте прихожей трактирщик не разглядит, что дверь не заперта.

Дрожа от возбуждения и страха, девушка ждала в гостиной и услышала, как хозяин прошел через прихожую и поднялся на верхнюю площадку. Он остановился у нее над головой, возле комнаты для гостей, и пару секунд ждал, как будто тоже прислушиваясь к какому-то постороннему звуку. Потом он дважды очень тихо постучал в дверь.

Еще раз скрипнула половица, кто-то пересек комнату наверху, и дверь открылась. Сердце у Мэри упало, ее вновь захлестнуло отчаяние. Значит, это не враг ее дяди. Возможно, Джосс Мерлин впустил его самым первым, в начале вечера, когда они с тетей Пейшенс занимались приготовлениями в баре, и гость затаился наверху, пока все не разошлись. Похоже, это был

какой-то близкий друг трактирщика, который не имел желания впутываться в ночные дела и не показался даже хозяйской жене.

Ее дядя знал, что этот человек все время был наверху, вот почему он отослал разносчика. Он не хотел, чтобы тот видел его друга. Она поблагодарила Бога за то, что не поднялась по лестнице и не постучалась в дверь.

А что, если они пошли к ней в комнату посмотреть, спит ли она? Если ее отсутствие обнаружено, надеяться почти не на что. Мэри оглянулась на окно: закрыто и заперто на засов. Пути к спасению не было. Теперь они спускались по лестнице; вот они остановились у двери гостиной. На миг девушке показалось, что они сейчас войдут. Они были так близко, что сквозь щель в двери она могла бы тронуть дядю за плечо. И тут он заговорил, и казалось, его голос шептал прямо ей в ухо.

– За вами последнее слово, – выдохнул трактирщик. – Теперь вам решать, а не мне. Я это сделаю сам, или мы это сделаем вместе. Как скажете, так и будет.

Сквозь дверь Мэри не могла ни видеть, ни слышать нового спутника своего дяди, и знак, который он подал в ответ, ускользнул от нее. Они не задержались у гостиной, а вернулись через прихожую к дальнему коридору и пошли по нему к бару.

Потом дверь закрылась, и больше Мэри ничего не слышала.

Ее первым порывом было отпереть входную дверь, выскочить на дорогу и броситься прочь, подальше от этого места. Однако, поразмыслив, девушка поняла, что ничего этим не добьется. В конце концов, там могли оказаться другие бандиты – возможно, и сам разносчик, – вдруг дядя расставил их вдоль большой дороги, чтобы они предупредили его в случае опасности.

Похоже, что этот новый человек, который весь вечер прятался в комнате наверху, все-таки не слышал, как Мэри вышла из спальни; иначе они уже стали бы ее искать, если только не решили, что роль ее настолько ничтожна, что можно забыть о девушке до поры до времени. Человек в баре был их главной заботой, а Мэри они займутся позже.

Она простояла минут десять или даже больше, ожидая какого-нибудь звука или знака, но все было тихо. Только часы в прихожей продолжали тикать, тихо похрипывая и оставаясь глухими к происходящему, – символ старости и безразличия. Один раз Мэри показалось, что она слышит крик; но он мгновенно замер и затих и был так слаб и далек, что мог оказаться порождением ее воображения, растревоженного всем, что она видела после полуночи.

Потом Мэри вышла в прихожую и направилась в темный коридор. В щель из-под двери бара света не пробивалось. Должно быть, свечи догорели. Не сидят ли они там, внутри, все трое в темноте? Перед ее мысленным взором возникла страшная картина: молчаливая, угрюмая троица, связанная какой-то неведомой ей целью; свет был потушен, и это делало тишину еще более зловещей.

Мэри добралась до самой двери и приложила к ней ухо. Не было слышно ни шепота, ни дыхания, ничто не выдавало присутствия здесь живых людей. Затхлый запах спиртного, который висел в коридоре весь вечер, развеялся, и сквозь замочную скважину проникала струйка воздуха. Поддавшись непреодолимому порыву, Мэри подняла щеколду, открыла дверь и вошла.

Никого. Дверь во двор была открыта, и комнату наполнял свежий ноябрьский воздух. Вот откуда сквозило в коридоре. Скамейки пусты, и стол, который рухнул во время первой драки, так и лежал на полу тремя ножками вверх.

Значит, они ушли, должно быть, повернули за кухней налево и отправились прямо на пустошь, потому что Мэри услышала бы, как они переходили дорогу. Ветер приятно охлаждал ей лицо, и теперь, когда дядя и незнакомцы исчезли, комната опять казалась безобидной и безликой. Страх отступил.

Последний лучик лунного света оставил белый кружок на полу, и в этом круге двигалось темное пятно, похожее на палец. Это была тень. Мэри подняла глаза и увидела, что через крюк в потолке перекинута веревка. Ее-то конец и отбрасывал тень, медленно раскачиваясь туда-сюда в потоке воздуха, сквозящем из открытой двери.

## Глава 5

Шли дни, и Мэри Йеллан с упорной решимостью включилась в жизнь трактира «Ямайка». Было ясно, что зимой нельзя оставлять тетю одну, но, возможно, с приходом весны Пейшенс Мерлин удастся уговорить, и тогда они вдвоем уедут из диких пустошей в мирную и спокойную долину Хелфорда.

По крайней мере, Мэри на это надеялась, а пока она должна наилучшим образом использовать те шесть мрачных месяцев, которые были впереди. Девушка решила попробовать вывести дядюшку на чистую воду и передать его вместе с сообщниками в руки правосудия. Если бы дело касалось одной контрабанды, Мэри только пожалала бы плечами, хотя вопиющая бесчестность этого промысла и была ей отвратительна; однако все, что она видела до сих пор, служило доказательством того, что Джосс Мерлин и его друзья зашли гораздо дальше: эти отчаянные бандиты ничего и никого не боялись и не останавливались даже перед убийством. События той первой субботы не выходили у нее из головы, а обрывок веревки, свисающий с балки, о многом ей поведал. Мэри нисколько не сомневалась, что дядя и тот, другой человек убили незнакомца, а его тело закопали где-то на пустоши.

Однако доказательств у нее не было, и при свете дня эта история казалась фантастической. В ту ночь, обнаружив веревку, девушка вернулась к себе в комнату; судя по тому, что дверь бара осталась открытой, дядя мог появиться в любую минуту, и, измученная всем увиденным, должно быть, она забылась сном, а когда пробудилась, солнце стояло уже высоко, а внизу, в прихожей, были слышны семенящие шаги тети Пейшенс.

Никаких следов вчерашних событий не осталось; бар был выметен и вычищен, мебель расставлена по местам, осколки убраны, и никакой веревки не свисало с балки. Сам трактирщик все утро провел в конюшне и коровнике, выгребая навоз и ухаживая за скотиной, поскольку помощников у него не было. Когда в середине дня Джосс Мерлин пришел в кухню и, как волк, накинулся на еду, он стал расспрашивать Мэри о живности, которую они держали на ферме в Хелфорде, спросил ее мнение о заболевшем теленке и ни словом не обмолвился о минувшей ночи. Казалось, хозяин пребывает в прекрасном настроении – он даже забывал ругать жену, которая хлопотала вокруг него, как всегда следя за выражением глаз мужа, словно собака, которая хочет угодить хозяину. Джосс Мерлин казался совершенно трезвым, нормальным человеком, и трудно было поверить, что всего несколько часов назад он совершил убийство.

Возможно, в этом преступлении был повинен не он, а его неизвестный товарищ, но Мэри своими глазами видела, как дядя гнал через двор голого дурачка, и слышала, как парнишка вопит под ударами его кнута. Девушка наблюдала, как он верховодил мерзкой компанией в баре, слышала, как угрожал незнакомцу, который воспротивился его воле; а вот теперь он сидел перед ней, набив рот тушеным мясом, и горевал из-за большого теленка.

Мэри односложно отвечала на вопросы дядюшки и пила чай, наблюдая за ним поверх чашки, переводя взгляд с его огромной тарелки с дымящейся едой на длинные крепкие пальцы, устрашающие своей силой и ловкостью.

Прошло две недели, а субботняя ночь не повторялась. Возможно, последний улов удовлетворил трактирщика и его компаньонов и до поры до времени они уgomонились, потому что Мэри больше не слышала шума повозок, и хотя теперь она спала крепко, но была уверена, что стук колес разбудил бы ее. Дядя, похоже, не возражал против прогулок племянницы по вересковым пустошам, и с каждым днем она все лучше узнавала окрестности, находя новые, не замеченные раньше тропинки, которые уводили ее всегда вверх в холмы, к скалистым вершинам. Мэри научилась избегать низкой болотной травы, растущей пучками, с метелками на концах, так и манившей к себе, а на деле обозначающей границу предательской и опасной трясины.

Мэри была одинока, но нельзя сказать, что вовсе несчастна, прогулки в сером свете вечерних сумерек по крайней мере укрепляли здоровье и отчасти скрашивали унылые длинные вечера этих темных месяцев в «Ямайке», когда тетя Пейшенс сидела, положив руки на колени и уставясь в огонь очага, а Джосс Мерлин в одиночестве закрывался в баре или, оседлав лошадь, исчезал в неизвестном направлении.

Никакой компании у них не было, и никто не заходил в трактир отдохнуть или подкрепиться. Кучер дилижанса не солгал, когда сказал Мэри, что в «Ямайку» теперь никто не заглядывает: дважды в неделю девушка, стоя во дворе, провожала глазами проходящие мимо дилижансы. Они исчезали мгновенно, громяхая вниз по склону холма и взбираясь на следующий, по направлению к перекрестку Пяти Дорог, возницы не останавливались и даже не замедляли ход. Однажды Мэри, узнав своего знакомого кучера, помахала ему рукой, но он в ответ только сильнее стал нахлестывать лошадей, и девушка с ощущением полной безнадежности поняла, что люди относятся к ней так же, как к ее дяде, и что, даже если она попытается дойти до Бодмина или Лонстона, никто не впустит ее в дом и все двери захлопнутся перед ней.

Будущее порою виделось в мрачном свете, особенно потому, что общаться с тетей Пейшенс было трудно; и хотя она то и дело брала Мэри за руку и гладила по несколько минут, повторяя, как она рада присутствию в доме племянницы, но по большей части бедная женщина пребывала в каком-то полусне, машинально хлопоча по хозяйству, чаще всего молча. А если тетя все же заводила разговор, то это был поток бессмыслицы – о том, каким великим человеком мог бы стать ее муж, если бы не постоянно преследовавшие его неудачи. Нормальной беседы не получалось, и Мэри научилась потакать тете и говорить с ней ласково, как с ребенком; все это раздражало и требовало терпения.

И вот однажды утром, досадуя на ветреную и дождливую погоду, не дававшую и носа высунуть из дому, Мэри решила навести чистоту в коридоре с каменным полом, шедшем вдоль всей задней части дома. Тяжелая физическая работа, возможно, и укрепила ее мускулы, но не улучшила настроения, и под конец Мэри почувствовала такое отвращение к трактиру «Ямайка» и его обитателям, что еще немного – и она вышла бы в крохотный садик позади кухни, где работал ее дядя, не обращая внимания на дождь, поливающий его всклокоченные волосы, и выплеснула бы ведро мыльной воды прямо ему в лицо. Вид тети, которая, сгорбившись, помешивала концом палки тлеющий торф в очаге, обезоружил Мэри, и она уже готова была приняться за пол в прихожей, когда услышала цоканье копыт во дворе, и тут же кто-то забарабанил в закрытую дверь бара.

До сих пор никто не появлялся в трактире «Ямайка», и этот визит уже сам по себе был событием. Мэри вернулась в кухню, чтобы предупредить тетю, но та ушла, и, выглянув в окно, Мэри увидела, как она семенит через садик к мужу, который перекладывал торф из кучи в тачку. Оба они ничего не слышали и не заметили прибывшего. Мэри вытерла руки о передник и пошла в бар. Дверь, видимо, все же была не заперта, потому что, к своему удивлению, Мэри увидела там человека, оседлавшего стул; в руке он держал стакан, до краев наполненный элем, который спокойно сам налил себе из крана. Несколько минут они молча изучали друг друга.

Было в госте что-то неуловимо знакомое, и Мэри призадумалась, где же она видела его раньше. Набрякшие веки, изгиб губ, очертания подбородка, даже смелый и нагловатый взгляд, которым он ее одарил, были ей знакомы и определенно неприятны.

Манера гостя, потягивая эль, разглядывать ее с головы до ног, раздражала Мэри сверх всякой меры.

– Что вы здесь делаете? – резко спросила она. – У вас нет никакого права входить сюда и самовольничать. Кроме того, хозяин не любит незнакомцев.

В любое другое время Мэри сама бы посмеялась над этой своей попыткой защитить дядю, но мытье каменных плит лишило ее чувства юмора, по крайней мере на время, и ей захотелось выместить свое дурное настроение на первом, кто попался под руку.

Незнакомец допил пиво и потянулся за новой порцией.

– С каких это пор в трактире «Ямайка» появилась барменша? – спросил он и, нащупав в кармане трубку, закурил, выпустив огромное облако дыма прямо девушке в лицо.

Его манеры привели Мэри в ярость, она подалась вперед, выхватила трубку у него из руки и швырнула на пол позади себя. Трубка разбилась. Незнакомец пожал плечами и принялся насвистывать, чем только подлил масла в огонь ее раздражения.

– Это они тебя научили так обслуживать посетителей? – поинтересовался мужчина, перестав свистеть. – Честно говоря, я не в восторге от их выбора. В Лондоне, где я был вчера, есть девушки с манерами получше, да в придачу еще и хорошенькие, как картинка. Ты сегодня смотрелась в зеркало? Волосы растрепаны, да и мордашка чистотой не блещет.

Мэри отвернулась и пошла к двери, но незнакомец окликнул ее:

– Налей-ка мне стаканчик. Ты ведь здесь для этого? Я после завтрака проехал двенадцать миль и умираю от жажды.

– Да хоть пятьдесят, – ответила Мэри. – Какое мне дело? Раз уж вы знаете, где что здесь находится, так сами и наливайте. Я передам мистеру Мерлину, что вы в баре; пусть сам вас обслуживает, если захочет.

– О, не стоит беспокоить Джосса; в это время дня он словно медведь, у которого трещит башка, – раздалось в ответ. – Кроме того, он явно не горит желанием меня видеть. А что случилось с его женой? Он что, выставил ее вон, чтобы освободить местечко для тебя? Я бы сказал, что это жестоко по отношению к бедняжке. Сомневаюсь, что ты выдержишь рядом с ним десять лет.

– Миссис Мерлин в саду, – сказала Мэри. – Если хотите ее видеть, можете выйти в дверь и повернуть налево, к курятнику. Пять минут назад они оба были там. Здесь я вас не пущу, я только что вымыла коридор и не хочу начинать все сначала.

– Да не волнуйся, время терпит, – ответил гость.

Девушка видела, что он по-прежнему беззастенчиво ее рассматривает, и не знала, что и подумать; нахальный с ленцой взгляд бесил ее.

– Так вы хотите поговорить с хозяином или нет? – спросила она наконец. – Потому что я не собираюсь стоять здесь целый день ради вашего удовольствия. Если вы не хотите его видеть и допили свой стакан, можете положить деньги на стойку и уйти.

Мужчина рассмеялся, и его улыбка и сверкнувшие зубы пробудили что-то в ее памяти, но Мэри все еще не могла определить, на кого же он похож.

– А Джоссом вы тоже так командуете? Если да, значит он здорово изменился. Надо же, сколько в нем всего намешано! Никогда бы не подумал, что у такого занятого человека еще остается время на молоденькую бабенку. Что же вы делаете с бедной Пейшенс вечером? Скидываете ее на пол или все втроем спите в обнимку?

Мэри вспыхнула.

– Джосс Мерлин – муж моей тети, – сказала она. – Тетя Пейшенс – единственная сестра моей покойной матери. Меня зовут Мэри Йеллан, если хотите знать. Всего хорошего. Дверь позади вас.

Она вышла из бара, направляясь в кухню, и попала прямо в лапы трактирщику.

– Какого черта! – прогремел он. – С кем это ты болтала в баре? Кажется, я предупреждал тебя, чтобы ты держала рот на замке!

Его зычный голос эхом отдавался в коридоре.

– Ладно, – крикнул незнакомец, – не бей девчонку. Она разбила мою трубку и отказалась меня обслуживать; не ты ли ее этому научил, а? Иди-ка сюда и дай на тебя взглянуть. Надеюсь, эта девица благотворно на тебя повлияла.

Джосс Мерлин нахмурился и, оттолкнув Мэри, вошел в бар.

– Ах это ты, Джем! – сказал он. – Что тебе понадобилось в «Ямайке»? Я не могу купить у тебя лошадь, если ты для этого явился. Дела идут плохо, и я беден, как полевая мышь после дождливой жатвы.

Он закрыл дверь, оставив Мэри снаружи, в коридоре.

Девушка вернулась в прихожую, к своему ведру с водой, передником отирая грязь с лица. Значит, это Джем Мерлин, младший брат дяди. Конечно, она ясно видела сходство и, как дура, не могла сообразить, что к чему. Дядю – вот кого незнакомец напоминал ей во время разговора. У него были глаза Джосса, только без кровавых прожилок и без мешков, и его рот, только по-прежнему красиво очерченный, и нижняя губа еще не отвисла, как у старшего брата. Джосс Мерлин мог быть таким лет восемнадцать-двадцать назад – но Джем оказался меньше ростом и не столь могучего сложения.

Мэри выплеснула воду на каменные плиты и принялась их яростно тереть, плотно сжав губы.

Что за мерзкая порода эти Мерлины, с их показной нагловатой грубостью и скотскими манерами. Этот Джем такой же бездушный, как и его брат, – сразу видно по форме рта. Тетя Пейшенс сказала, что в этой семейке младший брат хуже всех. Хотя голова у него меньше и плечи уже, чем у Джосса, а сам он в два раза стройнее, в нем чувствуется скрытая сила, которой не обладает старший брат. Должно быть, он решительный и умный. А у трактирщика лицо оплывшее и собственные плечи давят, словно ярмо. Кажется, будто сила его уже растрачена и иссякла. Мэри знала, что это результат пьянства, и теперь, когда увидела младшего брата, впервые поняла, в какую развалину превратился Джосс. Трактирщик сам себя погубил. Если у младшего есть в голове хоть капля разума, он возьмет себя в руки и не пойдет по той же дорожке. А впрочем, может быть, ему и все равно; верно, над семьей Мерлин тяготеет какой-то злой рок, лишивший их целеустремленности, желания преуспеть и стойкости. Их прошлое покрыто мраком. «Против дурной крови не пойдешь, – говаривала ее мать. – В конце концов она обязательно скажется. Можно бороться с ней сколько угодно, но она одержит верх. Если два поколения проживут беспорочно, это иногда может очистить ее ток, но очень вероятно, что третье оступится и все начнется сначала». До чего же это страшно и несправедливо! А теперь и бедная тетя Пейшенс втянута в этот порочный круг вместе с Мерлинами, у бедняжки не осталось ни чести, ни былой веселости, и теперь она – если смотреть правде в глаза – немногим лучше того дурачка из Дозмэри. А ведь тетя Пейшенс могла стать женой фермера в Гвике и родить ему сыновей, у нее были бы свой дом и земля и все маленькие радости обычной, счастливой жизни: и болтовня с соседями, и церковь по воскресеньям, и поездки на рынок раз в неделю, и сбор плодов, и праздник урожая. Она любила бы и была бы любима. Она бы жила в ладу с собой, и спокойно идущие годы со временем покрыли бы ее волосы сединой – годы добросовестного труда и тихой радости. Все это она отвергла ради того, чтобы влачить это жалкое существование рядом со скотом и пьяницей. Почему женщины так глупы, так близоруки и неразумны, недоумевала Мэри; она скребла последнюю каменную плиту прихожей со злостью, как если бы этим могла очистить мир и стереть все неблагоприятие представительниц своего пола.

Она вошла в раж и, покончив с прихожей, принялась подметать мрачную, темную гостиную, которая годами не видела веника. Облако пыли поднялось Мэри в лицо, и она стала яростно выколачивать жалкий вытертый коврик. Она была так поглощена этим малоприятным занятием, что не услышала, как в окно гостиной ударил камень, и опомнилась только тогда, когда от целого града камешков треснуло стекло. Выглянув в окно, она увидела Джема Мерлина, стоявшего во дворе рядом со своей лошадейю.

Мэри нахмурилась и отвернулась, но он ответил еще одним залпом камешков и на сей раз окончательно разбил стекло, так что кусочек его вывалился на пол и камень упал рядом.

Мэри отперла тяжелую входную дверь и вышла на крыльцо.

– А теперь что вам нужно? – спросила она, внезапно подумав, что волосы у нее растрепаны, а передник мятый и грязный.

Джем все еще смотрел на нее с любопытством с высоты своего роста, но наглость исчезла, и он даже соизволил дать понять, что ему немножко стыдно.

– Прости, если я был с тобой груб, – сказал он. – Сама понимаешь, я не ожидал увидеть в трактире «Ямайка» женщину – во всяком случае, молодую девушку вроде тебя. Я думал, Джосс подцепил тебя в каком-нибудь городишке и привез сюда как свою любовницу.

Мэри снова вспыхнула и с досадой прикусила губу.

– Ничего особенно привлекательного во мне нет, – усмехнулась она. – Хороша бы я была в городе в этом старом переднике и тяжелых башмаках! По-моему, всякий, у кого есть глаза, увидит, что я выросла на ферме.

– Ну, не знаю, – беспечно протянул Джем. – Надень ты нарядное платье и туфли на каблучках и воткни гребень в волосы – так, честное слово, вполне сошла бы за леди даже в таком большом городе, как Эксетер.

– Наверное, вы думали, что это мне польстит, – ответила Мэри. – Большое спасибо, но я предпочитаю носить свою старую одежду и быть самой собой.

– Не самый плохой выбор, – согласился Джем, и Мэри, подняв глаза, увидела, что он смеется.

Она повернулась, чтобы уйти обратно в дом.

– Постой, не уходи, – сказал гость. – Понимаю, что заслужил такой злой взгляд тем, что наговорил тебе, но, если бы ты знала моего брата так же хорошо, как я, ты бы поняла, почему я ошибся. Это очень странно – прислуга в трактире «Ямайка». И все же, как ты здесь оказалась?

Мэри, стоя в дверях, изучала собеседника. Сейчас он выглядел серьезным, и его сходство с Джоссом на миг исчезло. Ей стало жаль, что он из Мерлинов.

– Я приехала сюда к тете Пейшенс, – ответила она. – Моя мать умерла несколько недель назад, и у меня больше нет родственников. Вот что я вам скажу, мистер Мерлин: теперь я даже рада, что моей матери нет в живых и она не видит своей сестры.

– Не думаю, что брак с Джоссом – это ложе из роз, – заметил младший брат. – У него всегда был ужасный характер, и пьет он как лошадь. Интересно, почему она за него вышла? Насколько я помню, Джосс и раньше был не лучше. Он колотил меня, когда я был мальчишкой, и сегодня не отказал бы себе в удовольствии, да не посмеет.

– Я думаю, ее обманули его красивые блестящие глаза, – презрительно сказала Мэри. – Мама говорила, что тетя Пейшенс в Хелфорде всегда порхала как бабочка. Она отказала фермеру, который сделал ей предложение, а потом уехала вглубь страны и встретила вашего брата. Наверное, это был худший день ее жизни.

– Так, значит, ты не слишком высокого мнения о хозяине? – заметил Джем насмешливо.

– Нет, – ответила Мэри. – Он драчун, скотина и даже еще хуже. Он превратил мою тетю из веселой, счастливой женщины в жалкую поденщицу, и пока я жива, ни за что не прощу ему этого.

Джем присвистнул и потрепал лошадь по шее.

– Мы, Мерлины, никогда не были добры к нашим женщинам, – сказал он. – Я помню, как отец бил мать смертным боем. И все же она не ушла от него и защищала его всю жизнь. Когда отца повесили в Эксетере, она три месяца не говорила ни с одной живой душой. У нее даже волосы поседели от потрясения. Я не помню свою бабушку, но рассказывали, однажды у Коллингтона она дралась бок о бок с дедом, когда солдаты пришли его арестовывать, причем одному из них прокусила палец до самой кости. Не знаю, что уж ей так в муженьке полюбилось, потому что он даже ни разу не спросил о ней, пока сидел в тюрьме, и все свои сбережения оставил другой женщине по ту сторону Теймара.

Мэри молчала. Безразличие в его голосе страшило ее. Джем говорил без всякого стыда или сожаления, и она предположила, что он, как и все его родичи, бессердечный выродок.

– Как долго ты собираешься пробыть в «Ямайке»? – резко спросил он. – Для такой девушки, как ты, это неподходящее место. Общество тут так себе.

– Ничего не поделаешь, – сказала Мэри. – Я не уйду, пока мне не удастся забрать с собой тетю. Я ни за что не оставлю ее здесь, особенно после того, что видела.

Джем нагнулся, чтобы стряхнуть кусок грязи с подковы.

– И что ты уже успела увидеть? – спросил он. – По совести говоря, здесь довольно тихо.

Мэри нелегко было провести. Судя по всему, это дядя подослал своего брата поговорить с ней, надеясь таким образом разузнать, что ей известно. Нет уж, не такая она дура. Девушка пожалала плечами, отказываясь говорить на эту тему.

– Я помогала дяде в баре в прошлую субботу, – ответила она, – и я не в восторге от компании, с которой он водится.

– Так я и думал, – сказал Джем. – Парням, которые приходят в «Ямайку», хорошим манерам учиться некогда. Они слишком много времени проводят в местной тюрьме. Интересно, что они подумали про тебя? Наверное, сделали ту же ошибку, что и я, и теперь ославят тебя на всю округу. Должен тебя предупредить, что в следующий раз Джосс будет играть на тебя в кости, а когда проиграет, ты окажешься в седле за спиной какого-нибудь грязного контрабандиста, который умчит тебя куда-нибудь на Раф-Тор.

– Вряд ли, – возразила Мэри. – Им придется вышибить мне мозги, прежде чем я поеду с кем бы то ни было.

– С мозгами или без мозгов, все женщины одинаковы, когда дело доходит до этого, – заметил Джем. – Разбойники на Бодминской пустоши никакой разницы не заметят.

И он снова засмеялся и стал копией своего брата.

– А чем вы зарабатываете на жизнь? – поинтересовалась Мэри.

Ей вдруг стало любопытно, так как во время их беседы она заметила, что Джем говорит грамотнее брата.

– Я конокрад, – ответил он весело, – но, честно говоря, это не слишком прибыльное дело. У меня вечно в карманах пусто. Здесь нужно ездить верхом. У меня есть маленький пони, который тебе прекрасно подойдет. Он сейчас в Труарте. Почему бы тебе не отправиться со мной и не взглянуть на него?

– А вы не боитесь, что вас поймают? – спросила Мэри.

– Кражу трудно доказать, – сообщил Джем. – Предположим, пони сбежал из загон и хозяин отправился его искать. Ты же сама видела: на этих пустошах полно одичавших лошадей и скота. Не так-то легко будет этому хозяину найти свою лошадку. Скажем, у его пони длинная грива, одна нога белая и на ухе клеймо в виде ромба; это слегка облегчает задачу. И вот хозяин отправляется на ярмарку в Лонстон и смотрит в оба. Но не находит своего пони. Заметь, пони, скорее всего, там, его купил какой-нибудь барышник и перепродал вглубь страны. Только его грива теперь подстрижена, все четыре ноги стали одного цвета и клеймо на ухе – не ромб, а разрез. Хозяин даже смотреть на него не стал. Довольно просто, правда?

– Так просто, что я не понимаю, почему вы не проезжаете мимо «Ямайки» в собственной карете, с напудренным лакеем на запятках, – выпалила Мэри.

– Да, то-то и оно, – согласился Джем, качая головой. – У меня всегда были нелады со счетом. Ты не представляешь, как быстро текут деньги у меня сквозь пальцы. Знаешь, на прошлой неделе у меня в кармане было десять фунтов. А сегодня – всего один шиллинг. Вот почему я хочу, чтобы ты купила эту лошадку.

Мэри против воли рассмеялась. Парень так запросто рассказывал о своих проделках, что было невозможно на него сердиться.

– Я не могу тратить свои скромные сбережения на лошадей, – сказала она. – Я откладываю деньги на черный день, и, если я когда-нибудь выберусь из «Ямайки», мне понадобится каждое пенни, можете поверить.

Джем Мерлин серьезно посмотрел на девушку, а затем, повинуясь внезапному импульсу, направился к ней, сперва глянув через ее голову в дверной проем.

– Послушай, – сказал он, – сейчас я говорю серьезно; забудь всю ту чушь, которую я тебе наболтал. Трактир «Ямайка» – не место для молоденькой девушки, да и вообще для женщины, если на то пошло. Мы с братом никогда не были друзьями, и я могу говорить о нем все, что захочу. Мы идем каждый своей дорогой, и нам друг на друга наплевать. Но тебе-то с какой стати впутываться в его грязные дела? Почему бы тебе не сбежать? Я провожу тебя до Бодмина.

Его слова звучали так убедительно, что Мэри почти ему поверила. Но она не могла забыть, что Джем – брат Джосса Мерлина, а значит, может ее предать. Она не осмелилась довериться этому человеку – по крайней мере, пока. Время покажет, на чьей он стороне.

– Я не нуждаюсь в помощи, – заявила она. – Я сама могу о себе позаботиться.

Джем перебросил ногу через спину лошади и воткнул сапоги в кожаные стремяна.

– Ладно, – сказал он. – Не буду тебе надоедать. Если понадобится, мой дом за Ивовым ручьем. По другую сторону Труартского болота, в конце пустоши Двенадцати Апостолов. До весны я там во всяком случае задержусь. Всего хорошего.

И прежде чем девушка успела сказать хоть слово в ответ, Джем уже скакал по дороге прочь.

Мэри медленно пошла в дом. Она бы доверилась этому человеку, не будь он Мерлином. Она отчаянно нуждалась в друге, но не могла сблизиться с братом трактирщика. В конце концов, он всего-навсего обыкновенный конокрад, бесчестный негодяй. Джем немногим лучше, чем Гарри-разносчик и все остальные. Мэри была готова верить ему, потому что у него обезоруживающая улыбка и приятный голос, а он, возможно, все это время смеялся над ней исподтишка. В жилах этого человека течет дурная кровь; он каждый день нарушает закон, и с какой стороны ни посмотри, он – брат Джосса Мерлина, от этого никуда не денешься. Он сказал, будто их ничего не связывает, но даже тут он мог солгать, чтобы заручиться ее доверием; не исключено, что сам дядя и подослал его.

Нет, будь что будет, но она должна держаться одна во всем этом деле и никому не доверять. Самые стены «Ямайки» пропахли преступлением и обманом, и говорить здесь вслух о том, что думаешь, значит накликать несчастье.

В доме было темно и по-прежнему тихо. Трактирщик вернулся к куче торфа в конце сада, а тетя Пейшенс хлопотала на кухне. Неожиданный визит привнес некоторое оживление и разнообразие в длинный монотонный день. Джем Мерлин явился из внешнего мира, который не весь состоял из пустошей и нависших над ними гранитных глыб, а теперь вместе с его отъездом погас и день. Небо заволкло, и неизбежный дождь налетел с запада, покрывая холмы туманом. Черный вереск гнул на ветру. Дурное настроение, охватившее Мэри ранним утром, прошло, сменившись тупым безразличием, порожденным усталостью и отчаянием. Нескончаемые дни и недели протянулись перед ней, и не было видно ничего, кроме длинной белой дороги, по которой она однажды уйдет отсюда, кроме каменных стен и вечных холмов.

Девушка вспомнила, как Джем Мерлин уезжал, напевая и погоняя лошадь ударами пяток; он будет ехать без шляпы, не обращая внимания на дождь и ветер, выбирая свою собственную дорогу.

Она думала о тропинке, ведущей к Хелфорду, о том, как та вилась, изгибалась и вдруг сворачивала к кромке воды, а утки шлепали по мелководью и кто-то сзывал своих коров в поле наверху. Жизнь продолжается изо дня в день, где-то вдалеке от нее; а она прикована к трактиру «Ямайка» данным себе обещанием не сломаться, и шарканье шагов тети Пейшенс, ходившей взад-вперед по кухне, служило напоминанием и предостережением.

Мэри смотрела, как мелкий колючий дождик брызжет в окно гостиной; она сидела там одна, подперев ладонью подбородок; так хорошо плакать в дождь. Слезы сбегали по ее щекам, и она позволяла им капать, не давая себе труда утереть их, а сквозняк из двери, которую она забыла закрыть, шуршал длинной полосой оторванных бумажных обоев. Когда-то там был узор из роз, но теперь он выцвел и посерел, а сами стены покрылись темно-коричневыми пятнами от сырости. Мэри отвернулась от окна, и холодная, мертвая атмосфера трактира «Ямайка» сомкнулась над ней.

## Глава 6

В ту ночь повозки появились снова. Мэри проснулась, когда часы в прихожей били два, и почти тут же услышала шаги на крыльце и приглушенный голос. Она выбралась из постели и подошла к окну. Да, вот они; на этот раз только два фургона и меньше полудюжины людей стояли во дворе.

В тусклом свете повозки казались призрачными, как катафалки, и сами люди походили на привидения, которым нет места в мире живых: они молча двигались по двору, словно жуткие порождения ночного кошмара. Что-то ужасное, зловещее было в самих этих занавешенных повозках, украдкой появляющихся по ночам. На этот раз впечатление, которое они произвели на Мэри, оказалось еще более сильным, потому что теперь она знала, зачем они здесь.

Повозки в трактир «Ямайка» пригоняли отчаянные разбойники с большой дороги; когда они в последний раз доставили свою добычу, один из их числа был убит. Возможно, сегодня ночью совершится еще одно преступление, и перекрученный конец веревки снова будет свисать с балки внизу.

Сцена во дворе неодолимо влекла Мэри, и она не могла отойти от окна. На этот раз повозки прибыли пустыми и были заполнены остатками груза, спрятанного в трактире в позапрошлый раз. Мэри догадалась, что таков метод их работы. Трактир служил складом порой по несколько недель, а затем, когда выпадала возможность, повозки снова пускались в путь, груз доставлялся на берег Теймара и переправлялся дальше. Расстояния при этом приходилось покрывать немалые, стало быть и сама организация у них большая, – наверное, повсюду были рассеяны агенты, которые внимательно наблюдали за происходящим. Возможно, сотни людей были втянуты в это дело, от Пензанса и Сент-Айвза на юге до Лонстона на границе с Девонем. Если в Хелфорде кто-нибудь и заводил речь о контрабанде, то при этом подмигивал и снисходительно улыбался, как если бы табачок и бутылка бренди с корабля в порту Фолмута попадали к ним случайно и были маленькой безобидной роскошью, вовсе не обременявшей совесть.

Однако здесь дело обстояло иначе: это был темный, жестокий и кровавый промысел, и, судя по тому, что видела Мэри, тут было не до улыбочек и не до подмигиваний. Если кого-то вдруг начинала мучить совесть, в награду его ждала петля. Не должно быть слабых звеньев в цепи, которая протянулась от берега до границы, – вот объяснение веревке на балке. Незнакомец засомневался, и незнакомец лишился жизни. С внезапной горечью Мэри поняла, что утренний визит Джема Мерлина в трактир «Ямайка» имел определенную цель. Странное совпадение: повозки появились прямо вслед за ним. Джем сказал, что приехал из Лонстона, а Лонстон стоит на берегу Теймара. Мэри злилась на него и на себя. Несмотря ни на что, вечером, перед тем как заснуть, она раздумывала о возможности с ним подружиться. Глупо было теперь на это рассчитывать. Два события явно были связаны, и нетрудно было догадаться, как именно.

Джем мог не ладить с братом, но они оба были в деле. Он прискакал в трактир «Ямайка» предупредить хозяина, что вечером придут повозки. Догадаться было несложно. А потом, будучи не вполне бессердечным, Джем посоветовал Мэри убраться в Бодмин. «Это не место для девушки», – сказал он. Никто не знал этого лучше, чем Джем, поскольку он – один из них. Это дело гнусное, проклятое во всех отношениях, без единого луча надежды, и Мэри оказалась посреди всего этого, с тетей Пейшенс на руках, которая была хуже малого ребенка.

Обе повозки были уже загружены, и возницы забрались на козлы вместе со своими товарищами. Этой ночью представление оказалось не слишком длинным.

Мэри видела огромную голову и плечи дяди, стоявшего у крыльца; в руке он держал фонарь, свет которого приглушался шторкой. Затем фургоны загромыхали со двора и повернули налево, как Мэри и ожидала, в направлении Лонстона.

Она отошла от окна и забралась обратно в постель. Вскоре девушка услышала шаги дяди на лестнице: он шел по дальнему коридору к себе в спальню. Сегодня в комнате для гостей никто не прятался.

В следующие несколько дней ничего не случилось, и единственным транспортным средством, проезжавшим по дороге, был дилижанс в Лонстон. Он прогремел мимо «Ямайки», напомнив Мэри перепуганного черного таракана. Потом наступило ясное, холодное, бодрящее утро. Земля была покрыта инеем, и солнце сияло в безоблачном небе. Скалистые вершины отчетливо выступали на фоне холодного голубого неба, и трава на пустоши, обычно сырая и коричневая, сегодня сверкала, жесткая и белая от мороза. Вода в корыте во дворе подернулась тонкой корочкой льда. Грязь, по которой прошлись коровы, затвердела, и следы их копыт отлились в жесткие формы, готовые продержаться до следующего дождя. Легкий ветерок, напевая, прилетел с северо-востока, он тоже был холодный.

Мэри, у которой при виде солнца всегда поднималось настроение, решила устроить большую стирку и, закатав рукава выше локтя, погрузила руки в кадку; горячая мыльная вода, вскипая пеной, ласкала ей кожу, приятно контрастируя с морозным, жалящим воздухом.

Жизнь была прекрасна, и девушка пела за работой. Дядя куда-то уехал, а всякий раз, когда он отсутствовал, Мэри охватывало чувство свободы. Здесь, за домом, она была укрыта от ветра, широкое, крепкое строение служило своего рода заслоном, и когда девушка выжала белье и развесила его на чахлом кусте дрока, то увидела, что солнце светит именно туда, так что к полудню все должно было высохнуть.

Настойчивый стук в окно заставил Мэри поднять глаза, и она увидела, что тетя Пейшенс, с побелевшим лицом и явно напуганная, делает ей знаки.

Мэри вытерла руки о передник и побежала к задней двери. Как только она вошла в кухню, тетя вцепилась в племянницу дрожащими руками и начала лепетать что-то невнятное.

– Пожалуйста, успокойся, – сказала Мэри. – Я не понимаю, что ты говоришь. Вот, возьми стул и сядь и, ради бога, выпей воды. Ну, в чем дело?

Бедная женщина качалась на стуле взад-вперед, нервно двигая ртом и то и дело кивая на дверь.

– Это мистер Бассат из Норт-Хилла, – прошептала она. – Я увидела его из окна гостиной. Он приехал верхом, и с ним еще один джентльмен. Ох, боже мой, боже мой, что же нам делать?

Пока хозяйка говорила, во входную дверь громко постучали. Затем, после паузы, в дверь заколотили вновь.

Тетя Пейшенс застонала, кусая кончики пальцев и ломая ногти.

– Зачем он пришел? – воскликнула она. – Бассат никогда сюда не заглядывал. Он всегда старался держаться подальше. Он что-то прослышал, это точно. Ох, Мэри, что же нам делать? Что же нам говорить?

Мэри лихорадочно думала. Если это мистер Бассат и он представитель закона, то это ее единственный шанс заставить дядю ответить за свои злодеяния. Она может рассказать о ночных повозках и обо всем, что видела со времени своего приезда. Она взглянула на дрожащую женщину.

– Мэри, Мэри, ради бога, скажи, что мне говорить? – взмолилась тетя Пейшенс. Она взяла руку племянницы и прижала к своему сердцу.

Теперь в дверь колотили непрерывно.

– Слушай меня, – объявила Мэри. – Нам придется его впустить, не то он вышибет дверь. Соберись хоть как-нибудь. Ничего не нужно говорить вообще. Скажи, что Джосса нет дома, а ты ничего не знаешь. Я пойду с тобой.

Женщина смотрела на нее дикими, полными отчаяния глазами.

– Мэри, – сказала она, – если мистер Бассат спросит тебя, что ты знаешь, ты ведь не выдашь нас, нет? Я могу доверять тебе, правда? Ты же не расскажешь ему о повозках? Если с Джоссом что-нибудь случится, я убью себя, Мэри.

Спорить после этого было не о чем. Мэри готова была на любую дьявольскую ложь, лишь бы ее тетя не страдала. Несмотря на всю иронию положения, нужно было как-то выкручиваться.

– Идем со мной, – велела она тете. – Не будем задерживать мистера Бассата. И не бойся: я ничего не скажу.

Они вместе вышли в прихожую, и Мэри отперла тяжелую входную дверь. Снаружи стояли двое мужчин. Один из них спешил, это он барабанил в дверь. Другой был рослый, дородный малый в плаще с капюшоном, верхом на прекрасном гнедом коне. Он надвинул шляпу на глаза, но Мэри смогла увидеть, что его лицо прорезано морщинами и обветрено, и решила, что ему лет пятьдесят.

– А вы не торопитесь, как я погляжу, – воскликнул незнакомец. – Кажется, здесь не очень-то рады путникам. Хозяин дома?

Пейшенс Мерлин ткнула племянницу в бок, и Мэри ответила:

– Мистера Мерлина нет дома, сэр. Хотите подкрепиться? Я обслужу вас, если вы пройдете в бар.

– Какое, к черту, подкрепиться! – рассердился он. – Я знаю для этого места получше, чем трактир «Ямайка». Я хочу поговорить с хозяином. Это вы жена трактирщика? Когда вы ждете хозяина домой?

Тетя Пейшенс сделала перед ним легкий реверанс.

– Видите ли, мистер Бассат, – сказала она неестественно громко и отчетливо, как ребенок, затвердивший урок, – мой муж уехал сразу после завтрака, и я решительно не могу сказать, вернется ли он сегодня ночевать.

– Хм, – прорычал сквайр, – вот незадача. Мне нужно было перекинуться парой слов с мистером Джоссом Мерлином. Послушайте-ка, моя милая, пусть ваш драгоценный муженек купил трактир «Ямайка» за моей спиной, в своей обычной подлой манере, мы больше в это вдаваться не будем. Но одного я не потерплю, а именно чтобы моя земля стала притчей во языцех как самое распроклятое и бесчестное место во всей округе.

– Право, я не понимаю, о чем вы говорите, мистер Бассат, – сказала тетя Пейшенс, нервно кривя рот и теребя платье. – Мы здесь живем очень тихо, честное слово; моя племянница скажет вам то же самое.

– Эй, погодите, не такой уж я дурак, – ответил сквайр. – Я давно приглядываюсь к этому месту. Заведение не заработает дурной славы без всякой на то причины, миссис Мерлин, а трактир «Ямайка» воняет до самого побережья. Не вздумайте при мне притворяться. Эй, Ричардс, поддержи-ка эту проклятую лошадь!

Второй мужчина, судя по платью слуга, взялся за уздечку, и мистер Бассат тяжело слез на землю.

– Раз уж я здесь, я хочу как следует все осмотреть, – заявил он, – и учтите: перечить мне бесполезно. Я судья, и у меня есть полномочия.

Он протиснулся мимо женщин и вошел в маленькую прихожую. Тетя Пейшенс сделала движение, словно бы пытаясь его удержать, но Мэри покачала головой и нахмурилась.

– Пусть идет, – пробормотала она. – Если попытаемся сейчас его остановить, мы только еще больше его разозлим.

Мистер Бассат с отвращением осматривался.

– Боже правый! – воскликнул он. – Здесь пахнет, как в склепе! Что вы такое сотворили с домом? Трактир «Ямайка» никогда не был роскошно обставлен, да и разносолов здесь не подавали, но это – сущий позор. Здесь пусто, хоть шаром покати; даже паршивого табурета нет.

Бассат распахнул дверь гостиной и указал хлыстом на сырые стены.

– Вам крыша свалится на голову, если вы не приведете все в порядок, – сказал он. – Никогда в жизни не видал ничего подобного. Ну-ка, миссис Мерлин, проводите меня наверх.

Бледная и встревоженная Пейшенс Мерлин повернулась к лестнице, умоляюще глядя на племянницу.

Комнаты на площадке были тщательно осмотрены. Помещик заглядывал в пыльные углы, поднимал старые мешки и тыкал пальцем в картошку, не переставая ворчать.

– И это вы называете трактиром? – возмутился он. – Да у вас даже для кошки подходящей лежанки не найдется. Все прогнило, прогнило насквозь. Да что же это такое, а? Вы что, язык проглотили, миссис Мерлин?

Бедняжка была не в силах отвечать; она только трясла головой и кривила рот, и Мэри знала, что обе они думают об одном: что же будет, когда они дойдут до запертой комнаты на первом этаже.

– Похоже, супруга трактирщика мгновенно оглохла и онемела, – сухо заметил помещик. – А вы, юная леди? Вам есть что сказать?

– Я совсем недавно сюда приехала, – ответила Мэри. – Моя мать умерла, и я здесь, чтобы помогать тете. У нее не слишком крепкое здоровье, вы сами видите. Она нервная и легко расстраивается.

– Ничего удивительного, если живешь в таком месте, – сказал мистер Бассат. – Ну, здесь наверху смотреть больше не на что, так что, будьте добры, проводите меня вниз и покажите комнату с запертыми ставнями. Я заметил ее со двора и хотел бы посмотреть, что там внутри.

Тетя Пейшенс провела языком по губам и взглянула на Мэри. Она потеряла дар речи.

– Мне очень жаль, сэр, – ответила Мэри, – но если вы имеете в виду старый чулан в конце коридора, то боюсь, что дверь заперта. Мой дядя всегда держит ключ у себя, и куда он его кладет, я не знаю.

Помещик с подозрением оглядел обеих:

– А вы, миссис Мерлин? Разве вы не знаете, где ваш муж держит ключи?

Тетя Пейшенс покачала головой. Помещик фыркнул и повернулся на каблуках.

– Ну, это дело поправимое, – сказал он. – Мы мигом вышибем дверь.

И он вышел во двор позвать слугу. Мэри погладила тетю по руке и прижала ее к себе.

– Постарайся не дрожать так, – прошептала она. – Всякий поймет, что тебе есть что прятать. Единственный выход – притвориться, будто тебе все равно, пусть себе осматривает весь дом.

Через несколько минут мистер Бассат вернулся с Ричардсом, который, ухмыляясь во весь рот при мысли о взломе, тащил старую скамейку, которую нашел в конюшне и явно намеревался использовать как таран.

Если бы не тетя, Мэри наблюдала бы за этим действием с интересом. Ей наконец представилась возможность заглянуть в запертую комнату. Однако тетю, да и ее заодно, заподозрят в соучастии, если там обнаружатся улики, и Мэри впервые осознала, что будет очень трудно доказать их полную невиновность. Никто не поверит их клятвенным заверениям, раз тетя Пейшенс сейчас слепо защищает трактирщика.

Так что Мэри с некоторым волнением смотрела, как мистер Бассат и его слуга подхватили скамейку с двух сторон и стали таранить ею дверной засов. Несколько минут он не поддавался, и звук ударов разносился по коридору. Затем дерево раскололось, раздался грохот, и дверь распахнулась. Тетя Пейшенс издала короткий возглас отчаяния, и сквайр протиснулся мимо нее в комнату. Ричардс облокотился о скамейку, утирая пот со лба, и Мэри могла через его плечо заглянуть внутрь. Конечно, там было темно: запертые окна, занавешенные мешковиной, не давали свету проникнуть в помещение.

– Кто-нибудь, дайте мне свечу! – крикнул сквайр. – Здесь темно, как в преисподней.

Слуга достал из кармана свечной огарок, и вспыхнул свет. Он передал свечу сквайру, и тот, подняв ее высоко над головой, шагнул в центр комнаты.

С минуту царил тишина, пока сквайр поворачивался, освещая все углы; затем, обеспокоенно и разочарованно прищелкнув языком, Бассат повернулся ко всем, стоявшим позади него, лицом.

– Ничего, – сказал он. – Абсолютно ничего. Трактирщик опять меня одурачил.

Если не считать кучи порожних мешков в углу, комната была совершенно пуста. Все оказалось покрыто густым слоем пыли, а на стенах повсюду висела паутина. Мебели не было никакой, камин заложен камнями, а пол, как и в коридоре, вымощен каменными плитами.

Поверх мешков лежал кусок крученой веревки.

Сквайр пожал плечами и вернулся в коридор.

– Что ж, на этот раз мистер Джосс Мерлин одержал верх, – сказал он. – В этой комнате улики не хватит даже для того, чтобы доказать убийство кошки. Признаю свое поражение.

Женщины последовали за ним в прихожую и на крыльцо, а слуга отправился в конюшню за лошадьми.

Мистер Бассат постукивал по сапогу хлыстом, задумчиво уставясь перед собой.

– Вам повезло, миссис Мерлин, – заметил он. – Если бы я нашел то, что ожидал найти в этой вашей проклятой комнате, то завтра в это время ваш муж уже был бы в тюрьме графства. А теперь... – Он еще раз обеспокоенно прищелкнул языком и замолчал, не договорив. – Эй, пошевеливайся, Ричардс! – крикнул Бассат. – Сегодня утром я не могу больше терять времени. Какого черта ты там возишься?

Слуга появился в дверях конюшни, ведя в поводу двух лошадей.

– А теперь послушайте меня, – сказал мистер Бассат, указывая хлыстом на Мэри. – Эта ваша тетушка, может быть, и проглотила язык, да и мозги в придачу, но вы-то, надеюсь, понимаете по-английски. Вы и в самом деле хотите сказать, что ничего не знаете о делах своего дяди? Неужели сюда никто не заглядывает ни днем ни ночью?

Мэри посмотрела судье прямо в глаза.

– Я никогда никого здесь не видела, – ответила она.

– Вы когда-нибудь заглядывали в ту запертую комнату до сегодняшнего дня?

– Нет, ни разу в жизни.

– Как вы думаете, с чего бы трактирщику держать ее запертой?

– Понятия не имею.

– Вы когда-нибудь слышали стук колес ночью во дворе?

– Я очень крепко сплю. Меня ничем не разбудишь.

– Куда отправляется ваш дядя, когда уезжает из дому?

– Не знаю.

– А вам-то самой это не кажется странным – держать трактир на Королевской большой дороге и запирает его на все засовы перед каждым проезжим?

– Мой дядя очень странный человек.

– Это точно. По правде говоря, он так чертовски странен, что люди в округе не смогут спать спокойно, пока Джосса Мерлина не повесят, как повесили в свое время его отца. Можете ему это передать.

– Непременно, мистер Бассат.

– А вам не страшно жить здесь, совсем без соседей, в компании одной только полоумной тетки?

– У каждого свой крест.

– А вы умеете держать язык за зубами, мисс! Ну и родственники вам достались, не позавидуешь! Я предпочел бы увидеть любую из моих дочерей в могиле, нежели в трактире «Ямайка» рядом с таким человеком, как Джосс Мерлин.

Судья отвернулся, взгромоздился на коня и взял в руки поводья.

– Да, чуть не забыл! – крикнул он, уже сидя в седле. – А вы когда-нибудь видели младшего брата вашего дяди, Джема Мерлина из Труарты?

– Нет, – твердо сказала Мэри, – он здесь не бывает.

– Да неужели? Ладно, сегодня больше не буду вас пытаться. Всего хорошего вам обеим.

И судья поскакал прочь со двора, вниз по дороге, скрывшись за дальним холмом.

Тетя Пейшенс уже была в кухне и сидела на стуле в полубморочном состоянии.

– Ну успокойся, – устало сказала Мэри. – Мистер Бассат ушел несолоно хлебавши и поэтому злой как черт. Вот если бы комната провоняла бренди, тогда было бы о чем плакать. А пока придраться тут не к чему.

Девушка налила себе стакан воды и выпила его залпом. Мэри готова была взорваться. Она лгала, чтобы спасти шкуру своего дяди, тогда как больше всего на свете хотела бы засадить его в тюрьму. Она заглянула в запертую комнату, и пустота ничуть ее не удивила, поскольку Мэри вспомнила о том, как подъехали повозки несколько ночей назад. Но еще раз увидеть этот жуткий кусок веревки, в котором она тут же узнала тот самый, свисавший с балки, оказалось едва ли не выше ее сил. А из-за тети ей пришлось стоять и молчать. Это было отвратительно, другого слова не найдешь. Она попалась, и пути назад нет. Как бы дело ни повернулось, а только теперь и она замешана в делах хозяина трактира «Ямайка». Мэри пила второй стакан воды и цинично думала, что, возможно, в конце концов будет болтаться на виселице рядом со своим дядюшкой. Она лгала не только ради того, чтобы спасти его, но и для того, чтобы выгородить Джема. Младший Мерлин тоже должен ее благодарить. Мэри не знала, почему решила не выдавать его. Возможно, он никогда об этом и не узнает, а если узнает, то примет как должное. Чем больше девушка думала об этом, тем сильнее негодовала.

Тетя Пейшенс все еще стонала и всхлипывала у огня, и Мэри вовсе не была расположена ее утешать. Она чувствовала, что на сегодня сделала для своих родственников достаточно, и ее нервы были на пределе. Если бы она еще на миг задержалась в кухне, то завопила бы от раздражения. Девушка вернулась к лохани в садике возле курятника и яростно погрузила руки в серую мыльную воду, которая теперь была холодной как лед.

Джосс Мерлин вернулся около полудня. Мэри слышала, как он вошел в кухню через переднюю дверь и на него тут же обрушился словесный поток. Мэри по-прежнему стояла у лохани; она решила дать тете Пейшенс возможность все объяснить по-своему, а если дядя позовет племянницу, чтобы она подтвердила ее слова, Мэри всегда успеет прийти.

Она не слышала, о чем они говорили, но голос тети звучал визгливо и пронзительно, а дядя сердито ее расспрашивал. Вскоре он позвал Мэри из окна, и она вошла. Джосс Мерлин стоял у очага, широко расставив ноги, и лицо его было чернее тучи.

– Давай! – заорал он. – Выкладывай! Что ты об этом скажешь? От твоей тетушки я ничего не могу добиться, кроме бессвязного потока слов; в сорочьей трескотне и то больше смысла. Что тут произошло? Вот что я хочу знать.

Мэри толково, тщательно подбирая слова, рассказала ему об утреннем происшествии. Она ничего не пропустила – кроме вопроса сквайра о Джеме – и закончила, слово в слово повторив заявление мистера Бассата: «Люди в округе не смогут спать спокойно, пока Джосса Мерлина не повесят, как повесили в свое время его отца».

Трактирщик слушал молча, а когда племянница закончила, обрушил кулак на кухонный стол и выругался, оттолкнув ногой один из стульев на другой конец кухни.

– Чертов трусливый ублюдок! – рычал он. – Да Бассат имеет не больше прав входить в мой дом, чем любой другой. Его разглагольствования о судебных полномочиях – сплошное надувательство, слышите вы, болтливые дуры; нет таких полномочий! Господи, если бы я только был здесь, уж я бы отправил его обратно в Норт-Хилл в таком виде, что и собственная жена не узнала бы, а если и узнала, толку в этом все равно не было бы. Чтоб ему лопнуть! Я покажу

мистеру Бассату, кто хозяин на этой земле, и заставлю его мне сапоги лизать! Напугал вас? Да я сожгу крышу у него над головой, если он снова сюда сунется!

Джосс Мерлин орал во всю глотку, и шум стоял оглушительный. Мэри не боялась дядюшку таким: все это было показное бахвальство; вот если он понижал голос до шепота, то тогда становился смертельно опасен. Как бы трактирщик ни громыхал – он был напуган; Мэри это видела. Его самоуверенности был нанесен жестокий удар.

– Дайте мне чего-нибудь поесть, – сказал он. – Я должен опять уйти и не могу терять времени. Прекрати этот вой, Пейшенс, а то я тебе физиономию расквашу. Ты сегодня держалась молодцом, Мэри, я этого не забуду.

Племянница посмотрела ему в глаза.

– Уж не думаете ли вы, что я это сделала ради вас? – поинтересовалась она.

– Мне плевать, почему ты это сделала, главное – результат, – ответил трактирщик. – Не то чтобы слепой дурак вроде Бассата мог найти здесь что-нибудь; у него от рождения голова не на месте. Отрежьте мне кусок хлеба, и хватит болтать, сядьте на свое место.

Женщины молча сели, и обед прошел спокойно. Покончив с едой, он сразу же поднялся и, ни слова не говоря, направился в конюшню. Мэри ожидала услышать, как он снова выводит свою лошадь и уезжает вниз по дороге, но через пару минут дядюшка вернулся, прошел через кухню в сад и в конце его через лаз выбрался в поле. Мэри смотрела, как он идет через пустошь и поднимается по крутому склону по направлению к холмам Толборо и Кодда. Некоторое время она пребывала в сомнениях, обдумывая, насколько разумен план, внезапно родившийся в ее голове, но затем звук тетиных шагов наверху подтолкнул девушку к решению. Она подождала, пока закроется дверь спальни, а затем, скинув передник и схватив толстую шаль с крючка на стене, выскочила вслед за дядей. Добежав до края поля, она скорчилась за каменной стеной, пока его фигура не исчезла за горизонтом, а потом снова поднялась и последовала за ним, пробираясь среди пучков травы и камней. Несомненно, это было безумное и бессмысленное предприятие, но оно соответствовало ее настроению, и ей нужно было дать выход энергии после утреннего молчания.

Мэри намеревалась не упускать Джосса Мерлина из виду, конечно оставаясь незамеченной, таким образом она, возможно, узнает что-нибудь о его тайных намерениях. Девушка не сомневалась, что визит сквайра в «Ямайку» изменил планы трактирщика и что его внезапный уход пешком через Западную пустошь связан именно с этим. Была еще только половина первого, и день как нельзя лучше подходил для прогулки. Мэри, в крепких башмаках и короткой, до лодыжек, юбке, не боялась бездорожья. Под ногами было довольно сухо – от мороза поверхность земли затвердела, – и ей, привыкшей к мокрой гальке на берегу Хелфорда и жирной грязи скотного двора, шагать по пустоши было нетрудно. Прежние прогулки научили девушку некоторой осмотрительности, и она старалась по возможности идти по возвышенностям, держась тропинок, которые выбирал ее дядя.

Через несколько миль Мэри поняла, что задача перед ней не из легких. Она была вынуждена держаться на большом расстоянии от дяди, чтобы оставаться незамеченной, а трактирщик шел так быстро и делал такие огромные шаги, что очень скоро Мэри начала отставать. Они миновали Кодду, и он повернул на запад, вниз, к подножию Бурого Вилли. Отсюда этот холм, несмотря на свою высоту, казался маленькой черной точкой на фоне желто-коричневого пространства пустоши.

Перспектива карабкаться на высоту тысяча триста футов оказалась для Мэри несколько неожиданной, и она на миг остановилась и вытерла мокрый лоб. Для большего удобства она распустила волосы и позволила им овеять ей лицо. Девушка не понимала, почему хозяин трактира «Ямайка» счел необходимым взобраться на самую высокую точку Бодминской пустоши в декабрьский полдень, но отступать было поздно. Мэри казалось, что она уже близка к разгадке, и она снова двинулась в путь, ускорив шаг.

Теперь земля под ногами у девушки была сырая, потому что здесь утренний иней растаял, превратившись в воду, и вся низменная равнина перед ней оказалась раскисшей и желтой от зимних дождей. Холодная липкая сырость настойчиво проникала в башмаки, и подол юбки был заляпан болотной жижей и местами порван. Подняв юбку повыше и подвязав ее лентой от волос, Мэри снова бросилась в погоню за дядей, но тот миновал худший участок низины с невероятной быстротой, порожденной долгой привычкой, и она едва могла разглядеть его фигуру посреди черного вереска и огромных валунов у подножия Бурого Вилли. Затем трактирщик скрылся за выступом гранитной скалы, и больше она его не видела.

Было невозможно обнаружить тропинку, по которой дядя перешел болото; он исчез в мгновение ока, и Мэри следовала за ним из последних сил, путаясь на каждом шагу. Дура она, что ввязалась в это. Мэри все понимала, но какое-то глупое упрямство гнало ее дальше. Она понятия не имела, где находится безопасная тропинка через болото, но у нее хватило ума пойти в обход, чтобы не попасть в предательскую трясиину, и, сделав крюк в две мили, девушка относительно спокойно миновала болото. Теперь она безнадежно отстала, и нечего было даже надеяться обнаружить дядю.

Тем не менее Мэри стала взбираться на холм, поскользываясь и спотыкаясь на камнях, покрытых мокрым мхом, карабкаясь на высокие зубчатые гранитные скалы, которые возникали за каждым поворотом; то и дело горные бараны, испуганные шумом ее шагов, выскакивали из-за валунов и били копытами, уставясь на незнакомку. С запада набегали облака, отбрасывая переменчивые тени на равнину внизу, и солнце пряталось за ними.

На холмах было очень тихо. Однажды ворон взлетел у ее ног и каркнул; он взмыл, хлопая огромными черными крыльями, и с грубыми протестующими криками спикировал вниз, на землю.

Когда Мэри достигла вершины, вечерние облака сгрудились у нее над головой, и все вокруг стало серым. Отдаленный горизонт терялся в сгущающихся сумерках, и легкий белый туман поднимался с пустошей внизу. Карабкаясь на вершину по самому крутому склону, она потеряла больше часа, и скоро ее застигнет темнота. Ее дерзкая выходка ни к чему не привела, ибо нигде, на сколько хватало глаз, не было видно ни одного живого существа.

Джосс Мерлин давно исчез, – возможно, он вовсе и не взбирался на вершину, а обошел ее у подножия, по сухому вереску и мелким камешкам, а затем один, никем не замеченный, продолжил свой путь на запад или на восток – туда, куда ему было нужно, и складки дальних холмов поглотили его.

Теперь Мэри уж точно его не найти. Лучше всего было бы спуститься с вершины кратчайшим путем и как можно быстрее, иначе ей предстоит провести на пустоши зимнюю ночь, с черным вереском вместо подушки, под кровом нависших хмурых гранитных скал. Теперь девушка понимала, какого дурака она свалила, забравшись так далеко декабрьским днем, потому что по опыту знала: на Бодминской пустоши не бывает долгих сумерек. Темнота наступала быстро и внезапно, без предупреждения, и солнце гасло сразу. Туманы тоже были опасны: они облаком поднимались с сырой земли и смыкались над болотами, как белая преграда.

Обескураженная и подавленная, растеряв весь свой пыл, Мэри с трудом спустилась по крутому склону, поглядывая на болота внизу и прикидывая, когда же темнота поглотит ее окончательно. Прямо под нею блестел пруд или родник; говорили, что это исток реки Фоуи, которая бежала прямо к морю, и это-то и было самым опасным: почва вокруг болотистая и предательская, а сам водоем – неведомой глубины.

Мэри взяла влево, чтобы обойти это гиблое место, но к тому времени, как она спустилась в долину, благополучно покинув Бурого Вилли, который теперь в одиноком великолепии вздымал свою мощную главу позади нее, туман и темнота воцарились на пустошах, и Мэри окончательно заблудилась.

Что бы ни случилось, она не должна терять головы и поддаваться нарастающей панике. Если не считать тумана, вечер хороший и не слишком холодный, и разве она не может наткнуться на тропинку, которая выведет ее к жилью?

Болота не опасны, если держаться возвышенностей. Поэтому, еще раз подвязав повыше юбку и поплотнее закутав плечи шалью, Мэри упорно шла вперед, осторожно прощупывая землю в сомнительных местах и избегая травяных кочек, которые мягко оседали под ногами. То, что она идет не в ту сторону, стало ясно уже через несколько миль, когда дорогу Мэри внезапно преградил ручей, который она не проходила по пути туда. Идти вдоль берега значило снова попасть в низину и в болота, и девушка отважно перешла его вброд, намочив ноги выше колен. Мокрые башмаки и чулки ее не беспокоили; Мэри считала, что ей повезло: ручей оказался не так глубокий, и ей не пришлось плыть, полностью погружаясь в воду. Теперь земля перед ней как будто поднималась, и это было к лучшему: путь стал надежней, и она смело шла по холмистой возвышенности. Путешествие показалось девушке бесконечным, но все же она вышла на проселок, ведущий вперед и слегка сворачивавший вправо. Здесь, по крайней мере, время от времени встречались следы, а где могла проехать телега, там могла пройти и Мэри. Худшее осталось позади; теперь, когда опасность миновала, она почувствовала себя слабой и ужасно усталой.

Девушка едва передвигала отяжелевшие ноги, ставшие словно бы чужими. У нее возникло ощущение, будто глаза вдруг провалились куда-то внутрь головы. Она брела вперед, повесив голову и опустив руки, думая о том, что вид высоких серых труб трактира «Ямайка», быть может, впервые за все время их существования будет отрадой и утешением. Дорога стала шире, ее пересекла другая, и Мэри некоторое время стояла в нерешительности на перекрестке, раздумывая, какой путь выбрать. И в этот момент она услышала доносившееся из темноты слева от нее дыхание лошади, тяжелое, как будто всадник скакал очень долго.

Копыта глухо стучали по торфу. Мэри ждала посреди дороги, ее нервы напряглись, как струна (слишком уж внезапно все произошло), и вот лошадь появилась перед ней из тумана, с седоком на спине, и эти две призрачные фигуры казались нереальными в тусклом свете. Всадник свернул, увидев Мэри, и натянул поводья, чтобы не наехать на нее.

– Эй, – крикнул он, – кто здесь? Что-нибудь случилось?

Он взгляделся в нее с высоты седла и удивленно воскликнул:

– Женщина! Как и зачем вы сюда забрели?

Мэри схватилась за уздечку и успокоила норовистую лошадь.

– Не могли бы вы указать мне дорогу? – попросила она. – Я забрела далеко от дому и безнадежно заблудилась.

– Стой смирно, – велел незнакомец лошади. – Откуда вы? Конечно я постараюсь помочь вам.

Голос у него был тихий и мягкий, и Мэри поняла, что перед ней, должно быть, человек из господского сословия.

– Я живу в трактире «Ямайка», – ответила она и тут же пожалела о своих словах.

Теперь, конечно, всадник ей не поможет; этого названия вполне достаточно, чтобы он хлестнул лошадь и предоставил девушке самой отыскивать путь. Дура она, что это брякнула.

Незнакомец с минуту помолчал, как она и ожидала, но, когда заговорил снова, голос его не изменился, а остался таким же спокойным и мягким.

– Трактир «Ямайка», – повторил он. – Боюсь, что вы сильно сбились с пути. Вам нужно было идти в противоположном направлении. Знаете, вы сейчас находитесь по другую сторону холмов Хендра.

– Мне это ни о чем не говорит, – ответила Мэри. – Я никогда здесь раньше не бывала; ужасно глупо с моей стороны отправиться так далеко зимой после полудня. Я была бы очень

благодарна, если бы вы указали мне правильный путь, а раз я на большой дороге, то быстро доберусь домой.

Некоторое время незнакомец рассматривал ее, а затем соскочил с седла на землю.

– Вы устали, – сказал он. – Вам больше и шагу не сделать. А главное – я вам не позволю. Мы недалеко от деревни, и вы туда поедете верхом. Дайте-ка мне вашу ножку, я подсажу вас.

Через минуту Мэри была в седле, а всадник стоял внизу, держа уздечку.

– Так лучше, правда? – спросил он. – Вы, должно быть, проделали долгий и утомительный путь по пустошам. Ваши башмаки промокли насквозь, и подол платья тоже. Вы отправитесь ко мне, обсушитесь, немного отдохнете, поужинаете, а потом я сам отвезу вас в трактир «Ямайка».

Незнакомец говорил очень заботливо, но при этом спокойно и властно, так что Мэри вздохнула с облегчением, отбросив на время все тревоги и с радостью доверившись ему. Он собрал поводья так, чтобы девушке было удобно, и тут она увидела его глаза, смотревшие на нее из-под полей шляпы. Это были странные глаза: прозрачные, как стекло, и так бледно окрашенные, что казались почти белыми; Мэри никогда прежде не видела подобной игры природы. Эти странные глаза пристально смотрели на нее и проникали вглубь, как будто самые мысли ее невозможно было спрятать, и Мэри почувствовала, что слабеет перед ними и сдается; и ей стало все равно. Волосы, спрятанные под черной широкополой шляпой, тоже были совсем белые, и Мэри в недоумении уставилась на незнакомца, ибо на лице его не было морщин, и голос тоже не казался голосом пожилого человека.

Затем, несколько смутившись, девушка поняла, в чем дело, и отвела взгляд. Перед ней был альбинос.

Незнакомец снял шляпу и обнажил перед нею голову.

– Пожалуй, мне лучше представиться, – сказал он с улыбкой. – Сколь ни странны обстоятельства нашего знакомства, следует соблюдать приличия. Меня зовут Фрэнсис Дейви, и я викарий из Олтернана.

## Глава 7

Дом викария оказался на редкость мирным, но была в нем некая странность, которую Мэри не могла объяснить. Он походил на дом из старой сказки, однажды обнаруженный героем в летние сумерки; его непременно должна окружать стена терновника, сквозь который приходится прокладывать путь ножом, а за ней буйство невиданных цветов. Под окнами должны были бы расти гигантские папоротники и еще белые лилии на высоких стеблях. В сказке стены были бы увиты плющом, скрывавшим вход, и сам дом спал бы тысячу лет.

Мэри улыбнулась своей фантазии и еще раз протянула руки к очагу. Тишина была ей приятна: она смягчала усталость и прогоняла страх. Это был другой мир. В трактире «Ямайка» тишина казалась давящей и зловещей; заброшенные комнаты пахли запустением. Здесь все ощущалось по-иному. Комната, в которой она сидела, была обыкновенной, ничем не примечательной гостиной, где проводят вечера. Мебель, стол в центре, часы на стене утратили дневную определенность и были похожи на спящих существ, на которые ты случайно наткнулся в темноте. Когда-то здесь жили люди – счастливые, тихие люди: старые приходские священники со старинными книгами под мышкой; а там, у окна, седая женщина в синем платье, ссутулившись, вдевала нитку в иголку. Все это было очень давно. Теперь все они покоятся на кладбище за церковной оградой, и их имена невозможно разобрать на изъеденном лишайником камне. Когда они ушли, дом погрузился в себя и затих, и человек, который жил здесь теперь, постарался сделать так, чтобы следы присутствия тех, кто покинул этот мир, не стерлись окончательно.

Мэри наблюдала, как хозяин накрывает стол для ужина, и думала, как мудро с его стороны раствориться в атмосфере дома; другой, возможно, стал бы болтать или стучать чашками, чтобы развеять давящую тишину. Ее взгляд блуждал по комнате, и она принимала как должное стены без привычных картин и рисунков на библейские сюжеты, полированный письменный стол без бумаг и книг, которым в ее представлении полагалось находиться в комнате священника. В углу стоял мольберт, а на нем незаконченный холст: пруд в Дозмэри. Он был изображен в пасмурный день, матовая синевато-серая поверхность воды в безветренную погоду. Пейзаж привлек взгляд Мэри и зачаровал ее. Она ничего не понимала в живописи, но от картины исходила некая сила, и Мэри почти чувствовала дождь на своем лице. Должно быть, викарий следил за направлением взгляда гостя, потому что подошел к мольберту и повернул картину обратной стороной.

– Не смотрите сюда, – сказал он. – Это сделано наспех, у меня не было времени закончить. Если вам нравятся картины, я покажу кое-что получше. Но прежде всего я собираюсь накормить вас ужином. Не вставайте с кресла. Я придвину стол.

Для девушки было непривычно, что за ней ухаживают, но хозяин делал это так спокойно, не выставляя своей заботы напоказ, что это казалось естественным, обычным поведением и нисколько не смущало Мэри.

– Моя экономка Ханна живет в деревне, – пояснил викарий. – Она уходит каждый день в четыре часа. Я предпочитаю одиночество. Мне нравится ужинать одному, и потом, я могу сам выбрать удобное время. К счастью, Ханна сегодня сделала яблочный пирог. Надеюсь, его можно есть; вообще-то, она печет не очень хорошо.

Викарий налил гостю чашку дымящегося чая и добавил туда полную ложку сливок. Мэри пока не могла привыкнуть к его белым волосам и бесцветным глазам, составлявшим с его голосом резкий контраст, который усиливало черное платье. Мэри еще не оправилась от усталости и немного стеснялась в непривычной обстановке, и хозяин не пытался завести беседу. Мэри поглощала ужин и время от времени поглядывала на викария из-за чашки с чаем, но тот, казалось, сразу же чувствовал это, ибо тут же обращал на нее взгляд своих холодных белых

глаз, отрешенный и пронзительный, как у слепца, и она снова принималась смотреть через его плечо на желто-зеленые стены комнаты или на мольберт в углу.

– Провидению было угодно, чтобы я встретил вас сегодня вечером на пустоши, – сказал хозяин наконец, когда гостья отодвинула тарелку и снова погрузилась в кресло, подперев ладонью подбородок. В теплой комнате, после горячего чая Мэри почти задремала, и его мягкий голос доносился до нее издали. – Моя работа иногда приводит меня в самые отдаленные дома и фермы, – продолжал викарий. – Сегодня днем я помог появиться на свет ребенку. Он будет жить, и его мать тоже. Обитатели пустоши люди крепкие и не боятся трудностей. Вы, должно быть, и сами это заметили. Я их глубоко уважаю.

Мэри нечего было сказать в ответ. Компания, которая собиралась в трактире «Ямайка», не вызывала у нее уважения. Она удивлялась, почему в комнате пахнет розами, и тут наконец заметила чашу с засушенными лепестками на столике за своим креслом. Затем хозяин заговорил снова, голосом по-прежнему мягким, но с неожиданной настойчивостью:

– Почему вы бродили по пустоши сегодня вечером?

Мэри встрепелась и посмотрела ему в глаза. Они смотрели на нее с бесконечным сочувствием, и ей очень захотелось вверить себя их милосердию.

Мэри и сама удивилась, услышав вдруг свой голос, отвечающий викарию.

– Я попала в ужасное положение, – сказала она. – Иногда мне кажется, что я стану как моя тетя и тоже сойду с ума. До вас, наверное, доходили разные слухи здесь, в Олтернэне, но вы, должно быть, только пожимали плечами, не придавая им значения. Я прожила в трактире «Ямайка» всего месяц, а кажется, будто уже двадцать лет прошло. Меня очень тревожит тетя; если бы только я могла ее увезти! Но она не оставит дядю Джосса, как бы тот с ней ни обращался. Каждую ночь, отправляясь спать, я думаю: «А вдруг я проснусь и услышу шум повозок?» В первый раз их было шесть или семь, и они привезли тюки и ящики, которые эти люди сложили в запертой комнате в конце коридора. Той ночью убили человека; я видела, что внизу с балки свисает веревка... – Мэри замолчала на полуслове, и жар бросился ей в лицо. – Я никогда никому об этом не говорила, – продолжала она. – Но больше не могу держать это в себе. И все-таки я не должна была говорить. О боже, что я натворила!

Некоторое время викарий не отвечал. Он дал девушке опомниться, а потом, когда она пришла в себя, заговорил мягко и медленно, как отец, который успокаивает испуганного ребенка.

– Не бойтесь, – сказал он. – О вашей тайне никто не узнает, кроме меня. Вы очень устали, и это я виноват, что вас разморило в теплой комнате после еды. Я должен был уложить вас в постель. Вы, наверное, провели на пустоши много часов, а отсюда до «Ямайки» путь рискованный: болота опасней всего в это время года. Когда вы отдохнете, я отвезу вас назад в двуколке и, если позволите, сам объяснюсь с трактирщиком.

– Ах нет, не надо, – быстро возразила Мэри. – Если дядя узнает хотя бы о половине из того, что я сегодня натворила, он убьет меня и вас тоже. Вы не понимаете. Он отчаянный человек и ни перед чем не остановится. На худой конец, я могу попытаться залезть в окно своей спальни по навесу над крыльцом и так попасть в дом. Дядя ни за что не должен узнать, что я здесь была и что я вас видела.

– Не кажется ли вам, что ваше воображение слишком разыгралось? – спросил викарий. – Понимаю, что рискую показаться черствым и бесчувственным, но ведь на дворе девятнадцатый век, и люди не убивают друг друга без причины. Я уверен, что имею такое же право подвезти вас по Королевской дороге, как и ваш дядя. Если уж у нас пошел такой разговор, то не думаете ли вы, что лучше рассказать мне всю историю с самого начала? Как вас зовут и почему вы живете в трактире «Ямайка»?

Мэри взглянула в бледные глаза на бесцветном лице в ореоле белых стриженных волос и опять подумала, какой же удивительной причудой природы был этот человек, которому, воз-

можно, двадцать один год, а возможно, и все шестьдесят. Владелец такого мягкого, чарующего голоса сумел бы выведать у Мэри все тайны ее сердца, если бы пожелал. Ему можно было довериться; по крайней мере в этом девушка не сомневалась. И все же она медлила, подбирая в уме слова.

– Ну же, – сказал викарий с улыбкой. – В свое время я слышал немало исповедей. Не здесь, в Олтернне, а в Ирландии и в Испании. Ваша история покажется мне не такой странной, как вы думаете. На трактире «Ямайка» свет клином не сошелся.

Его слова успокоили и немного смутили Мэри. Ей показалось, будто он, несмотря на весь свой такт и доброту, посмеивается над ней и в глубине души считает истеричной девчонкой. И Мэри принялась сбивчиво и несвязно рассказывать ему все, начиная с того первого субботнего вечера в баре, а потом вернулась к тому, как она попала в трактир. Ее история звучала вымученно и неубедительно даже для нее самой, хотя она и знала, что каждое слово в ней правда, а из-за непомерной усталости Мэри говорила с трудом, ей постоянно не хватало слов, она задумчиво замолкала, а затем снова возвращалась к своему повествованию, то и дело повторяясь. Викарий терпеливо выслушал ее до конца, ничего не говоря и не задавая вопросов, но девушка чувствовала, как его белесые глаза наблюдают за ней; время от времени он сглатывал, и она, заметив его привычку, стала подсознательно этого ждать. Пережитый страх, душевные страдания и сомнения теперь и самой ей уже стали казаться плодом разгоряченного воображения, а разговор в баре между ее дядей и незнакомцем превратился в путаную бессмыслицу. Мэри чувствовала, что викарий не верит ей, и в отчаянной попытке сделать всю эту глупую и цветистую историю более правдоподобной она превратила дядю из главного злодея в обыкновенного сельского пьяницу и забияку, который поколачивает жену раз в неделю, а таинственные повозки под конец уже мало чем отличались от обычных телег, развозящих по ночам срочные грузы. Утренний визит сквайра из Норт-Хилла выглядел убедительно, но развязка с пустой комнатой вышла слабой, и единственное, что во всей этой истории не вызывало сомнений, – это ее вечерние блуждания на пустоши.

Когда она закончила, викарий встал со стула и принялся ходить по комнате. Он тихо, едва слышно насвистывал, играя с оторванной пуговицей на сюртуке, висевшей на нитке. Потом он остановился у очага, спиной к огню, и посмотрел на нее – но Мэри ничего не могла прочесть в его глазах.

– Конечно я вам верю, – сказал хозяин, помолчав с минуту. – У вас честное лицо, и вы не похожи на истеричную барышню. Но ваша история не годится для судебного заседания, по крайней мере в том виде, в котором вы ее сейчас изложили. Она слишком похожа на сказку. И еще одно: все мы знаем, что контрабанда – это позор и беззаконие, но она процветает по всей стране, и половина должностных лиц наживается на этом промысле. Вас это шокирует, не так ли? Но уверяю, это правда. Будь закон строже, порядка было бы больше, и притон вашего дяди в трактире «Ямайка» давно бы уже уничтожили. Я пару раз видел мистера Бассата и думаю, что он человек честный, но, между нами говоря, не слишком проницательный. Он побушует, погрозится, и только. Вряд ли я сильно ошибусь, если скажу, что о своей утренней экспедиции он будет помалкивать. Вообще-то, не судейское это дело обыскивать трактир, и, если станет известно, что он туда сунулся и к тому же ничего не нашел, Бассат сделается посмешищем для всей округи. Хотя в одном могу вас заверить: его визит напугает вашего дядю, и тот на некоторое время затаится. До поры до времени никаких повозок у трактира «Ямайка» появляться не будет. Думаю, вы можете быть спокойны.

Мэри слушала его рассуждения с некоторым недоверием. Она надеялась, что викарий ужаснется, раз уж он признал ее историю правдивой; но, по-видимому, она его совершенно не взволновала, он считает, что подобное в порядке вещей.

Хозяин, должно быть, заметил разочарование на лице гостьи, потому что снова заговорил.

– Если хотите, я мог бы повидаться с мистером Бассатом, – сказал он, – и все ему рассказать. Но если он не сможет поймать вашего дядю на месте преступления с повозками во дворе, шансов осудить его будет очень мало. Важно, чтобы вы это понимали. Боюсь, что это звучит весьма неутешительно, но положение трудное со всех точек зрения. И опять же, вы не хотите впутывать в это дело вашу тетю, но я не вижу, как этого можно избежать, если дело дойдет до ареста.

– Так что же, по-вашему, мне делать? – беспомощно спросила Мэри.

– На вашем месте я бы подождал, – ответил викарий. – Продолжайте внимательно следить за дядей и, когда повозки снова появятся, можете сразу же сообщить об этом мне. Тогда мы вместе постараемся решить, как лучше поступить. Конечно, если вы почтите меня своим доверием.

– А как же пропавший незнакомец? – спросила Мэри. – Его убили. Я уверена. Неужели вы хотите сказать, что с этим ничего нельзя поделать?

– Боюсь, что нет, если только не найдут тело, что в высшей степени маловероятно, – сказал викарий. – В конце концов, вполне возможно, что никакого убийства и не было. Простите, но я думаю, что вы позволили воображению завести вас слишком далеко. Вы же ничего не видели, кроме куска веревки. Если бы вы действительно видели этого человека мертвым или хотя бы раненым – ну, тогда это совсем другая история.

– Я слышала, как мой дядя ему угрожал, – настаивала Мэри. – Разве этого недостаточно?

– Дитя мое, люди угрожают друг другу каждый божий день, но за это не отправляют на виселицу. Теперь слушайте меня. Я ваш друг, и вы можете мне доверять. Если вы будете хоть чем-то встревожены или расстроены, я хочу, чтобы вы пришли и рассказали мне об этом. Судя по вашему сегодняшнему поступку, долгие прогулки вас не пугают, а до Олтернана всего несколько миль по большой дороге. Если вы придете и не застанете меня дома, здесь будет Ханна, и она о вас позаботится. Ну как, договорились?

– Я вам очень благодарна.

– А теперь надевайте чулки и башмаки, а я пока пойду в конюшню за двуколкой. Я хочу отвезти вас обратно в трактир «Ямайка».

Мысль о возвращении была ненавистна Мэри, но с этим пришлось смириться. Главное – не сравнивать мысленно эту мирную комнату, мягко освещенную свечами, с ее теплым очагом и глубоким креслом, и холодные, мрачные коридоры трактира «Ямайка», не думать о своей крохотной каморке над крыльцом. Надо помнить только об одном: она сможет вернуться сюда, когда захочет.

Ночь была ясная; темные вечерние тучи ушли, и небо сверкало звездами. Мэри сидела рядом с Фрэнсисом Дейви на высоких козлах двуколки, закутанная в пальто с бархатным воротником. Лошадь была не та, на которой викарий ехал верхом, когда она встретила с ним на пустоши; на этот раз запрягли крупного серого коренастого рысака, который, застоявшись в конюшне, мчался как ветер. Это была странная, захватывающая дух езда. Ветер дул Мэри в лицо, так что у нее щипало в глазах. Подъем от Олтернана сначала был медленным из-за крутизны холма, но, как только они оказались на большой дороге и повернули к Бодмину, викарий погнал рысака; тот только прижал уши и помчался галопом как безумный.

Копыта грохотали по твердой белой дороге, поднимая облако пыли, и Мэри невольно прижалась к своему спутнику. Он не делал попыток придержать лошадь, и, взглянув на викария, Мэри увидела, что он улыбается.

– Давай, – сказал он коню, – давай, ты ведь можешь еще быстрее.

Голос его при этом был тих и взволнован, будто викарий говорил сам с собой. Это казалось странным и слегка пугающим, и Мэри почувствовала некоторое замешательство, как будто ее спутник находится в каком-то другом мире, позабыв о ее существовании.

Сидя на козлах, Мэри впервые могла рассмотреть его в профиль и отметила, какими выразительными были его черты, как резко выступал тонкий нос; прихоть природы, создавшей этого человека альбиносом, сделала его еще и ни на кого не похожим.

Викарий напоминал птицу. Скрючившись на козлах, в черном плаще с капюшоном, развевающимся на ветру, он казался крылатым. Какого он возраста, она вообще не могла понять. Потом он улыбнулся ей и снова стал человеческим существом.

– Я люблю эти пустоши, – сказал викарий. – Конечно, ваше первое знакомство с ними было скверным, так что вы не можете меня понять. Если бы вы знали их так же хорошо, как знаю я, и видели их в разное время, зимой и летом, вы бы их тоже полюбили. Ни одна другая часть страны не обладает таким очарованием. Эти пустоши существуют с незапамятных времен. Иногда я думаю, что они – пережиток другой эпохи. Первыми, мне кажется, были созданы пустоши, потом появились леса, и долины, и море. Поднимитесь на Раф-Тор однажды утром, до рассвета, и послушайте ветер в камнях. Тогда вы поймете, что я имею в виду.

Мэри вспомнила пастора из своей родной деревушки. Это был жизнерадостный маленький человечек с целым выводком детей, в точности похожих на него, а жена его слыла мастерицей делать сливовый мармелад. На Рождество их пастор всегда приносил одну и ту же проповедь, и прихожане могли ему подсказывать с любого места, так как знали ее назубок. Хотелось бы ей послушать, что Фрэнсис Дейви говорит в своей церкви в Олтернани. Не проповедует ли он о Раф-Торе и об освещении над прудом Дозмэри? Они уже добрались до того места, где дорога резко шла вниз мимо рощицы в долине реки Фоуи; перед ними протянулся подъем, ведущий на открытую возвышенность. Мэри уже различала на фоне неба силуэты высоких труб трактира «Ямайка».

Езда закончилась, и веселое возбуждение покинуло ее. Прежний ужас и отвращение к дяде вернулись. Викарий остановил лошадь как раз у двора, за поросшим травой холмом.

– Не видно ни души, – спокойно сказал он. – Похоже на обитель мертвецов. Хотите, я попробую открыть дверь?

Мэри покачала головой.

– Она всегда заперта, – прошептала девушка, – и окна на засовах. Вон там моя комната, над крыльцом. Я могу вскарабкаться туда, если вы позволите мне встать вам на плечо. Дома я и не в такие места забиралась. Мое окно наверху открыто; с навеса над крыльцом это будет просто.

– Вы поскользнетесь на шифере, – ответил викарий. – Я не позволю вам этого сделать. Что за ерунда! Неужели нет другого способа войти? А если с черного хода?

– Дверь бара, скорее всего, заперта, и кухни тоже, – сказала Мэри. – Если хотите, можно потихоньку подойти и убедиться.

Она провела его за дом и внезапно обернулась, прижав палец к губам.

– В кухне свет, – прошептала она. – Значит, дядя там. Тетя всегда ложится рано. На окне нет занавесок; если мы пройдем мимо, он нас увидит.

Девушка прижалась к стене дома. Ее спутник жестом приказал ей оставаться на месте.

– Ладно, – сказал он. – Я постараюсь, чтобы ваш дядя меня не заметил. Я хочу заглянуть в окно.

Мэри смотрела, как он сбоку подобрался к окну и стоял там несколько минут, глядя в кухню. Затем сделал ей знак следовать за ним, с той же напряженной улыбкой, которую она заметила раньше. Его лицо выглядело очень бледным под черной широкополой шляпой.

– Сегодня объясняться с хозяином трактира «Ямайка» вам не придется, – объявил он.

Мэри придвинулась к окну. Кухня была освещена единственной свечой, криво воткнутой в бутылку. Она уже наполовину сгорела и сильно оплыла с одной стороны. Огонек колебался и потрескивал на сквозняке: дверь, ведущая в сад, была распахнута настежь. Джосс Мерлин развалился у стола в пьяном оцепенении, огромные ноги вытянуты в разные стороны, шляпа на

затылке. Он глядел перед собой на оплывающую свечу остекленевшими и остановившимися, как у мертвеца, глазами. Другая бутылка с разбитым горлышком валялась на столе, рядом – пустой стакан. Торф в очаге догорел.

Фрэнсис Дейви указал на открытую дверь.

– Вы можете войти и отправиться наверх спать, – сказал он. – Дядя вас даже не заметит. Заприте за собой дверь и задуйте свечу. Вам только пожара не хватает. Спокойной ночи, Мэри Йеллан. Если попадете в беду и я вам понадобится, я буду ждать вас в Олтернани.

Он завернул за угол дома и исчез.

Мэри на цыпочках вошла в кухню, закрыла и заперла дверь. Она могла бы захлопнуть ее, если бы захотела, – дядя все равно не очнулся бы.

Джосс Мерлин отправился в свое царство небесное, и этот жалкий мир перестал для него существовать. Девушка задудла свечу и оставила дядю одного в темноте.

## Глава 8

Джосс Мерлин пил пять дней подряд. Большую часть времени он был невменяем и пластом лежал в кухне на постели, которую там же соорудили для него Мэри с теткой. Он спал с широко раскрытым ртом, и его шумное дыхание было слышно в спальнях наверху. Около пяти вечера дядя просыпался примерно на полчаса, требуя бренди и всхлипывая, как дитя. Жена тут же подходила и утешала мужа. Она давала ему немного бренди, сильно разбавленного водой, говорила с ним ласково, как с больным ребенком, поднося к его губам стакан, а трактирщик озирался вокруг горящими, налитыми кровью глазами, что-то бормоча про себя и дрожа, как собака.

Тетя Пейшенс преобразилась. Мэри не ожидала от нее такого спокойствия и самообладания. Она полностью предалась заботам о муже. Ей пришлось взять на себя весь уход, и Мэри с чувством глубокого отвращения наблюдала, как тетя меняет пьянице одеяла и белье, потому что сама она не могла бы даже приблизиться к нему. Тетя Пейшенс принимала все это как должное, проклятия и вопли трактирщика вовсе ее не пугали. Только в такой ситуации она получала над мужем власть, и он безропотно позволял ей обтирать ему лицо полотенцем, смоченным горячей водой. Затем жена подпихивала под него свежее одеяло, расчесывала его спутанные волосы, и через несколько минут он снова засыпал, с багровыми щеками, широко открытым ртом, из которого вываливался язык, храпя, как бык. В кухне находиться было невозможно, и Мэри с тетей перебрались в маленькую пустующую гостиную, превратив ее в жилое помещение. Наконец тетя Пейшенс немного сблизилась с племянницей. Она радостно щебетала о прежних днях в Хелфорде, где они с матерью Мэри провели детство; она двигалась по дому быстро и легко, и иногда Мэри даже слышала, как тетушка тихонько напевает отрывки из церковных гимнов, снуя в кухню и обратно. Похоже было, что запои у Джосса Мерлина случались примерно каждые два месяца. Раньше перерывы были длиннее, но теперь он срывался все чаще, и тетя Пейшенс не знала, когда это случится. Нынешний запой был вызван визитом сквайра Бассата – тетушка сказала, что хозяин очень рассердился и расстроился, и когда в шесть часов вечера он вернулся с пустоши, то напрямик направился в бар. Она уже знала, что будет дальше.

Тетя Пейшенс поверила племяннице, когда та сказала, что заблудилась на пустоши, и не стала ни о чем расспрашивать. Она только предупредила, что нужно остерегаться трясины, и разговор на этом был закончен. Мэри вздохнула с облегчением. Она не хотела вдаваться в подробности своего приключения и решила ничего не говорить о встрече с викарием из Олтернана. Пока Джосс Мерлин в оцепенении лежал в кухне, две женщины провели пять сравнительно спокойных дней.

Погода была холодная и пасмурная, и Мэри не хотелось выходить из дому, но на пятое утро подул ветер и выглянуло солнце, и, несмотря на недавнее приключение, Мэри решила еще раз бросить вызов пустошам. Трактирщик проснулся в девять часов и принялся орать во всю глотку, от этого шума и запаха из кухни, которым теперь пропитался весь дом, от вида тети Пейшенс, бросившейся вниз с чистыми одеялами в руках, Мэри охватил приступ отвращения и злости.

Стыдясь своих чувств, она выскользнула из дому, завернув в платок кусок хлеба, и перешла через дорогу. На этот раз девушка направилась на Восточную пустошь, в сторону Килмара, и, поскольку впереди был целый день, она не боялась заблудиться. Мэри продолжала размышлять о Фрэнсисе Дейви, этом необычном викарии из Олтернана, и поняла, как мало он рассказал ей о себе, хотя за один вечер выведал историю всей ее жизни. Девушка подумала, как странно он, должно быть, смотрелся за мольбертом у пруда в Дозмэри, стоя, возможно,

без шляпы, с ореолом белых волос вокруг головы, в то время как залетевшие с моря чайки скользили над поверхностью воды. Он, наверное, был похож на Илью-пророка в пустыне.

Хотела бы она знать, что привело его к священничеству и любят ли викария в Олтернани. Скоро Рождество, и дома, в Хелфорде, люди, должно быть, украшают жилища остролистом, хвоей и омелой. Повсюду пекут пироги и кексы и откармливают индеек и гусей. Маленький пастор в предвкушении праздника лучезарно улыбается всем вокруг, и в сочельник после чая отправится в Трилуоррен пить джин, настоянный на ягодах терновника. Интересно, украшает ли Фрэнсис Дейви свою церковь остролистом и призывает ли он благословение на свою паству.

Одно несомненно: в трактире «Ямайка» будет совсем невесело.

Мэри шла больше часа, пока путь ей не преградил ручей, разделявшийся на два рукава, которые текли в разные стороны. Девушка остановилась, не зная, куда ей двинуться дальше. Ручей бежал по долине между холмами и был окружен болотами. Нельзя сказать, чтобы местность была ей совсем незнакома, за зеленым склоном высившегося впереди скалистого холма девушка увидела огромную растопыренную руку Килмара, указывающую пальцами в небо. Мэри снова оказалась перед Труартским болотом, рядом с которым бродила в ту первую субботу, но на этот раз она шла на юго-восток, и в ярком солнечном свете холмы выглядели совсем по-другому. Ручей весело журчал по камням, и через мелководье были проложены мостки. Болото раскинулось слева от нее. Легкий ветерок волновал траву, она дружно подрагивала, вздыхала и шуршала; а посреди бледной манящей зелени торчали жесткие пучки с бурыми верхушками и желтыми торчащими метелками.

Это были предательские участки трясины, с виду твердые, но на самом деле тонкие, как паутинка, – стоило на нее ступить, и человеческая нога немедленно погрузилась бы в болотную жижу, а маленькие окошки серо-голубой воды, дрожавшие тут и там, вспенились бы и почернели.

Мэри повернулась спиной к болоту и по мосткам перебралась через ручей. Держась повыше, она шла вдоль ручья, бежавшего по извилистой долине между холмами. Сегодня облаков было мало, они почти не отбрасывали теней, и пустоши, расстилавшиеся позади нее, желтели в солнечных лучах, словно песок. Одинокий кроншнеп задумчиво стоял у ручья, разглядывая свое отражение в воде; внезапно его длинный клюв с невероятной скоростью метнулся в камыши и вонзился в мягкий ил, затем, повернув голову, птица поднялась в воздух, подобрала ноги, и направилась на юг, жалобно крича.

Что-то вспугнуло кроншнепа, и через пару мгновений Мэри увидела, что именно. Несколько лошадей проскакали вниз по холму и с плеском бросились в ручей – пить. Они шумно топтались среди камней, наталкиваясь друг на друга и помахивая хвостами на ветру. Должно быть, пони выбежали из видневшихся справа, чуть впереди ворот, они были широко распахнуты и подперты обломком камня, а за ними начиналась разбитая проселочная дорога.

Мэри прислонилась к воротам и стала смотреть на лошадей; уголком глаза она заметила мужчину, спускавшегося по дороге с ведрами в руках. Девушка хотела было продолжить свой путь вокруг холма, но он помахал в воздухе ведром и окликнул ее.

Это оказался Джем Мерлин. Деваться было некуда, и Мэри стояла на месте, пока он к ней не подошел. На нем были запачканная рубашка, никогда не выдавшая стирки, и грязные коричневые штаны, покрытые конским волосом и заляпанные навозом. Джем был без шапки и куртки, а его подбородок порос жесткой густой щетиной. Он засмеялся, глядя на Мэри сверху вниз, сверкая зубами, как две капли воды похожий на брата, если бы тот скинул лет двадцать.

– Так, значит, тышла дорогу ко мне? – сказал Джем. – Я не ждал тебя так скоро, иначе бы испек хлеб по такому случаю. Я не мылся три дня и питался одной картошкой. Вот, поддержи-ка ведро.

Он сунул Мэри в руку одно из ведер, прежде чем она успела возразить, и спустился к воде вслед за лошадьми.

– Пошли прочь! – закричал он. – Эй, назад, нечего мутить воду, которую я пью! Убирайся, ты, черный черт!

Он стукнул самого крупного пони ведром по заду, и все они рванули из воды вверх по склону, то и дело взбрыкивая.

– Я сам виноват, не закрыл ворота! – крикнул он Мэри. – Неси сюда второе ведро; на той стороне ручья вода чистая.

Девушка спустилась с ведром к ручью, и он наполнил их оба, улыбаясь ей через плечо.

– Что бы ты делала, если бы не застала меня дома? – спросил Джем, утирая лицо рукавом. Мэри невольно улыбнулась.

– Я понятия не имела, что ты здесь живешь, – ответила она, – и, уж во всяком случае, пошла в эту сторону вовсе не для того, чтобы тебя найти. Если бы знала, то повернула бы налево.

– Я тебе не верю, – заявил Джем. – Ты отправилась в путь в надежде меня увидеть, и незачем притворяться, будто это не так. Впрочем, ты пришла как раз вовремя, чтобы приготовить мне обед. В кухне есть кусок баранины.

Он повел девушку по ухабистой дороге, и, повернув, они пришли к маленькому серому домику на склоне холма. На задворках виднелись несколько грубых хозяйственных построек и небольшой участок, засаженный картошкой. Тонкая струйка дыма поднималась из приземистой трубы.

– Огонь уже горит, и баранина сварится быстро. Надеюсь, ты умеешь готовить? – спросил Джем.

Мэри смерила его взглядом с головы до ног:

– Ты всегда так используешь людей?

– Мне нечасто выпадает такая возможность, – признался он. – Но раз уж ты здесь, то можешь и задержаться. С тех пор как умерла моя мать, я всегда готовлю сам, и с тех пор в этом доме не было ни одной женщины. Входи же!

Мэри последовала за хозяином, так же как и он, наклонив голову под низкой притолокой.

Комната оказалась маленькая и квадратная, в два раза меньше, чем кухня в «Ямайке», с огромным открытым очагом в углу. Пол был грязный, усеянный мусором: картофельными очистками, капустными кочерыжками и хлебными корками. По всей комнате был разбросан хлам, и все покрывал слой сажки. Мэри испуганно озиралась:

– Ты что, никогда не прибираешься? У тебя не кухня, а свинарник. Как тебе только не стыдно! Оставь мне ведро воды и найди метлу. Я не стану обедать в таком месте.

Мэри тут же принялась за работу, вид грязного и запущенного жилья был ей противен. Через полчаса кухня преобразилась, влажный каменный пол сиял, весь сор был вынесен вон. В буфете она нашла посуду, кусок материи и накрыла на стол, а в кастрюле на огне в это время кипела баранина с картошкой и репой.

Пахло вкусно, и Джем остановился в дверях, принюхиваясь, как голодный пес.

– Придется мне завести служанку, – сказал он. – Теперь я это понял. Что, если тебе оставить свою тетушку и перебраться сюда вести мое хозяйство?

– Мои услуги стоят слишком дорого, – заявила Мэри. – У тебя никогда не будет таких денег.

– До чего же все женщины скаредны, – сказал он, садясь за стол. – Не знаю, что они делают с деньгами, только они их никогда не тратят. Моя мать была точно такая же. Она всегда прятала их в старом чулке, и я даже не видел, какого он цвета. Поторопись с обедом: я голоден, как гусеница.

– А ты нетерпеливый, – заметила Мэри. – И ни слова благодарности за весь мой труд. Убери руки – тарелка горячая.

Она поставила перед Джемом дымящуюся баранину, и он облизнулся.

– Во всяком случае, там, откуда ты родом, тебя кое-чему научили. Я всегда говорю, что две вещи женщины должны уметь от рождения, и стряпня – одна из них. Дай мне воды. Кувшин снаружи.

Но Мэри уже наполнила кружку и молча протянула ему.

– Мы все родились здесь, – сказал Джем, кивком указав на потолок, – там, в комнате наверху. Но Джосс и Мэтт были уже взрослыми мужчинами, когда я еще цеплялся за матушкину юбку. Отца мы видели редко, но очень хорошо знали, когда он дома. Я помню, как однажды он бросил в мать нож: из пореза над глазом кровь так и потекла по лицу. Я испугался, убежал и спрятался вон там, в углу у очага. Мать ничего не сказала; она просто промыла глаз водой и подала отцу ужин. Она была храбрая женщина, этого у нее не отнять, хотя говорила она мало и никогда не кормила нас досыта. Когда я был маленьким, она сделала меня вроде как своим любимчиком, наверное, потому, что я был самый младший, и братья поколачивали меня, когда она не видела. Они меж собой тоже не очень-то дружили – мы никогда не были слишком любящей семьей, и я видел, как однажды Джосс избил Мэтта так, что тот не держался на ногах. Мэтт был забавный: тихий, больше похожий на мать. Он утонул там, в болоте. Там можно кричать, пока не лопнут легкие, и никто не услышит, кроме птиц или одичавших лошадей. Я и сам в свое время чуть не попался.

– Давно умерла ваша мать? – спросила Мэри.

– На Рождество будет семь лет, – ответил Джем, подкладывая себе баранины. – Отца повесили, Мэтт утонул, Джосс отправился в Америку, а я рос дикий, как ястреб; вот мать и ударилась в религию и молилась здесь часами, взывая к Господу. Я этого терпеть не мог и потому убрался подальше. Какое-то время я плавал на шхуне, но море – не для моего желудка, и я вернулся домой. Я увидел, что мать отошала, как скелет. «Тебе нужно больше есть», – сказал я ей, но она меня не слушала, и я опять ушел и некоторое время жил в Плимуте, зарабатывая где шиллинг, где два. Я вернулся сюда к рождественскому обеду и увидел заброшенный дом и запертую дверь. Я чуть с ума не сошел. Не ел целые сутки. Я пошел обратно в Норт-Хилл, и там мне сказали, что моя мать умерла и ее похоронили три недели назад. С таким же успехом я мог остаться на рождественский обед в Плимуте. В буфете позади тебя есть кусок сыра. Хочешь половину? Правда, он червивый, но червяки не кусаются.

Мэри покачала головой и предоставила хозяину самому встать и взять сыр.

– Что случилось? – спросил он. – У тебя вид как у больной коровы. От баранины, что ли, поплохело?

Мэри смотрела, как Джем садится и кладет ломоть высохшего сыра на огрызок черствого хлеба.

– Все вздохнут с облегчением, когда в Корнуолле не останется ни одного Мерлина, – заметила она. – Такая семейка хуже любой заразы для здешних мест. Ты и твой брат так и родились испорченными и злобными. Ты никогда не думал о том, как, должно быть, страдала твоя мать?

Джем посмотрел на нее с удивлением, не донеся до рта хлеб с сыром:

– С матерью было все в порядке. Она никогда не жаловалась, привыкла. Ну да, они с отцом поженились, когда матушке было шестнадцать; ей некогда было страдать. Джосс родился через год, потом сразу Мэтт. Ей нужно было их растить, а к тому времени, когда они отбились от рук, ей пришлось все начать по новой со мной. А меня сначала сделали, а потом подумали. Отец напился на Лонстонской ярмарке, когда продал трех коров, которые ему не принадлежали. Если бы не это, я бы сейчас здесь с тобой не болтал. Дай кружку.

Мэри закончила есть. Она встала и молча принялась убирать со стола.

– Как поживает хозяин трактира «Ямайка»? – спросил Джем, раскачиваясь на задних ножках стула и наблюдая, как гостя кладет в воду тарелки.

– Пьет, как и его отец, – коротко ответила Мэри.

– Это погубит Джосса, – серьезно сказал его брат. – Он напивается до бесчувствия и целыми днями лежит как бревно. В один прекрасный день он себя доконает. Чертов дурень! Как долго продолжался запой на этот раз?

– Пять дней.

– Ну, это еще ничего. Он проваливается неделю, если ему позволить. Потом очухается и будет шататься, как новорожденный теленок, а уж во рту будет противно, словно в болоте. Когда вся лишняя жидкость из него выльется, а остальная выпивка всосется – вот тут-то и жди беды. Так что будь осторожна.

– Дядя меня не тронет; уж об этом я позабочусь, – сказала Мэри. – Ему есть о чем беспокоиться. Дядюшке хватит забот и без меня.

– Не напускай на себя таинственность, многозначительно кивая и поджимая губки. В «Ямайке» что-нибудь стряслось?

– Зависит от того, как на это посмотреть, – ответила Мэри, вытирая тарелку и поглядывая на него. – На той неделе у нас побывал мистер Бассат из Норт-Хилла.

Джем с грохотом опустил стул на все четыре ножки.

– Вот черт! – сказал он. – И что же сквайру понадобилось?

– Дяди Джосса не было дома, – объяснила Мэри, – и мистер Бассат настоял на том, чтобы его впустили в трактир и провели по комнатам. Он вышиб дверь в конце коридора – вместе со своим слугой, но кладовка оказалась пуста. Похоже, он был разочарован и очень удивлен и уехал взбешенный. Заодно Бассат спросил и о тебе, но я сказала ему, что в глаза тебя не видела.

Джем насвистывал с отсутствующим видом, пока Мэри рассказывала все это, но когда она упомянула его имя, глаза его сузились, и он рассмеялся.

– Почему же ты ему солгала? – поинтересовался он.

– Тогда мне показалось, что так будет спокойнее, – ответила Мэри. – Если бы я хорошенько подумала, то, конечно, сказала бы ему правду. Тебе ведь нечего скрывать, верно?

– Почти нечего; правда, тот черный пони, которого ты видела у ручья, принадлежит ему, – беззаботно сказал Джем. – На прошлой неделе он был серый в яблоках и стоил сквайру целого состояния; судья сам его вырастил. Если повезет, я получу за него несколько фунтов в Лондоне. Пойдем взглянем на него.

Они вышли на солнце; Мэри вытерла руки о передник и некоторое время стояла в дверях дома, пока Джем ходил к лошадям. Дом был построен на склоне холма над Ивовым ручьем, который вился по долине и терялся в дальних холмах. За домом раскинулась широкая равнина, с обеих сторон поднимались холмы, это бескрайнее пастбище, созданное самой природой и лишь с одной стороны упиравшееся в грозные скалы Килмара, – должно быть, и есть та самая пустошь Двенадцати Апостолов.

Мэри представила себе, как Джосс Мерлин ребенком выбегает из дверей дома и спутанные волосы спадают ему на глаза, а за ним стоит изможденная, одинокая фигура его матери со сложенными на груди руками и вопросительно смотрит на сына. Должно быть, эта лачуга вместила целый мир скорби и молчания, гнева и горечи.

Послышались крик и цокот копыт, и Джем подъехал к ней из-за угла дома верхом на черном пони.

– Вот этого малого я и хотел тебе предложить, – сказал он, – но ты оказалась слишком прижимистой. Тебе бы он был в самый раз: сквайр растил его для своей жены. Может, передумаешь?

Мэри покачала головой и засмеялась:

– Скажи еще, что мистер Бассат его не узнает, когда в другой раз заглянет к нам в «Ямайку». Спасибо за заботу, но я, пожалуй, все-таки не стану рисковать. Я уже столько лгала ради вашей семьи, Джем Мерлин, что мне этого на всю жизнь хватит.

У Джема вытянулось лицо, и он соскользнул на землю.

– Отказываешься от самой выгодной сделки в жизни, – сказал он, – другого такого случая тебе не представится. В сочельник отведу коня в Лонстон; перекупщики с руками его оторвут. – Он шлепнул пони по крупу. – Пошел прочь!

Животное испуганно рванулось к брешу в изгороди.

Джем сорвал травинку и принялся ее жевать, искоса поглядывая на девушку.

– А что, интересно, ожидал найти в трактире «Ямайка» сквайр Бассат?

Мэри посмотрела ему прямо в глаза.

– Тебе лучше знать, – ответила она.

Джем задумчиво жевал травинку, сплевывая кусочки на землю.

– Что тебе известно? – внезапно спросил он, отбросив стебелек.

Мэри пожала плечами.

– Я пришла сюда не для того, чтобы отвечать на вопросы, – сказала она. – С меня хватило мистера Бассата.

– Повезло Джоссу, что весь товар разошелся, – спокойно заметил младший брат. – Я говорил ему на той неделе, что он зарвался. В конце концов его поймут, это дело времени. А он только напивается в ответ, чертов дурень.

Мэри ничего не сказала. Если Джем попытается что-нибудь вытянуть из нее этой показной откровенностью, он будет разочарован.

– Тебе, должно быть, хорошо все видно из твоей каморки над крыльцом, – предположил он. – Они, наверное, мешают тебе спать? Ты же, небось, привыкла ложиться рано.

– Откуда ты знаешь, что это моя комната? – быстро спросила Мэри.

Похоже, вопрос застал Джема врасплох; она увидела, как в его глазах мелькнуло удивление. Затем он рассмеялся и сорвал еще одну травинку.

– Когда я в то утро въехал во двор, окно было широко открыто и занавеска развевалась на ветру. Прежде я никогда не видел в трактире «Ямайка» открытых окон.

Объяснение было правдоподобным, но для Мэри явно недостаточным. Ужасное подозрение пришло ей на ум. Не Джем ли прятался в пустой комнате для постояльцев в ту субботнюю ночь? Внутри у нее все похолодело.

– Почему ты все время отмалчиваешься? – продолжал Джем. – Ты что, думаешь, я пойду к своему брату и скажу: «Так, мол, и так, твоя племянница слишком распускает язык»? Черт возьми, Мэри, ты же не слепая и не глухая; даже ребенок почуял бы неладное, проведя месяц в трактире «Ямайка».

– Чего ты от меня добиваешься? – спросила Мэри. – И какое тебе дело до того, что я знаю и чего не знаю? Я думаю только о том, как бы поскорее забрать оттуда тетю. Я уже говорила тебе об этом, когда ты заезжал в трактир. Нужно время, чтобы ее уговорить, я должна набраться терпения. Ну а твой брат пусть допьется до смерти; мне все равно. Его жизнь – это его жизнь, и его дела – тоже. Меня это не касается.

Джем присвистнул и поддал ногой камешек.

– Значит, контрабанда тебя не смущает? – спросил он. – По-твоему, пусть мой брат набьет хоть все комнаты в «Ямайке» бочонками бренди и рома? Но, предположим, он замешан кое в чем похуже; предположим, речь пойдет о жизни и смерти или даже об убийстве. Что тогда?

Джем повернулся к ней лицом, и Мэри видела, что на этот раз он не шутит. Его беззаботная, насмешливая манера улетучилась, глаза были серьезные, но она не могла прочесть, что прячется в их глубине.

– Не понимаю, к чему ты это, – сказала Мэри.

Джем долго смотрел на нее, не говоря ни слова. Казалось, он обдумывал про себя какой-то вопрос, и только выражение ее лица могло подсказать ему ответ. Все его сходство с братом исчезло. Он сразу стал суровее, старше и словно бы совсем другой породы.

– Может, и не понимаешь, – произнес он наконец, – но наверняка поймешь, если поживешь там подольше. Почему твоя тетка похожа на живое привидение – можешь ты мне это сказать? Спроси ее, когда в следующий раз подует северо-западный ветер.

И Джем снова принялся тихо насвистывать, засунув руки в карманы. Мэри молча смотрела на него. Он говорил загадками, но только ли для того, чтобы напугать ее, – этого Мэри не знала. Джем-конокрад с его беспечностью и безденежьем был ей понятен и даже симпатичен, но сейчас в нем появилось что-то новое. И Мэри не была уверена, что эта перемена ей по душе.

Он усмехнулся и пожал плечами.

– В один прекрасный день мы с Джоссом крупно поссоримся, и пожалеет об этом он, а не я, – заявил Джем.

И, отпустив это загадочное замечание, он повернулся на каблуках и ушел на пустошь за пони. Мэри задумчиво смотрела на него, кутаясь в шаль. Значит, ее первое предчувствие не обмануло и за контрабандой кроется что-то еще. Незнакомец в баре той ночью говорил об убийстве, а теперь и Джем намекает на то же самое. Значит, она вовсе не дура и не истеричка, что бы о ней ни думал викарий из Олтернана.

Трудно было сказать, какую роль во всем этом играет Джем Мерлин, но Мэри несколько не сомневалась, что каким-то образом он тоже тут замешан.

А если это он тихо, крадучись, спустился по лестнице вслед за Джоссом – что ж, тогда ему должно быть известно, что в ту ночь она выбралась из комнаты, где-то пряталась и подслушивала их. Уж он-то не забыл о веревке, перекинутой через балку, и догадывается, что Мэри видела ее после того, как они с трактирщиком ушли на пустошь.

Если это был Джем, тогда понятно, зачем все эти расспросы.

«Что тебе известно?» – спросил он Мэри, но она ему не сказала.

Этот разговор омрачил всю прогулку. Теперь Мэри хотелось отделаться от него и остаться наедине со своими мыслями. Она стала медленно спускаться с холма к Ивовому ручью. Девушка уже дошла до ворот в конце дороги, когда услышала, что Джем бежит за ней. Он раньше ее оказался в воротах, похожий на цыгана-полукровку, небритый и в замызганных штанах.

– Куда ты? Что случилось? Еще рано; стемнеет только к четырем. Я провожу тебя до Тростникового брода. Что с тобой? – Джем взял Мэри за подбородок и посмотрел ей в лицо. – Наверное, ты меня испугалась, – сказал он. – Решила, что в каморках наверху у меня бочки бренди и тюки табака и что я собираюсь их тебе показать, а потом перерезать горло. Так ведь? Мы, Мерлины, отчаянные ребята, и Джем хуже всех. Ты так и подумала?

Девушка невольно улыбнулась в ответ.

– Примерно так, – призналась она. – Но я тебя не боюсь; не стоит обольщаться. Ты мне даже нравился бы, если бы не был так похож на старшего брата.

– Ничего не могу поделать со своим лицом, – сказал Джем. – И согласишься, я ведь гораздо красивее Джосса.

– Да уж, чего-чего, а сомнения тебе хватит, чтобы возместить все остальные недостатки, – заметила Мэри, – и лицо красивое, не отрицаю. Можешь разбивать сердца в свое удовольствие. А теперь пусти меня; до трактира «Ямайка» путь неблизкий, а я вовсе не хочу опять заблудиться на пустошах.

– А когда это ты успела заблудиться? – спросил Джем.

Мэри слегка нахмурилась. Она нечаянно проговорила.

– На днях я была на Западной пустоши, – сказала она, – а туман поднялся рано. Я пролуждала какое-то время, прежде чем нашла дорогу назад.

– Глупо забредать так далеко. Между «Ямайкой» и Раф-Тором есть такие места, где может провалиться целое стадо, не то что такая малышка. Во всяком случае, это неподходящее для девушки развлечение. Зачем ты туда отправилась?

– Хотела размять ноги. Я ведь целыми днями сижу взаперти.

– Ну, Мэри Йеллан, в следующий раз, когда тебе захочется размять ноги, можешь двинуться в этом направлении. Как войдешь в ворота, уже не заблудишься, даже если оставишь болото по левую руку, как сегодня. Поедешь со мной в Лонстон в сочельник?

– Зачем ты собрался в Лонстон, Джем Мерлин?

– Всего-навсего продать черного пони мистера Бассата тайком от хозяина, моя милая. Если я хоть немного знаю своего брата, то тебе в этот день лучше держаться подальше от «Ямайки». Он как раз начнет подниматься со своего запойного ложа и лезть на рожон. Если дядя с тетей привыкли к тому, что ты шляешься по пустошам, их не удивит твое отсутствие. Я привезу тебя домой около полуночи. Соглашайся, Мэри.

– А что, если тебя поймают в Лонстоне с пони мистера Бассата? Тогда ты останешься в дураках. Да и я тоже, вдруг меня засадят в тюрьму заодно с тобой.

– Никто меня ловить не будет, по крайней мере сейчас. Рискни, Мэри; разве ты не любишь приключения или ты такая трусиха? Должно быть, там, в Хелфорде, тебя воспитали неженкой.

Она, словно рыбка, клюнула на эту наживку:

– Ладно, Джем Мерлин, не нужно думать, что я боюсь. В конце концов в тюрьме не хуже, чем в трактире «Ямайка». А как мы поедем в Лонстон?

– Я отвезу тебя туда в крытой двуколке, а черный пони мистера Бассата побежит сзади. Знаешь дорогу в Норт-Хилл через пустошь?

– Нет, не знаю.

– Нужно просто все время идти прямо. Пройдешь милю по большой дороге и увидишь дыру в изгороди, на вершине холма справа. Впереди будет вершина Кэри, а вдалеке справа – Ястребиная, и если пойдешь все прямо и прямо, то с дороги не собьешься. Я встречу тебя на полпути. Мы будем держаться пустоши как можно дольше. Перед Рождеством на дороге много путников.

– И когда же мне отправляться?

– Пусть другие спешат, чтобы добраться туда до полудня; мы приедем часам к двум, к самой толчее. Выходи из «Ямайки» в одиннадцать. Согласна?

– Я ничего не обещаю. Если не приду, поезжай без меня. Ты забыл, что я могу понадобиться тете Пейшенс.

– Верно. Так что заранее придумай отговорку.

– Вот и мостки через ручей, – сказала Мэри. – Тебе незачем идти дальше. Теперь я найду дорогу. Надо идти прямо через выступ вон того холма, верно?

– Если хочешь, можешь передать трактирщику привет и сказать, что я надеюсь – характер у него исправился, да и язык тоже. Спроси Джосса, не желает ли он, чтобы я повесил пучок омелы над крыльцом трактира «Ямайка»! Осторожно, тут вода. Давай перенесу тебя? А то ноги промочишь.

– Даже если бы вода была по пояс, мне это не страшно. Всего хорошего, Джем Мерлин.

И Мэри смело запрыгала через ручей, держась рукой за запруду. Ее нижняя юбка погрузилась в воду, и девушка подняла ее, чтобы не мешала. Мэри слышала, как Джем смеется с того берега ручья. Однако она пошла вверх по холму, не оглянувшись и не помавав ему рукой.

Пусть попробует потягаться с людьми с юга, думала она, с парнями из Хелфорда, и Гвика, и Манаккана. В Константине есть кузнец, который одним мизинцем его повалит. Джем Мерлину нечем особенно гордиться. Конокрад, обыкновенный контрабандист, мошенник, а в придачу, может быть, еще и убийца. Да, славные люди живут тут, на пустошах.

Мэри не боится Джема, и, чтобы доказать это, она обязательно съездит с ним в его двуколке в Лонстон в сочельник.

Уже смеркалось, когда девушка перешла дорогу и оказалась во дворе. Как всегда, трактир выглядел темным и необитаемым, двери были заперты, ставни закрыты. Она обошла дом и постучалась в дверь кухни. Ей тут же открыла тетя, бледная и встревоженная.

– Дядя весь день спрашивал про тебя, – сказала она. – Где ты была? Уже почти пять часов, а тебя нет с самого утра.

– Я гуляла на пустоши, – ответила Мэри. – Не думала, что он меня хватится. Зачем я понадобилась дяде Джоссу? – Она слегка встревожилась и взглянула на его постель в углу кухни. Та была пуста. – Куда он делся? Ему лучше?

– Дядя захотел посидеть в гостиной, – ответила тетя Пейшенс. – Он сказал, что кухня ему надоела. Он сидит там весь день у окна и ждет тебя. Теперь тебе придется потакать ему, Мэри, говорить с ним ласково и не перечить. Это трудное время, пока он выздоравливает... он с каждым днем будет понемногу приходить в себя и станет очень упрямым, может, даже порой жестоким. Постарайся ему не прекословить, хорошо, Мэри?

Это была прежняя тетя Пейшенс, с нервными руками и подергивающимся ртом; говоря, она все время оглядывалась. Жалко было на нее смотреть, и Мэри отчасти передалось ее волнение.

– С чего бы дяде вдруг захотелось меня видеть? – спросила она. – Вроде бы нам не о чем говорить. Что ему может быть нужно?

Тетя Пейшенс моргала и двигала ртом.

– Это просто его причуда, – пояснила она. – Джосс что-то бормочет и разговаривает сам с собой; не надо обращать внимания на то, что он говорит в таких случаях. Он не в себе. Пойду скажу ему, что ты дома.

И тетушка вышла из кухни и направилась по коридору в гостиную.

Мэри подошла к буфету и налила себе стакан воды из кувшина. В горле у нее пересохло. Стакан дрожал в руке, и она проклинала себя за глупость. Только что на пустоши она была ох какой смелой, но стоило ей оказаться в трактире, как вся ее храбрость исчезла и она снова трясется и нервничает, как маленькая.

Тетя Пейшенс вернулась в кухню.

– Сейчас дядя успокоился, – прошептала она. – Задремал в кресле. Теперь он может проспать весь вечер. Мы поужинаем пораньше, вот и все. Тут для тебя есть кусочек холодного пирога.

Аппетит у Мэри разом пропал, и ей пришлось заставить себя поесть. Она выпила две чашки обжигающе горячего чая и отодвинула тарелку. Обе женщины молчали. Тетя Пейшенс все время посматривала на дверь. Закончив ужин, они молча убрали со стола. Мэри подбросила немного торфа в огонь и присела рядом. Горький голубой дым поднялся в воздух, он щипал ей глаза, но тлеющий торф не давал тепла.

Снаружи, в прихожей, часы хрипло пробили шесть. Мэри, затаив дыхание, считала удары. Они неторопливо нарушали тишину; казалось, прошла целая вечность, пока не раздался последний удар, он эхом разнесся по всему дому и замер. Медленное тиканье часов продолжалось. Из гостиной не доносилось ни звука, и Мэри стала дышать спокойнее. Тетя Пейшенс сидела за столом и шила при свете свечи. Склонясь над работой, она поджала губы и нахмурила лоб.

Длинный вечер подходил к концу, а трактирщика в гостиной по-прежнему не было слышно. Мэри клевала носом, глаза сами собой закрывались, и в этом смутном, тяжелом состоянии между сном и бодрствованием она услышала, как тетя тихонько поднялась со стула и убрала свою работу в шкаф рядом с буфетом. Сквозь сон девушка слышала, как тетя прошептала ей на ухо:

– Я иду спать. Твой дядя теперь не проснется; он, должно быть, улегся до утра. Я не буду его беспокоить.

Мэри что-то пробормотала в ответ и в полузабытьи услышала осторожные шаги в коридоре и скрип ступенек.

На верхней площадке тихо закрылась дверь. Мэри чувствовала, как к ней подкрадывается тяжелый сон, и голова девушки опустилась на руки. Медленное тиканье часов отдавалось в ее сознании глухими шагами по большой дороге... раз... два... раз... два... шаг-другой; она была на пустоши у быстрого ручья, и груз, который она несла, был тяжелым, слишком тяжелым, невыносимым. Если бы она могла хоть ненадолго отложить свою ношу, отдохнуть на берегу и поспать...

Но было холодно, слишком холодно. Нога насквозь промокла. Надо подняться повыше, подальше от берега... Огонь погас; огня больше нет... Мэри открыла глаза и увидела, что лежит на полу, рядом с белым пеплом очага. В кухне было очень холодно и почти темно. Свеча догорала. Девушка зевнула, вздрогнула и размяла онемевшие руки. Когда она подняла глаза, то увидела, как открывается дверь кухни – очень медленно, мало-помалу, дюйм за дюймом.

Мэри села, опираясь руками на холодный пол, и замерла. Она ждала, но ничего не происходило. Затем дверь скрипнула и резко распахнулась, ударившись о стену. Джосс Мерлин стоял на пороге кухни, с протянутыми руками, шатаясь на нетвердых ногах.

Сперва Мэри показалось, что он ее не заметил; его глаза вперились в стену, и он стоял неподвижно, не пытаясь войти. Она вся сжалась за кухонным столом, пригнув голову, и ничего не слышала, кроме ровного биения своего сердца. Дядя медленно повернулся к девушке и молча уставился на нее. Когда он наконец заговорил, голос его прозвучал сдавленно и хрипло, чуть громче шепота.

– Кто здесь? – спросил трактирщик. – Что ты здесь делаешь? Почему ты молчишь?

Его лицо было серого цвета и напоминало маску. Налитые кровью глаза неотрывно следили за племянницей, не узнавая. Мэри не двигалась.

– Убери нож, – прошептал он. – Убери нож, говорю тебе.

Девушка протянула руку и кончиками пальцев дотронулась до ножки стула. Она не могла схватиться за нее, не придвинувшись ближе. Мэри ждала, затаив дыхание. Трактирщик шагнул в кухню, нагнув голову, обеими руками ощупывая воздух, и медленно двинулся в ее сторону.

Мэри следила за его руками, пока они не оказались на расстоянии ярда от нее и она не ощутила на своей щеке его дыхание.

– Дядя Джосс, – сказала она мягко. – Дядя Джосс...

Трактирщик нагнулся, уставясь на племянницу, затем наклонился вперед и потрогал ее волосы и губы.

– Мэри, – произнес он. – Это ты, Мэри? Почему ты молчишь? Куда они ушли? Ты их видела?

– Ты ошибся, дядя Джосс, – ответила она. – Здесь никого нет, кроме меня. Тетя Пейшенс наверху. Ты болен? Могу я тебе помочь?

Дядя в полумраке огляделся, всматриваясь в углы комнаты.

– Им меня не запугать, – прошептал он. – Мертвые не причиняют вреда живым. Их задули, как свечу... Вот и все, правда, Мэри?

Девушка кивнула, глядя ему в глаза. Джосс Мерлин дотащился до стула и сел, вытянув руки на столе. Он тяжело вздохнул и провел языком по губам.

– Это сны, – сказал он. – Это всё сны. Лица стоят передо мной в темноте, как живые, я просыпаюсь, и пот льется у меня по спине. Я хочу пить, Мэри; вот ключ, ступай в бар и принеси мне немного бренди.

Трактирщик порылся в кармане и вынул связку ключей. Мэри взяла их дрожащими руками и выскользнула из кухни в коридор. Она немного помедлила, думая, не лучше ли будет поскорее прокрасться наверх, в свою комнату, и оставить дядю бредить на кухне в одиночестве. Она на цыпочках двинулась по коридору в прихожую.

Внезапно дядя крикнул ей из кухни:

– Ты куда? Я велел тебе принести бренди из бара.

Девушка слышала, как он со скрежетом оттолкнул от стола стул. Слишком поздно. Мэри открыла дверь бара и принялась шарить в шкафу с бутылками. Когда она вернулась в кухню, трактирщик развалился у стола, положив голову на руки. Сперва она подумала, что он опять заснул, но при звуке ее шагов дядя поднял голову, вытянул руки и откинулся на спинку стула. Мэри поставила бутылку и стакан перед ним на стол. Джосс наполнил стакан до половины и держал его двумя руками, все время наблюдая за племянницей поверх его краев.

– Ты хорошая девушка, – заметил он. – Я тебя люблю, Мэри; у тебя есть голова на плечах и характер; ты была бы хорошим товарищем. Жаль, что ты не родилась мальчишкой.

Трактирщик перекачивал бренди во рту, глупо улыбаясь, потом он подмигнул племяннице и ткнул пальцем в бутылку.

– В центральных графствах за это платят золотом, – сказал он. – Ничего лучше ни за какие деньги не купишь. В погребах самого короля Георга нет такого бренди. А сколько я плачу? Да ни одного поганого гроша. В трактире «Ямайка» пьют бесплатно. – Он засмеялся и высунул язык. – Это опасная игра, Мэри, но это мужская игра. Я рисковал шеей десять, нет, двадцать раз. За мной гнались по пятам, и пуля просвистела у меня в волосах. Им меня не поймать, Мэри; я слишком хитер, я слишком давно играю в эти игры. До того как мы обосновались здесь, я занимался этим в Пэдстоу, на побережье. Мы выходили в море на люгере каждые две недели во время весенних приливов. Всего нас было шестеро. Но так больших денег не заработаешь; пришлось мне расширить и возглавить дело и навести свои порядки. Теперь нас больше сотни, и мы работаем по всей стране, от побережья до границы. Ей-богу, крови мне довелось повидать немало, Мэри, я много раз видел, как убивают людей, но эта игра захватывает – тут ты играешь со смертью.

Дядя поманил ее к себе и подмигнул, сперва оглянувшись на дверь.

– Эй, – прошептал он, – подойди-ка поближе, тогда я смогу с тобой поговорить. Я вижу, у тебя хватит духу; ты не боишься, как твоя тетка. Нам следовало бы стать партнерами – нам с тобой. – Он схватил Мэри за руку и усадил ее на пол рядом со своим стулом. – Это проклятое пьянство отшибает у меня ум, – сказал Джосс. – Ты видишь, я становлюсь слаб, как мышонок, когда начинается запой. Мне снятся страшные сны, кошмары; я вижу то, что меня вовсе не пугает, когда я трезвый. Черт побери, Мэри, я убивал людей своими руками, заталкивал их под воду, бил камнями и обломками скал и никогда в жизни об этом не думал; я спал в своей постели как ребенок. Но когда я пьян, то вижу их во сне; я вижу их бело-зеленые лица, они смотрят на меня глазами, которые давно выели рыбы; они растерзаны, и плоть лентами свисает с их костей; в волосах водоросли... Однажды там была женщина, Мэри; она цеплялась за плот, прижимая одной рукой ребенка; ее волосы струились по спине. Понимаешь, корабль сидел на скалах совсем близко, и море было гладкое, как ладонь; они все могли выбраться живыми, все до единого. И воды кое-где было только по пояс. Женщина звала меня на помощь, а я камнем разбил ей лицо. Она упала навзничь и начала колотить рукой по плоту. Она выпустила ребенка, и я снова ее ударил. Я смотрел, как они утонули на глубине в четыре фута. Мы тогда испугались; мы боялись, что кто-нибудь из них доберется до берега... В первый раз мы просчитались с приливом. Через полчаса они разгуливали бы по песку, не замочив ног. Пришлось их всех забросать камнями, Мэри; пришлось перебить им руки и ноги, и они тонули у нас на глазах, как та женщина с ребенком, а вода даже не доходила им до плеч – они тонули, потому что мы крушили их камнями; они тонули, потому что не могли стоять...

Его лицо было совсем рядом, дядя уставился своими красными глазами прямо в глаза Мэри и дышал ей в щеку.

– Ты раньше никогда не слыхала о тех, кто грабит разбитые суда? – прошептал он.

Часы в коридоре пробили один раз, и этот одинокий удар прозвучал в воздухе как глас правосудия. Дядя и племянница замерли. В кухне было очень холодно, потому что огонь догорел и через открытую дверь тянуло сквозняком. Желтое пламя свечи дрожало и мигало. Трактирщик потянулся к Мэри и взял ее за руку; ее ладонь лежала в его руке – безвольно, как мертвая. Возможно, он заметил застывшее выражение ужаса на лице девушки, потому что отпустил ее руку и отвел глаза. Джосс уставился прямо перед собой на пустой стакан и принялся барабанить пальцами по столу. Скрючившись на полу рядом с ним, Мэри смотрела, как муха ползет у дяди по руке. Она следила, как та пробралась сквозь короткие черные волоски и через вздувшиеся вены к костяшкам пальцев, а потом забегала по кончикам этих пальцев, таких длинных и тонких. Мэри вспомнила неожиданное преобразование этих пальцев, когда он резал для нее хлеб в тот первый вечер, словно по своей воле они сделались ловкими и нежными. Девушка смотрела, как теперь эти пальцы барабанят по столу, и представляла, как они хватаются за кусок каменной глыбы и сжимают его; она видела, как камень прорезает воздух...

Дядя снова повернулся к Мэри и хрипло прошептал, кивнув в сторону тикающих часов:

– Этот звук иногда раздается у меня в голове. А когда они только что пробили один раз, это было как удар колокола на бакене в заливе. Я слышал, как этот звук принес западный ветер: раз-два, раз-два, взад-вперед. Язык ударяет о колокол, как будто звонит по мертвым. Я слышал его в моих снах. Я слышал его этой ночью. Печальный, усталый звук, Мэри, этот бакен с колоколом там, в заливе. Он скребет по нервам, и человеку хочется кричать. Когда работаешь на берегу, надо подплывать к бакенам на лодке и глушить: обертывать язык колокола фланелью. От этого они замолкают. Тогда наступает тишина. Скажем, ночь туманная, с клочьями белой ваты на воде, а у входа в залив – корабль, который принимается, как гончая. Капитан прислушивается к бакену, но не слышит ни звука. Тогда он входит в гавань, плывя сквозь туман, – корабль идет прямо на нас, а мы только этого и ждем, – и мы видим, как он внезапно вздрагивает и ударяется, и тут прибой завладевает им.

Трактирщик дотянулся до бутылки с бренди, и тонкая струйка медленно полилась в стакан. Он понюхал ее и стал перекачивать во рту.

– Ты когда-нибудь видела мух, попавших в кувшин с патокой? – спросил дядя. – Я видел людей в таком положении: застрявших в снастях, как рой мух. Они цепляются за снасти, ища спасения, и кричат от страха при виде прибоа. Они совсем как мухи, усеявшие реи, маленькие такие черные точки. Я видел, как корабль разламывается под ними, и мачты и реи рвутся, как нитки, и тогда люди падают в море и спасаются вплавь. Но когда они доберутся до берега, они все будут мертвы, Мэри.

Трактирщик вытер рот тыльной стороной ладони и уставился на племянницу.

– Мертвецы не доносят, Мэри, – сказал он.

Дядя кивнул ей, и вдруг его лицо съежилось и исчезло. Мэри больше не стояла на коленях на кухонном полу, цепляясь руками за стол; она снова стала маленькой девочкой, бегущей рядом с отцом на скалы за Сент-Кеверном. Вот отец сажает Мэри на плечо, а рядом с ними с криками бегут другие люди. Кто-то указывает в море, и, прижавшись к голове отца, девочка видит огромный белый корабль, который, как птица, беспомощно качался в волнах, мачты сломаны до основания, а паруса стелются по воде.

«Что они делают?» – помнится, спросила тогда Мэри, но никто ей не ответил; они стояли на месте, с ужасом глядя на корабль, который переваливался с боку на бок и погружался в воду.

«Господи, помилуй их и спаси», – сказал отец, и маленькая Мэри начала плакать и звать маму, которая тут же появилась из толпы, взяла дочку на руки и ушла с ней подальше от моря туда, где его не было видно. На этом месте все воспоминания обрывались, она не знала, что произошло дальше. Но когда она стала постарше, мать рассказала ей, как однажды они ездили в Сент-Кеверн, где в тот день утонул большой барк со всеми, кто был на борту: его днище пробили наводящие ужас подводные скалы.

Мэри вздрогнула и вздохнула, и перед ней снова возникло лицо ее дяди в обрамлении спутанных волос, и она снова стояла рядом с ним на коленях в кухне трактира «Ямайка». Мэри чувствовала себя смертельно больной, руки и ноги у нее заледенели. Она хотела только одного – поползти до кровати и закрыть голову руками, натянув на себя одеяло и подушку, чтобы стало еще темнее. Может быть, если она заткнет пальцами уши, то заглушит звук его голоса и грохот прибоя о берег. Мэри ясно видела бледные лица утопленников с поднятыми над головой руками; она слышала вопли ужаса и крики; до нее доносился траурный звук колокола на бакене, качающемся взад-вперед на морских волнах. Ее снова охватила дрожь.

Она подняла взгляд на дядю и увидела, что тот осел на стуле и его голова упала на грудь. Рот был широко раскрыт, и он храпел и брызгал слюной во сне. Длинные темные ресницы бахромой окаймляли щеки, а руки трактирщика покоились перед ним на столе, и ладони были сложены, будто для молитвы.

## Глава 9

В канун Рождества небо покрылось облаками и грозило дождем. Ночью еще и потеплело, и грязь во дворе перемесили коровьи копыта. Стены спальни Мэри стали влажными на ощупь, а в углу, на отставшей штукатурке, появилось огромное желтое пятно.

Мэри высунулась из окна, и мягкий влажный ветер обдувал ей лицо. Через час Джем Мерлин будет ждать ее на пустоши, чтобы отвезти на Лонстонскую ярмарку. Она же никак не могла решить, ехать с ним или нет. За эти четыре дня Мэри стала старше, и лицо, смотревшее на нее из треснутого, покрытого пятнами зеркала, выглядело осунувшимся и усталым.

Под глазами виднелись темные круги, щеки ввалились. Мэри плохо спала и почти ничего не ела. Впервые она заметила сходство между собой и тетей Пейшенс. У них были одинаковые морщины на лбу, одинаковый рот. Если еще поджать губы и начать их прикусывать, то Мэри будет вылитая тетушка. Ее ужимки легко было перенять, так же как и манеру нервно сплетать пальцы, и Мэри отвернулась от предательского зеркала и принялась шагать взад-вперед по тесной комнатке. Последние несколько дней она старалась больше времени проводить в своей каморке, ссылаясь на простуду. Заводить разговоры с тетей, даже самые короткие, Мэри опасалась: глаза выдали бы ее. Женщины смотрели бы друг на друга с одинаковым немим ужасом, с одной и той же затаенной мукой; и тетя Пейшенс все поняла бы. Теперь у них была общая тайна – тайна, о которой они не должны были никогда не говорить между собой. Интересно, сколько лет тетя Пейшенс хранила этот секрет в мучительном молчании? Никто никогда не узнает, сколько она выстрадала. Куда бы она ни уехала, эта боль будет ее преследовать. Она не отступит. Мэри больше не удивляли бледное, подергивающееся лицо, руки, теребящие платье, расширенные, остановившиеся глаза. Теперь, когда она все знала, она прекрасно понимала ее состояние.

Сначала Мэри чувствовала себя больной, смертельно больной; в ту ночь она лежала на кровати и молила ниспослать ей милосердный сон, но и в этом ей было отказано. В темноте девушке чудились незнакомые лица: изможденные лица утопленников. Там был и ребенок со сломанными запястьями, и женщина с прилипшими к лицу длинными мокрыми волосами, были испуганные лица мужчин, не умеющих плавать. Иногда Мэри казалось, что среди них – и ее отец с матерью; они смотрели на дочь широко раскрытыми глазами, губы у них были мертвенно-бледные, и они протягивали к ней руки. Возможно, то же самое видела тетя Пейшенс по ночам, одна в своей комнате; призраки являлись ей и умоляли, а она отталкивала их прочь. От нее им не дожидаться помощи. На свой лад тетя Пейшенс тоже была убийцей. Она убила этих людей своим молчанием. Ее вина была столь же велика, как и вина самого Джосса Мерлина, ибо она была женщиной, а он – чудовищем. Он привязал ее к себе плотскими узами, и она не отвергла его.

Теперь, на третий день, ужас отступил, и Мэри чувствовала себя ко всему безразличной, в одночасье постаревшей и безмерно усталой. Острота переживания притупилась. Мэри стало казаться, что в глубине души она была готова к тому, что случилось. Вид Джосса Мерлина, стоявшего в тот первый вечер под навесом крыльца с фонарем в руке, был предостережением, а громыхание дилижанса, затихающее вдали, звучало как прощание с миром.

В былые дни в Хелфорде ходили разговоры о тех, кто грабит корабли: обрывки слухов, передаваемых на деревенских улицах, рассказанная шепотом история, загадочный кивок... Но люди там были немногословны, и разговоры быстро заглохли. Двадцать или даже пятьдесят лет назад, когда ее отец был молод, слухи, возможно, и не имели под собой никакой почвы. Но сейчас настали иные времена. Она снова и снова видела перед собой лицо дяди и слышала, как он шепчет ей на ухо: «Разве ты никогда раньше не слышала о тех, кто грабит разбитые суда?» Представить только, тетя Пейшенс жила с этим десять лет... Мэри больше не считалась с дядей.

Она перестала его бояться. Только ненависть осталась в ее сердце, ненависть и отвращение. Он утратил все человеческое, превратившись в зверя, выходящего на охоту по ночам. Теперь, когда Мэри видела его пьяным и узнала, каков он на самом деле, Джосс Мерлин не мог ее испугать. Ни он и ни кто другой из его компании. Они – зло, разъедающее всю округу, и Мэри не успокоится, пока их не растопчут, не вычистят и не уничтожат. Жалости они не дождутся.

Оставались тетя Пейшенс – и Джем Мерлин. Он ворвался в мысли Мэри против ее воли, и он ей не нужен. И без Дজেма ей было о чем подумать. Он слишком похож на брата: глаза, губы, улыбка. Вот где таилась опасность. Мэри узнавала в Джеме дядю – в его походке, в повороте головы; и она понимала, почему десять лет назад тетя Пейшенс свалила такого дурака. В Джеме Мерлина легко влюбиться. До сих пор мужчины не очень-то для нее много значили; слишком много было работы на ферме в Хелфорде, чтобы думать еще и о них. Были парни, которые улыбались Мэри в церкви и ходили с ней осенью на пикники; однажды сосед поцеловал ее за стогом сена после стаканчика сидра. Все это было очень глупо, и с тех пор Мэри избегала этого человека; он был вполне безобидным парнем, который через пять минут забыл о случившемся. Во всяком случае, она никогда не выйдет замуж; Мэри давно так решила. Она потихоньку накопит денег, купит ферму и будет жить там одна. Мужской работы она не боится. После того как Мэри навсегда вырвется из трактира «Ямайка» и сумеет устроить для тети Пейшенс какой-никакой дом, у нее вряд ли найдется время думать о мужчинах. И тут, вопреки ее воле, опять появлялось лицо Дজেма Мерлина, заросшее щетиной, как у бродяги, и его грязная рубашка, и смелый, вызывающий взгляд. В нем не было нежности, Джем груб, ему присуща определенная жестокость, он вор и лжец. Этот человек воплощал в себе все, чего Мэри боялась, что ненавидела и презирала; но она знала, что может полюбить его. Природе нет дела до предубеждений. Мэри решила, что мужчины и женщины похожи на животных на ферме в Хелфорде, все живые существа подчиняются одному общему закону притяжения: если есть какое-то внешнее сходство или что-то общее в характере, значит их потянет друг к другу. Этот выбор делает не разум. Животные не рассуждают, как и птицы в воздухе. Мэри не была ханжой; она выросла на земле и слишком долго жила в окружении птиц и зверей, видела, как они спариваются, рожают детенышей и умирают. В природе не слишком много романтики, не станет она искать ее и в своей жизни. Дома Мэри видела, как девушки гуляют с деревенскими парнями: там были и пожатия рук, и румянец смущения, и долгие вздохи, и любование лунной дорожкой на воде. Мэри наблюдала, как они идут по тропинке позади фермы – ее называли Тропинкой влюбленных, хотя у людей постарше было для нее более подходящее словечко, – и парень обнимает девушку рукой за талию, а она положила голову ему на плечо. Они смотрели на звезды и на луну или на пламенный закат, если стояло лето, а Мэри, выходя из коровника, мокрыми ладонями утирала пот с лица и думала о новорожденном тельце, которого она оставила рядом с его матерью. Девушка смотрела вслед удаляющейся парочке, и улыбалась, и пожимала плечами, и, входя в кухню, говорила матери, что и месяца не пройдет, как в Хелфорде опять будет свадьба. А потом звонили колокола, и резали пирог, и парень в воскресной одежде стоял на ступенях церкви с сияющим лицом, переминаясь с ноги на ногу, а рядом томилась невеста, одетая в муслин, с завитыми по торжественному случаю волосами. Но вот еще и года не прошло, и луна и звезды могут сиять хоть всю ночь, а нашей парочке до этого и дела нет. Парень приходит домой вечером, устав от работы в поле, и раздраженно кричит, что ужин подгорел, что его и собака есть не станет, а девушка огрызается сверху, из спальни; у нее оплывшая фигура, кудряшки исчезли; она ходит взад-вперед со свертком в руках, а сверток мяукает, как кошка, и не желает спать. Какие уж тут лунные дорожки. Нет, Мэри не питала романтических иллюзий. «Любовь» – красивое слово, но не более того. Джем Мерлин – мужчина, а она женщина, и что ее привлекало в нем: руки, лицо или улыбка, – она не знала, но что-то внутри ее отозвалось, и самая мысль о Джеме раздражала и возбуждала одновременно. Она изводила Мэри и не оставляла в покое. Девушка решила, что должна снова его увидеть.

Мэри еще раз взглянула на серое небо и низкие облака. Если она собирается в Лонстон, то уже пора одеваться и выходить. Никаких оправданий от нее не дождутся; за последние четыре дня девушка ожесточилась. Тетя Пейшенс может думать, что ей угодно. Если у нее есть хоть капля интуиции, она должна догадаться, что Мэри не хочет ее видеть. Ей достаточно только посмотреть на своего мужа, на его налитые кровью глаза и трясущиеся руки, и она все поймет. Еще раз, может быть последний, пьянство развязало ему язык. Трактирщик выболтал свой секрет, и теперь его будущее в руках Мэри. Она еще не решила, как использовать эти сведения, но больше она его покрывать не будет. Сегодня она отправится в Лонстон с Джемом Мерлином, и на этот раз отвечать на вопросы придется ему; придется Джиму присмиреть, когда он поймет, что Мэри их больше не боится и может уничтожить, когда захочет. А завтра – ну, завтра видно будет. Ведь есть еще Фрэнсис Дейви, пообещавший, что в его доме в Олтернэне она всегда найдет приют.

Что за странный сочельник, размышляла Мэри, шагая через Восточную пустошь. Ястребиная вершина служила ей ориентиром, а холмы по обе стороны остались позади. В прошлом году она в это время стояла на коленях в церкви рядом с матерью и молилась о том, чтобы здоровье, и сила, и смелость были ниспосланы им обоим. Мэри молилась о душевном покое и безопасности; она просила, чтобы Господь подольше сохранил для нее мать и чтобы их ферма процветала. В ответ пришли болезнь, нищета и смерть. Теперь Мэри одна; она опутана сетями жестокости и преступления, живет под кровом, который ненавидит, среди людей, которых презирает; она идет через бесплодную, недружелюбную пустошь на встречу с конокрадом и чело-векоубийцей. В это Рождество она не станет молиться Богу.

Мэри ждала Джима на возвышенности у Тростникового брода и издали увидела направляющуюся к ней маленькую кавалькаду: пони, крытую двуколку и двух лошадей, привязанных сзади. Возница в знак приветствия поднял кнут. Мэри почувствовала, как краска бросилась ей в лицо и тут же схлынула. Эта слабость причиняла девушке мучения; о, если бы она была осязаемой и живой! Тогда Мэри могла бы вырвать ее и растоптать. Она засунула руки под шаль и ждала, нахмутив лоб. Джим свистнул, подъехав к ней, и бросил к ее ногам сверток.

– С наступающим! – сказал он. – Вчера у меня в кармане лежала серебряная монета и прожгла там дырку. Это новый платок для твоей головки, мисс.

Мэри собиралась при встрече быть сдержанной и молчаливой, но такое вступление сделало ее намерение трудновыполнимым.

– Ты очень добр, – сказала она. – Но, право, ни к чему было так тратиться.

– Ерунда. Не впервой, – отозвался Джим, окинув ее с головы до ног холодным, нагловатым взглядом и насвистывая что-то невнятное. – А ты рано пришла, – продолжал он. – Боялась, что я уеду без тебя?

Мэри забралась в повозку рядом с ним и взяла в руки вожжи.

– Как приятно снова править лошаадьми, – сказала она, проигнорировав его замечание. – Мы с матерью раз в неделю ездили в Хелстон по базарным дням. Кажется, все это было так давно. У меня сердце болит, когда я об этом думаю; как мы с мамой смеялись вместе, даже в тяжелые времена. Тебе этого, конечно, не понять. Тебе никогда ни до чего не было дела, кроме себя самого.

Джим скрестил руки на груди и смотрел, как девушка правит.

– Этот конь может пересечь пустошь с завязанными глазами, – заметил он. – Дай же ему волю. Он ни разу в жизни не споткнулся. Вот так-то лучше. На него можно смело положиться. Что ты сказала?

Мэри спокойно держала вожжи и смотрела на дорогу впереди себя.

– Ничего особенного, – ответила она. – Можно сказать, я говорила сама с собой. Значит, ты собираешься продать на ярмарке двух лошадей?

– И извлечь при этом двойную выгоду, Мэри Йеллан, и ты получишь новое платье, если сможешь мне. Нечего улыбаться и пожимать плечами. Терпеть не могу неблагодарность. Да что с тобой сегодня? Румянец исчез, и глаза потухли. Может, живот болит?

– Я не выходила из дому с тех пор, как мы виделись в последний раз, – сказала Мэри. – Оставалась у себя в комнате наедине со своими мыслями. А это невеселая компания. За эти четыре дня я успела состариться.

– Жаль, что ты скверно выглядишь, – продолжал Джем. – Я воображал, как прискачу в Лонстон с хорошенькой девушкой, а парни будут смотреть на нас и подмигивать. Ты сегодня скучная. Не лги мне, Мэри. Я не так слеп, как ты думаешь. Что случилось в трактире «Ямайка»?

– Ничего особенного, – сказала она. – Тетя топчется на кухне, а дядя сидит за столом, обхватив голову руками, и перед ним стоит бутылка бренди. Только я сама переменялась.

– Посетителей больше не было?

– Насколько я знаю, нет. Через двор никто не проходил.

– У тебя губы поджаты и круги под глазами. Ты устала. Я однажды видел женщину, которая выглядела так же, но на то была причина. Ее муж вернулся к ней в Плимут после четырех лет, проведенных в море. Это явно не твой случай. А может, ты обо мне думала?

– Да, я думала о тебе однажды, – ответила Мэри. – Прикидывала, кого повесят раньше – тебя или твоего брата. Насколько я понимаю, разница невелика.

– Если Джосса повесят, он будет сам виноват, – сказал Джем. – Уж если кто и сует сам голову в петлю, так это он. Мой братец изо всех сил спешит навстречу беде. Если она его настигнет – поделом, и тогда никакая бутылка бренди его не понадобится. Он закачается трезвый.

Они ехали молча; Джем играл с кнутом, а Мэри чувствовала рядом его руки. Краешком глаза она взглянула на них и увидела, что пальцы у него длинные и тонкие; в них были та же сила и та же грация, что и в руках его брата. Эти руки привлекали ее; те, другие отталкивали. Впервые Мэри поняла, что отвратительное и привлекательное существуют бок о бок и грань между ними очень тонкая. Мысль была неприятная, и девушка постаралась выбросить ее из головы. А что, если бы рядом с нею сидел Джосс, каким он был десять, двадцать лет назад? Мэри запрятала это сравнение в дальний угол своего сознания, испугавшись возникшей в ее воображении картины. Теперь она знала, почему ненавидит дядю.

Голос Джема ворвался в ее мысли.

– На что это ты смотришь? – спросил он.

Мэри подняла взгляд.

– Я случайно загляделась на твои руки, – коротко сказала она. – Они похожи на руки Джосса. Долго мы еще будем ехать по пустоши? Вон там, вдалеке, разве не вьется большая дорога?

– Мы выедем на нее ниже и сократим путь на две-три мили. Так, значит, ты замечаешь, какие у мужчины руки? Выходит, ты все-таки женщина, а не сорванец с фермы. Может, все же расскажешь, почему ты четыре дня молча просидела в своей комнате, или хочешь, чтобы я сам догадался? Женщины любят таинственность.

– Ничего таинственного тут нет. Во время нашей прошлой встречи ты спросил, знаю ли я, почему моя тетя похожа на ожившее привидение. Это ведь твои слова, правда? Тогда я не знала, ну а теперь знаю, вот и все.

Джем посмотрел на девушку с любопытством, а потом снова стал насвистывать.

– Пьянство – забавная штука, – сказал он через пару минут. – Я однажды напился в Амстердаме, когда ходил в море. Помню, я услышал, как часы на колокольне проббили половину десятого вечера, и я сидел на полу, обнимая хорошенькую рыжую девушку. А дальше сразу

было семь часов утра, и я очнулся, лежа в канаве, на спине, без сапог и без штанов. Хотел бы я знать, что я делал все эти десять часов. Я думал, думал, но, ей-богу, так и не вспомнил.

– Тебе очень повезло, – сказала Мэри. – Твой брат не так удачлив. Когда он напивается, к нему, наоборот, возвращается память.

Лошадь замедлила шаг, и Мэри стегнула ее вожжами:

– Когда дядя один, он может говорить сам с собой, – продолжала Мэри, – это вряд ли подействует на стены трактира «Ямайка». Но на сей раз он был не один. Я оказалась там, когда он очнулся от своего оцепенения. И ему снились сны.

– И когда ты слышала один из его снов, то заперлась у себя в спальне на четыре дня, так, что ли? – спросил Джем.

– Так оно и было, – ответила Мэри.

Он вдруг перегнулся через нее и отобрал вожжи.

– Ты не смотришь, куда едешь. Я говорил тебе, что эта лошадь никогда не спотыкается, но это не значит, что ее нужно направлять на гранитную глыбу. Дай-ка лучше мне.

Мэри откинулась назад, предоставив Джемму править. И точно, она была невнимательна и заслужила упрек. Лошадь ускорила шаг и пошла рысью.

– Что ты собираешься делать? – спросил Джем.

Мэри пожала плечами.

– Я еще не решила, – сказала она. – Приходится считаться с тетей Пейшенс. С чего это ты решил, что я собираюсь посвятить тебя в свои планы?

– Почему бы и нет? Я Джоссу не защитник.

– Ты его брат, а для меня этого достаточно. В этой истории много пробелов, и ты прекрасно вписываешься в некоторые из них.

– Думаешь, я стану даром тратить время, работая на брата?

– Насколько я поняла, там не тратят времени даром. Дело у него прибыльное, да и платить за товар не приходится. Мертвецы молчат, Джем Мерлин.

– Да, но потерпевшие крушение корабли не молчат, когда садятся на мель при попутном ветре. Судно полагается на маяки, Мэри, когда оно ищет гавань. Ты когда-нибудь видела, как мотылек летит на свечу и опалает крылья? С кораблем будет то же самое, если маяк фальшивый. Это может случиться один раз, два, может быть, три, но на четвертый раз разбившийся корабль смердит до небес, и вся округа берется за оружие и хочет знать, почему это случилось. Сейчас мой братец сам без руля несется на скалы.

– Ты составишь ему компанию?

– Я? Я тут ни при чем. Пусть себе сует голову в петлю. Может, я время от времени и угощался табачком и перевозил грузы, но вот что я тебе скажу, Мэри Йеллан, хочешь верь, хочешь нет, как уж тебе заблагорассудится: я никого не убивал – до сего дня.

Джем яростно щелкнул кнутом над головой лошади, и животное понеслось вскачь.

– Впереди брод – там, где изгородь сворачивает к востоку. Мы переедем через реку и спустя полмили выберемся на Лонстонскую дорогу. Тогда нам останется до города миль семь или чуть больше. Ты не устала? – (Она покачала головой.) – В корзинке под сиденьем – хлеб, сыр, парочка яблок и несколько груш. Ты скоро проголодаешься. Так, значит, ты думаешь, что я устраиваю кораблекрушения, а сам стою на берегу и смотрю, как тонут люди? А потом, когда утопленников раздует от воды, обшариваю их карманы? Чудная картина.

Джем смотрел на Мэри сверху вниз, с легким презрением и усмешкой, и потешался над ней, как над бестолковым ребенком. Она ненавидела его за это. Потом девушка внезапно догадалась, какой вопрос сейчас последует, и ее рукам стало жарко.

– Если ты думаешь, что я такой, то почему сегодня поехала со мной в Лонстон? – спросил Джем.

Он хотел поиздеваться над ней; уклончивый или сбивчивый ответ был бы ему на руку, и она заставила себя ответить весело.

– Из-за твоих прекрасных глаз, Джем Мерлин, – сказала Мэри. – Я еду с тобой только из-за них.

И она смело встретила его взгляд.

Джем засмеялся, покачал головой и снова принялся насвистывать; и сразу же между ними возникла непринужденность, словно они добрые приятели. Смелость ее слов обезоружила его; он даже не подозревал, какая за ними таится слабость; в эту минуту они были просто товарищами, а не мужчиной и женщиной.

Они выехали на большую дорогу, и повозка бодро катилась за идущей рысью лошастью, а позади цокали копытами два краденых коня. Тучи ползли по небу, низкие и грозные, но пока ни капли дождя не упало, и холмы, вздымавшиеся в отдалении над пустошью, не были подернуты туманом. Мэри подумала о Фрэнсисе Дейви, викарии из Олтернана. Интересно, что он сказал бы, услышав ее рассказ. Вряд ли снова посоветовал бы Мэри выжидать. Впрочем, викарий, скорее всего, не обрадуется, если она вдруг ворвется и испортит ему Рождество. Мэри представила себе тихий дом священника, мирный и спокойный посреди небольшой деревни, и высокую колокольню, которая, как страж, возвышается над крышами и трубами.

Олтернан представлялся ей небесами обетованными – в самом названии было что-то успокаивающее, – а голос Фрэнсиса Дейви сулил безопасность и избавление от тревог. Была в священнике некая странность, волнующая и приятная. Все казалось необычным: картина, которую он написал; то, как он правил лошадью и как он прислуживал ей, деликатно храня молчание; но больше всего удивляла сумрачная и печальная тишина его комнаты, в которой не было ни единого следа личности хозяина. Викарий казался тенью человека, и теперь, когда его не было рядом, ему недоставало реальности. У него не было мужского напора сидящего рядом с ней Джема; он был существом без плоти и крови: два бесцветных глаза и голос в темноте, и только.

Пони неожиданно заартачился в проломе изгороди, и громкое проклятие Джема разом прервало ее тайные размышления.

Мэри решила прощупать почву.

– Здесь есть где-нибудь церкви? – поинтересовалась она. – Последние месяцы я живу как язычница, а мне это очень не нравится.

– Эй ты, выбирайся, чертов дурень! – кричал Джем, раздирая удилами лошадиные губы. – Ты что, хочешь нас опрокинуть в канаву? Церкви, говоришь? Какого дьявола я должен знать о церквях? Я только один раз был в храме, да и то меня мать внесла туда безымянного на руках, а оттуда я вышел уже крещенным. Я тебе ничего не могу на этот счет подсказать. Уверен, что священники держат золотую утварь под замком.

– Кажется, в Олтернанае есть церковь? – спросила Мэри. – Туда можно дойти пешком от трактира «Ямайка». Неплохо бы мне сходить завтра.

– Гораздо лучше разделить со мной рождественский обед. Я не могу угостить тебя индейкой, но всегда можно разжиться гусем у старого фермера Такетта в Норт-Хилле. Он совсем ослеп и ничего не заметит.

– Ты незнаком с приходским священником Олтернана?

– Нет, незнаком, Мэри Йеллан. Я никогда не водил дружбы со священниками и вряд ли буду. Забавная они порода. Когда я был мальчишкой, в Норт-Хилле жил один священник; он был очень близорук, и говорят, однажды в воскресенье он куда-то не туда поставил церковное вино и вместо него давал прихожанам бренди. Вся деревня прослышала об этом, и представьте, церковь оказалась так набита, что преклонить колени было негде; люди толпились вдоль стен, дожидаясь своей очереди. Пастор не мог понять, в чем дело: у него в церкви никогда не бывало столько народу; он поднялся на кафедру с сияющими из-за очков глазами и произнес пропо-

ведь о стаде, вернувшись в овчарню. Брат Мэтью рассказал мне эту историю; он дважды подходил к алтарю за причастием, а пастор и не заметил. Это был великий день в Норт-Хилле. Вытаскивай хлеб и сыр, Мэри, у меня брюхо подвело.

Мэри покачала головой и вздохнула.

– Ты хоть раз в жизни отнесся к чему-нибудь серьезно? – спросила она. – Неужели ты никого и ничего не уважаешь?

– Я уважаю свое нутро, – сообщил ей Джем, – а оно взывает к пище. Видишь ящик у меня под ногами? Если тебя переполняют религиозные чувства, можешь достать и съесть яблоко. Помнится, в Библии что-то такое сказано про яблоко.

В половине третьего в Лонстон прискакала веселая и довольно разгоряченная кавалькада. Мэри отбросила тревогу и тяготившие ее заботы; несмотря на твердое решение, принятое утром, она поддавалась настроению Джема и развеселилась. Вдали от трактира «Ямайка» к ней вернулись юность и природная жизнерадостность; ее спутник мгновенно заметил перемену и теперь играл на этом.

Мэри смеялась потому, что был праздник, и потому, что Джем смешил ее; сам воздух был заражен городским шумом и суматохой, вокруг витали возбуждение и предвкушение праздника. На улицах толпился народ, в лавках было весело. Повозки, тележки и даже кареты сгрудились на вымощенной булыжником площади. Повсюду яркие краски, и жизнь, и движение; веселая толпа теснилась у торговых палаток, индейки и гуси возились за деревянной загородкой, женщина в зеленом плаще стояла с корзиной яблок на голове и улыбалась; яблоки были блестящие и румяные, как ее щеки. Сцена знакомая и милая сердцу; из года в год на Рождество Хелстон был таким же; но в Лонстоне все казалось ярче, настроение было бесшабашнее, толпа – больше, а разногласия – сильнее. Здесь были размах и пестрота: за рекой находились Девоншир и Центральная Англия. Фермеры из соседнего графства толпились рядом с крестьянками из Восточного Корнуолла; тут были лавочники, и кондитеры, и мальчишки-подмастерья, которые протискивались сквозь толпу с горячими пирожками и колбасами на подносах. Дама в шляпе с перьями и в синей бархатной накидке вышла из кареты и окунулась в тепло и свет гостеприимного «Белого сердца». Ее сопровождал джентльмен в светло-сером теплом пальто. Он поднес лорнет к глазам и принялся вышагивать за ней, точь-в-точь индюк.

Для Мэри это был веселый и счастливый мир. Город располагался на склоне горы, в самом центре стоял замок, как напоминание о былых временах. Здесь были купы деревьев и отлогие поля, и вода блестела внизу, в долине. Пустоши, позабытые, остались где-то далеко за городом. Лонстон был реальным; эти люди были живые. Рождество снова вступило в городе в свои права, и ему нашлось место среди мощенных булыжником улиц, смеющейся, теснящейся толпы; и тусклое солнце пробивалось из своего укрытия за серыми плотными облаками, чтобы присоединиться к веселью. Мэри надела платок, который ей подарил Джем, и даже снизошла до того, что позволила ему завязать концы у себя под подбородком. Они поставили пони и повозку в конюшне в верхней части города, и теперь Джем проталкивался сквозь толпу, ведя в поводу двух краденых лошадей, а Мэри следовала за ним по пятам. Парень уверенно шел вперед, направляясь к главной площади, где собрался весь Лонстон и из конца в конец стояли ларьки и палатки рождественской ярмарки. Часть площади была отгорожена веревкой; там покупали и продавали скот, и вокруг толпились фермеры, крестьяне, да и джентльмены тоже. Были здесь и барышники из Девона и более отдаленных мест. Сердце Мэри забилось быстрее, когда они подошли туда: а вдруг там есть кто-нибудь из Норт-Хилла, вдруг встретится фермер из соседней деревни; они, наверное, смогут узнать лошадей? Джем сдвинул шапку на затылок, беззаботно насвистывая. Один раз он оглянулся на девушку и подмигнул. Народ расступился и дал ему дорогу. Мэри стояла в толпе, позади толстой торговки с корзиной, и видела, как Джем занял свое место среди группы мужчин с лошадьми, кивнул одному-двум из них и скользнул взглядом по их коням, нагнувшись, чтобы раскурить трубку. Он держался спокойно и невоз-

мутимо. Вскоре развязного вида парень в квадратной шляпе и светлых штанах протиснулся сквозь толпу и подошел к лошадям. Голос у него был громкий и важный, и он все время постукивал кнутовищем по сапогу, а потом указывал им на пони. По его тону и важному виду Мэри решила, что это барышник. Вскоре к нему присоединился маленький остроглазый человечек в черной куртке, который то и дело толкал приятеля под локоть и что-то шептал ему на ухо.

Мэри увидела, что он пристально смотрит на черного пони, принадлежавшего сквайру Бассату; он подошел к нему, нагнулся и ощупал его ноги. Затем что-то шепнул на ухо громогласному человеку. Мэри нервно наблюдала за ними.

– Откуда у тебя этот пони? – спросил барышник, похлопывая Джема по плечу. – Не может быть, чтобы он вырос на пустоши, с такой-то головой и такой-то грудью.

– Этот пони родился в Коллингтоне четыре года назад, – беззаботно сказал Джем, не выпуская изо рта трубку. – Я купил его однолеткой у старого Тима Брэя; помните Тима? В прошлом году он распродал все и перебрался в Дорсет. Тим всегда говорил мне, что эта лошадка окупится. Кобыла была ирландская и брала ему призы на скачках в центральных графствах. Вы только поглядите, какой красавец! Но скажу вам сразу, стоит он недешево.

Джем попыхивал трубкой, пока покупатели внимательно осматривали пони. Казалось, время тянется бесконечно. Но вот они выпрямились и отошли в сторону.

– Что у него со шкурой? – спросил остроглазый. – Она на ощупь очень грубая и колючая, как щетина. И вообще вид какой-то нездоровый, мне это не нравится. Ты его, часом, не опоил?

– С этим пони все в порядке, – ответил Джем. – Тот, другой летом было совсем зачах, но я его выходил. Наверное, лучше было бы подержать его до весны, но это стоило бы мне денег. К черному же не придерешься. Но одну вещь я вам скажу напрямик, и это будет только честно. Старый Тим Брэй и понятия не имел, что кобыла жеребая, – он тогда был в Плимуте, и за ней присматривал его мальчишка, – а когда узнал, то выдрал парня, только было уже поздно. Пришлось ему делать хорошую мину при плохой игре. По-моему, жеребец был серый: посмотрите на короткие волоски у самой кожи – они ведь серые. Тим с этим пони здорово тогда промахнулся. Посмотрите на грудь; вот это порода! Я за него возьму восемнадцать гиней.

Остроглазый покачал головой, но барышник засомневался.

– Пятнадцать – и по рукам, – предложил он.

– Нет, моя цена – восемнадцать, и ни пенни меньше, – сказал Джем.

Двое посоветовались между собой и, по-видимому, решили не соглашаться. Мэри услышала слово «мошеничество», и Джем стрельнул в нее взглядом через головы. Из группы мужчин рядом с ним донесся приглушенный ропот. Остроглазый еще раз нагнулся и потрогал ноги черного пони.

– Я бы еще посоветовался насчет этого пони, – сказал он. – Мне нужно кое в чем убедиться. Где метка?

Джем показал ему узкий разрез в ухе, и человек пристально его изучил.

– Дотошный вы покупатель, – заметил Джем. – Можно подумать, будто я украл эту лошадь. Что-нибудь не так с меткой?

– Да вроде все в порядке. Но тебе повезло, что Тим Брэй в Дорсете. Что бы ты тут ни болтал, а у него такого пони не было и быть не могло. На твоём месте, Стивенс, я бы не связывался. Попадете еще в историю. Идемте-ка отсюда.

Громогласный барышник с сожалением посмотрел на черного пони.

– А какой красавчик, – сказал он. – Мне плевать, где он родился и какой масти был его отец. Что тебя так настораживает, Уилл?

И снова остроглазый дернул приятеля за рукав и зашептал что-то ему на ухо. Барышник послушал, нахмурился и кивнул.

– Ладно, – сказал он громко, – должно быть, ты прав. У тебя нюх на всякие неприятности. Пожалуй, лучше не связываться. Можешь оставить пони себе, – сказал он Джему. – Моему

партнеру он не по вкусу. Послушайся доброго совета: сбавь цену. Ты пожалеешь, если долго не сможешь сбыть его с рук.

Он локтями проложил себе дорогу сквозь толпу и вместе с остроглазым исчез в направлении «Белого сердца». Мэри вздохнула с облегчением, когда они убрались. По лицу Джема она ничего не могла понять: его губы, как всегда, насвистывали. Люди приходили и уходили; лохматые пони с пустошей продавались по два-три фунта за голову, и их бывшие хозяева уходили довольные. К черному пони больше никто не подходил. Покупатели поглядывали на него с подозрением. Без четверти четыре Джем продал вторую лошадь за шесть фунтов веселому, честному на вид фермеру после длинного и вполне добродушного спора. Фермер предлагал пять фунтов, а Джем настаивал на семи. После двадцати минут яростного торга они сошлись на шести фунтах, и фермер уехал верхом на своей покупке, ухмыляясь от уха до уха. Мэри устала стоять. Сумерки сгущались над базарной площадью; зажгли фонари. Город стал казаться каким-то таинственным. Девушка уже подумывала о том, чтобы вернуться к повозке, когда услышала за собой женский голос и резкий жеманный смех. Она обернулась и увидела синий плащ и шляпу с перьями – ту женщину, которая днем вышла из кареты.

– Ах, только взгляните, Джеймс, – говорила она. – Вы когда-нибудь в жизни видели такого восхитительного пони? Он держит голову точь-в-точь как наш бедный Красавчик. Сходство просто поразительное, только этот пони черный и не такой породистый. Какая досада, что Роджера здесь нет. Я не могу отрывать его от важной встречи. Что вы об этом думаете, Джеймс?

Ее спутник поднес к глазам лорнет.

– Черт возьми, Мария, – протянул он, – я ничего не понимаю в лошадях. Пони, который у вас пропал, вроде был серый? А этот черный как смоль, положительно как смоль, дорогая. Вы хотите его купить?

Женщина издала щебечущий смешок.

– Это был бы прекрасный рождественский подарок для детей, – сказала она. – Они изводят бедного Роджера с тех пор, как исчез Красавчик. Пожалуйста, Джеймс, спросите цену.

Мужчина вышел вперед.

– Эй, приятель, – окликнул он Джема, – этот черный пони продается?

Джем помотал головой.

– Я обещал его одному своему другу, – сказал он, – и не хотел бы отступаться от своего слова. Кроме того, он вас не выдержит. На нем ездили дети.

– Ах вот оно что. Понимаю. Благодарю вас. Мария, этот малый говорит, что пони не продается.

– Неужели? Какая досада. А я-то было настроилась. Скажите ему, что я заплачу, сколько он скажет. Попробуйте еще раз, Джеймс.

Мужчина снова поднял лорнет и протянул:

– Послушайте, друг мой, даме приглянулась эта ваша лошадка. У нее как раз пропал пони, и она ищет ему замену. Хочет порадовать своих детишек. Может, к черту вашего друга? Пусть подождет. Назовите цену.

– Двадцать пять гиней, – быстро, без запинки, проговорил Джем. – По крайней мере столько собирался заплатить мой друг. Я-то не очень хочу продавать пони.

Леди в шляпе с плюмажем проскользнула за веревку.

– Я дам за него тридцать, – заявила она. – Я миссис Бассат из Норт-Хилла, и я хочу подарить этого пони своим детям на Рождество. Пожалуйста, не упрямитесь. У меня в кошельке только половина этой суммы, и этот джентльмен заплатит вам остальное. Мистер Бассат сейчас в Лонстоне, и я хочу сделать сюрприз ему и детям. Мой грум заберет пони немедленно и уедет на нем в Норт-Хилл, прежде чем мистер Бассат покинет город.

Джем сдернул шапку и низко поклонился.

– Спасибо, мадам, – сказал он. – Надеюсь, мистер Бассат будет доволен столь удачным приобретением. Вы увидите, этот пони совершенно безопасен для детей.

– О, я уверена, муж будет в восторге. Конечно, этот пони – совсем не такой, как тот, которого у нас украли. Красавчик был чистокровный и стоил кучу денег. Но этот малыш красив и доставит детям удовольствие. Идемте, Джеймс! Уже совсем стемнело, и я промерзла до мозга костей.

И леди направилась к карете, которая ждала на площади. Рослый лакей кинулся открывать дверцу.

– Я только что купила пони для мастера Роберта и мастера Генри, – сказала она. – Найдите, пожалуйста, Ричардса и велите ему ехать на этом пони домой. Я хочу сделать сквайру сюрприз.

Она вошла в карету, втянув за собой пышные юбки, а спутник с лорнетом последовал за ней.

Джем торопливо оглянулся и тронул за плечо парня, стоявшего за ним.

– Эй, – сказал он, – хочешь заработать пять шиллингов?

Парень кивнул, разинув рот от удивления.

– Тогда держи этого пони и, когда за ним придет грум, отдай его вместо меня, ладно? Мне только что сказали, что моя жена родила двойню и ее жизнь в опасности. Не могу терять ни минуты. Вот, возьми уздечку. Желаю тебе веселого Рождества!

И Джем тут же скрылся, торопливо шагая через площадь, глубоко засунув руки в карманы. Мэри последовала за ним шагах в десяти – на всякий случай. Она густо покраснела и смотрела в землю. Внутри у нее все клокотало от смеха, и она прикрыла рот шалью. Когда девушка добралась до противоположной стороны площади, скрывшись подальше от людских глаз и от кареты, она была в полном изнеможении и прижимала ладонь к груди, пытаясь отдышаться. Джем поджидал ее с серьезным видом.

– Джем Мерлин, тебя следует повесить, – сказала Мэри, придя в себя. – Стоять вот так на базарной площади и продавать краденого пони самой миссис Бассат! Да у тебя наглости как у самого дьявола, я поседела, пока наблюдала за тобой.

Джем рассмеялся, запрокинув голову, и Мэри не устояла. Их смех разносился по улице так, что прохожие оборачивались. Они тоже заражались их весельем, улыбались и начинали хохотать; казалось, весь Лонстон трясется от смеха, потому что взрывы веселья один за другим разносились по улице, смешиваясь с шумом и суетой ярмарки. Кругом были шум, крики, и откуда-то доносилась песня. Факелы и фонари отбрасывали странный свет на лица людей; в сумерках раздавался гомон голосов, и воздух дрожал от возбуждения.

Джем схватил Мэри за руку и стиснул пальцы:

– Теперь ты рада, что поехала, правда?

– Да, – сказала она беззаботно. Ей было все равно.

Они окунулись в самую гущу ярмарки, и их окружили тепло и соблазны людской толчеи. Джем купил Мэри малиновую шаль и золотые сережки. Они ели апельсины под полосатым навесом, и морщинистая цыганка погадала им по руке.

– Берегись смуглого незнакомца, – сказала она Мэри. Они переглянулись и опять рассмеялись. – У тебя на ладони кровь, юноша, – объявила цыганка Дjemu. – Однажды ты убьешь человека.

– Что я говорил тебе сегодня утром в двуколке? – сказал Джем. – Я пока еще невиновен. Теперь веришь?

Но Мэри только покачала головой: как бы не так. Капельки дождя брызгали в лицо, но им было все равно. Налетел порывистый ветер, и навесы заколыхались, захлопали, во все стороны полетели бумага, ленты, кружева. Огромная полосатая палатка задрожала и осела, яблоки и

апельсины покатались в канаву. Пламя факелов развевалось на ветру, полил дождь. Люди разбегались кто куда в поисках укрытия, смеясь и окликавая друг друга; вода стекала с них ручьями.

Джем втащил Мэри под дверной навес; обхватив за плечи, он повернул к себе ее лицо, обнял и поцеловал.

– Берегись смуглого незнакомца, – сказал он, и засмеялся, и снова поцеловал ее.

Небо было затянуто тучами, и мгновенно стало темным-темно. Ветер задул факелы, фонари светили тусклым желтым светом, и все яркие краски ярмарки погасли. Площадь быстро опустела; покинутые полосатые навесы и палатки зияли пустотой. Мелкий дождь с порывами ветра залетал в открытую дверь, и Джем своей спиной заслонял Мэри от непогоды. Он развязал ее платок и играл с ее волосами. Девушка чувствовала кончики его пальцев на своей шее, чувствовала, как они спускаются к ее плечам. Она подняла руки и оттолкнула их.

– Достаточно я сегодня валяла дурака, Джем Мерлин, – сказала она. – Пора домой. Отпусти меня.

– Но ты же не захочешь ехать в такой ветер в открытой двуколке, – ответил он. – Ветер сегодня с берега, и наверху нас просто сдует с дороги. Придется нам провести эту ночь вместе в Лонстоне.

– Еще чего не хватало. Ступай и приведи пони, Джем, пока ливень поутих. Я подожду здесь.

– Не будь пуританкой, Мэри. На Бодминской дороге ты промокнешь насквозь. Ты что, не можешь притвориться, что влюблена в меня? Притворись и останься со мной.

– Ты говоришь со мною так, потому что я прислуживаю в баре «Ямайки»?

– К черту «Ямайку»! Мне нравится смотреть на тебя и чувствовать тебя рядом, а этого довольно для любого мужчины. Этого должно быть довольно и для женщины.

– Осмелюсь сказать, что так оно и есть – для некоторых. Но, к сожалению, я сделана иначе.

– Значит, там, на реке Хелфорд, женщин делают иначе, чем в других местах? Останься со мной сегодня ночью, Мэри, и мы это проверим. К утру ты ничем не будешь отличаться от остальных, готов поклясться.

– Нисколько не сомневаюсь. Вот почему я, пожалуй, лучше рискну промокнуть в двуколке.

– Господи, да ты кремень, Мэри Йеллан. Еще пожалеешь об этом, когда снова останешься одна.

– Лучше пожалеть сейчас, чем потом.

– А если я поцелую тебя еще раз, ты не передумаешь?

– Не передумаю.

– Неудивительно, что мой брат целую неделю пил, не просыхая, после того как ты поселилась в его доме. Ты что, пела ему псалмы?

– Ты сегодня удивительно догадливый.

– В жизни не видел такой упрямцы. Я куплю тебе обручальное кольцо, если это для тебя так важно. Нечасто у меня в кармане бывает достаточно денег для того, чтобы сделать предложение.

– И сколько всего у тебя жен?

– Шесть или семь, по всему Корнуоллу. Те, что по ту сторону Теймара, не в счет.

– В самый раз для одного человека. На твоём месте я не торопилась бы обзаводиться восьмой.

– А у тебя острый язычок! В этой своей шали, с горящими глазами, ты похожа на обезьянку. Ладно, я подгоню двуколку и отвезу тебя домой к тетке, но сперва я тебя поцелую, хочешь ты этого или нет.

И Джем взял в ладони ее лицо.

– Раз – на горе, два – на радость, – сказал он. – Остальные получишь, когда будешь настроена поговорчивей. Сегодня песенку допеть не удастся. Стой здесь; я быстро.

Джем наклонил голову навстречу дождю и зашагал через улицу. Она увидела, как он исчез за углом.

Укрывшись в дверном проеме, Мэри снова усомнилась в своей правоте. Она знала, что на большой дороге сегодня будет безлюдно: начался настоящий затяжной ливень, подгоняемый злобным ветром, а пустоши в такую погоду беспощадны. Нужна немалая смелость, чтобы выдержать сегодня одиннадцать миль в открытой повозке. Мысль о том, чтобы остаться в Лонстоне с Джемом Мерлином, заставила ее сердце биться сильнее, и думать об этом сейчас, когда он ушел и не мог видеть ее лицо, было восхитительно; но все-таки Мэри не станет терять голову ради его удовольствия. Если она хоть раз переступит черту, которую провела для себя, возврата уже не будет. Она разом лишится и душевного покоя, и независимости. Она и так слишком поддалась и уже никогда не освободится от Джима окончательно. Эта слабость будет для нее обузой и сделает четыре стены трактира «Ямайка» еще более ненавистными, чем теперь. Одиночество легче выносить одной. Теперь молчание пустошей станет мукой из-за того, что Джем совсем рядом, в четырех милях от нее. Мэри поплотнее закуталась в шаль. Если бы только женщины не были хрупки, как соломинки, – а она была уверена, что они именно такие, – тогда она могла бы провести эту ночь с Джемом Мерлином и забыться, как забывался он, а утром они расстались бы, смеясь и пожимая плечами. Но она женщина, и это невозможно. Всего несколько поцелуев и так уже сделали из нее дуру. Она подумала о тете Пейшенс, которая, как призрак, следовала вслед за своим хозяином, и вздрогнула. Такой могла бы стать и Мэри Йеллан, если бы не милость Божья и не собственная сила воли. Порыв ветра рванул ее юбку, и еще один поток дождя влетел в открытую дверь. Похолодало. По булыжной мостовой растекались лужи, огни и люди исчезли. Лонстон утратил свое величие. Завтра наступит холодное и безрадостное Рождество.

Мэри ждала, топая ногами и дуя на руки. Что-то Джем не торопится с двуколкой. Несомненно, парень раздосадован тем, что Мэри отказалась остаться, может, он в отместку решил бросить ее мокнуть и мерзнуть под дверным навесом? Тянулись долгие минуты, а Джима все не было. Если это его месть, то плану не хватает юмора и оригинальности. Где-то часы пробили восемь. Джем ушел больше получаса назад, а они оставили пони и двуколку всего в пяти минутах ходьбы отсюда. Мэри приуныла и устала. Она была на ногах с самого полудня, и теперь, когда возбуждение прошло, ей захотелось отдохнуть. Трудно будет вернуть беззаботное, беспечное настроение последних нескольких часов. Веселость исчезла вместе с Джемом.

В конце концов Мэри не выдержала и отправилась искать его вверх по улице. Длинная улица была безлюдна, за исключением нескольких бродяг, которые пытались укрыться под дверными навесами, как до этого и она сама. Дождь хлестал безжалостно, и ветер налетал порывами. И ничего не осталось от духа Рождества.

Через несколько минут Мэри подошла к конюшне, где днем они оставили пони и двуколку. Дверь была заперта, и, заглянув в щелку, она увидела пустое стойло. Значит, Джем уехал. В лихорадочном нетерпении девушка постучалась в соседнюю лавку, и через некоторое время дверь открыл человек, который днем впустил их в конюшню.

Он был явно недоволен тем, что его оторвали от уютного очага, и сперва не узнал ее: в мокрой шали Мэри выглядела жалко.

– Что вам надо? – спросил он. – Мы тут чужих не кормим.

– Я ничего не прошу, – ответила Мэри. – Я ищу своего спутника. Если помните, мы пришли сюда вместе, с пони и двуколкой. Стойло пустое. Вы его не видели?

Хозяин пробормотал извинение:

– Конечно, простите меня, пожалуйста. Ваш друг уже минут двадцать или больше как уехал. Похоже, он очень торопился, и с ним был еще один человек. Я не уверен, но, кажется, это слуга из «Белого сердца». Во всяком случае, они повернули в том направлении.

– Он ничего не просил передать?

– Нет; к сожалению, нет. Может, вы найдете его в «Белом сердце». Вы знаете, где это?

– Да, спасибо. Попробую наведаться туда. Спокойной ночи.

Хозяин захлопнул дверь у девушки перед носом, довольный, что избавился от нее, а Мэри побрела обратно в город. Что нужно Джемму от слуги из «Белого сердца»? Этот человек, должно быть, ошибся. Делать нечего, придется самой выяснить, что к чему. Мэри снова вышла на мощенную булыжником площадь. «Белое сердце» выглядело гостеприимно, окна светились, но пони и двуколки не было и в помине. У Мэри просто сердце оборвалось. Неужели Джем отправился в путь без нее? Немного помедлив, она направилась к двери и зашла. Зал был заполнен джентльменами, они болтали и смеялись, и опять ее деревенская одежда и мокрые волосы вызвали замешательство, потому что к девушке тут же подошел слуга и предложил ей уйти.

– Я ищу мистера Джема Мерлина, – твердо сказала Мэри. – Он приехал сюда с пони и двуколкой, и его видели с одним из ваших слуг. Извините за беспокойство, но мне необходимо его найти. Не могли бы вы поспрашивать?

Слуга нехотя ушел, а Мэри ждала у входа, повернувшись спиной к группке мужчин, которые стояли у огня и смотрели на нее. Среди них она заметила сегодняшних покупателей – барышника и остроглазого человечка.

У девушки внезапно возникло дурное предчувствие. Через несколько минут слуга вернулся с подносом, уставленным стаканами, которые он раздал собравшейся у огня компании, потом снова появился с пирогом и ветчиной. Он больше не обращал внимания на Мэри и, только когда она окликнула его в третий раз, подошел к ней.

– Извините, – сказал слуга, – у нас сегодня много народу, и мы не можем терять время на посторонних. Здесь нет человека по имени Джем Мерлин. Я спрашивал, и никто о нем не слышал.

Мэри тут же повернулась к двери, но остроглазый человечек опередил ее.

– Если это тот черноволосый, похожий на цыгана парень, который пытался сегодня днем продать пони моему другу, я могу кое-что о нем сообщить, – сказал он, широко улыбаясь и показывая ряд гнилых зубов.

В компании у огня раздался смех.

Мэри переводила взгляд с одного на другого.

– Что именно? – спросила она.

– Всего десять минут назад он был здесь вместе с одним джентльменом, – ответил остроглазый, по-прежнему улыбаясь и оглядывая девушку сверху донизу, – с помощью нескольких джентльменов его уговорили сесть в экипаж, который ждал у двери. Сперва ваш друг намеревался воспротивиться, но взгляд этого джентльмена, по-видимому, убедил его. Вы, безусловно, знаете, что случилось с черным пони? Цена, которую продавец запрашивал, была слишком высока.

Его замечание вызвало новый взрыв смеха сидевших у огня. Мэри пристально посмотрела на остроглазого.

– Вы знаете, где мой друг? – спросила она.

Ее собеседник пожал плечами и состроил жалостную гримасу.

– Его местонахождение мне неизвестно, – сказал он, – и, к сожалению, я должен констатировать, что ваш спутник не оставил также прощального послания. Как-никак, сегодня сочельник, время еще не позднее, и, как вы сами можете видеть, погода не располагает к тому,

чтобы оставаться на улице. Если хотите подождать здесь, пока ваш друг соизволит вернуться, я и эти джентльмены с удовольствием угостим вас.

Он положил дряблую ладонь на ее шаль и сказал вкрадчиво:

– Какой же ваш друг, должно быть, мерзавец, что бросил вас. Входите, располагайтесь и забудьте о нем.

Не говоря ни слова, Мэри повернулась к нему спиной и вышла. Когда дверь за ней закрылась, она услышала новый взрыв смеха.

Девушка стояла на пустой базарной площади, под порывами ветра и потоками дождя. Итак, случилось худшее, и кража пони обнаружена. Другого объяснения не было. Джем исчез. Она без выражения смотрела на темные дома, размышляя, какое наказание бывает за кражу. Неужели за это тоже вешают, как за убийство? Все тело у Мэри ныло, как будто ее побили, и мысли путались. Она ничего толком не могла понять. Бедняжка чувствовала, что Джем для нее теперь потерян в любом случае и она больше никогда его не увидит. Короткое приключение кончилось. Мэри была ошеломлена и, едва ли сознавая, что делает, бесцельно побрела через площадь в сторону горы, на которой возвышался замок. Если бы она согласилась остаться в Лонстоне, этого бы не случилось. Они вышли бы из-под навеса и нашли комнату где-нибудь в городе; она была бы сейчас рядом с ним, и они любили бы друг друга.

И даже если бы утром Джема поймали, у них остались бы эти часы, проведенные наедине. Теперь, когда его не было рядом, ее душа и тело кричали от горечи и негодования, и Мэри поняла, как сильно она его желала. Это ее вина, что Джема схватили, а она ничего не может сделать для него. Несомненно, его повесят; он умрет так же, как его отец. Над девушкой хмуро нависла стена замка, и вода ручьями бежала вдоль дороги. В Лонстоне не осталось никакой прелести, это было мрачное, серое, ненавистное место, и каждый поворот грозил несчастьем. Холодный дождь заливал ей лицо; она брела куда глаза глядят, не думая о том, что от каморки в трактире «Ямайка» ее отделяют одиннадцать долгих миль. Если любовь к мужчине означает такую боль и муку мученическую, она ей не нужна. Любовь лишила ее здравомыслия, самообладания и смелости. Мэри превратилась в лепечущее дитя, а ведь совсем недавно она была независимой и сильной. Перед ней возвышался крутой холм. Днем они проскакали по нему вниз; она узнала искривленный ствол дерева у прохода в изгороди. Джем тогда насвистывал, а она напевала. Внезапно Мэри очнулась и замедлила шаг. Было безумием идти дальше: перед ней белой лентой тянулась дорога, при этом ветре и дожде она не прошла бы и двух миль.

На склоне холма Мэри обернулась: внизу мерцали огни города. Может быть, кто-нибудь приютит ее или позволит переночевать на полу. У нее нет денег, им придется поверить ей в долг. Ветер трепал Мэри волосы, и низенькие чахлые деревья гнулись и кланялись под его порывами. Рождественское утро будет ненастным и дождливым.

Девушка пошла прочь, вниз по дороге, как лист, уносимый ветром, и увидела, как из темноты появился экипаж, который поднимался в гору ей навстречу. Он был похож на жука, приземистый и черный, и двигался медленно, борясь с непогодой. Мэри равнодушно смотрела на него, думая лишь о том, что где-то на неведомой дороге Джем Мерлин, быть может, точно так же движется сейчас навстречу своей смерти. Экипаж подполз к Мэри и уже проезжал мимо, когда она вдруг подбежала к нему и окликнула сидящего на облучке кучера, закутанного в пальто.

– Вы едете по Бодминской дороге? – крикнула она. – У вас есть пассажир?

Кучер покачал головой и хлестнул лошадь, но, прежде чем Мэри успела посторониться, из окна экипажа появилась рука, и чья-то ладонь легла ей на плечо.

– Что Мэри Йеллан делает одна в Лонстоне в сочельник? – спросил голос.

Рука была тверда, но голос ласков. Бледное лицо смотрело на нее из темноты экипажа: белые волосы и прозрачные глаза под черной широкополой шляпой. Это был викарий из Олтернана.

## Глава 10

В полумраке Мэри разглядывала его профиль; он был острый и четкий, длинный тонкий нос загибался, как птичий клюв. Тонкие и бесцветные губы были плотно сжаты. Священник наклонился вперед, опершись подбородком на длинную трость черного дерева, которую держал между колен.

Сперва девушка совсем не видела его глаз: они были прикрыты короткими белыми ресницами; а потом он повернулся на сиденье и стал рассматривать ее. Его ресницы трепетали, а глаза, смотревшие на Мэри, тоже были белые, прозрачные и лишённые всякого выражения, как стекло.

– Итак, мы едем вместе во второй раз, – сказал он, и голос его звучал мягко и тихо, как у женщины. – Мне вновь удалось помочь вам, подобрав на обочине дороги. Вы промокли насквозь, вам лучше бы снять одежду.

Викарий смотрел на нее с холодным безразличием, а Мэри в некотором замешательстве возилась с булавкой, которой была застегнута ее шаль.

– Тут есть сухой плед, в который можно завернуться, – продолжал священник. – А что до ваших ног, то им будет лучше босиком. В этом экипаже почти не сквозит.

Девушка безропотно выскользнула из промокшей шали и корсажа и закуталась в грубое шерстяное одеяло, которое викарий протянул ей. Волосы Мэри рассыпались по обнаженным плечам. Она чувствовала себя ребенком, застигнутым за какой-то шалостью, и теперь сидела, смиренно сложив руки, послушная слову учителя.

– Что случилось? – спросил он, серьезно глядя на нее, и Мэри неожиданно для себя тут же, запинаясь, пустилась в объяснения, рассказывая, что с ней сегодня стряслось.

Как и прежде, в Олтернани, что-то в этом человеке заставляло ее выставлять себя в ложном свете, говорить как дура и бестолковая деревенская простушка. Ее история звучала сбивчиво, и в итоге создалось впечатление, будто она дешевка, которую кавалер бросил одну на ярмарке, предоставив самой добираться домой. Мэри было стыдно назвать Джема по имени, и она довольно неловко объяснила, что он зарабатывает тем, что объезжает лошадей, и они познакомились однажды на пустоши. А теперь в Лонстоне с ним что-то случилось, когда он продавал пони, и она боится: вдруг его поймали на каком-то мошенничестве.

Интересно, что о ней думает Фрэнсис Дейви? Ведь Мэри поехала в Лонстон со случайным знакомым, да еще потеряла своего товарища, попавшего в переделку, и бегала поздним вечером по городу, замызганная и мокрая, словно уличная девка. Викарий молча выслушал ее до конца, и Мэри слышала, как он пару раз сглотнул, – манера, которую она запомнила.

– Значит, в конце концов, вы были не так уж одиноки, – сказал он наконец. – Трактир «Ямайка» не столь уединенное место, как вы предполагали?

Мэри вспыхнула в темноте, и, хотя спутник не мог видеть ее лица, она знала, что его глаза устремлены сейчас на нее, и чувствовала себя виноватой, как если бы она согрешила и услышала справедливый упрек.

– Как звали вашего спутника? – спокойно спросил викарий.

Мэри замялась: ей было неловко, стыдно, и она чувствовала себя ужасно виноватой.

– Это брат моего дяди, – ответила она, сама слыша, что голос ее звучит неохотно. Сообщая имя, она словно бы признавала свою вину.

Каково бы ни было мнение викария о ней до сих пор, вряд ли после этой истории он стал думать о ней лучше. Еще и недели не прошло с тех пор, как она назвала Джосса Мерлина убийцей, и вот уже она без зазрения совести уехала из трактира «Ямайка» с его братом – обыкновенная служанка из бара, которой захотелось поразвлечься на ярмарке.

– Конечно, вы осуждаете меня, – торопливо продолжала Мэри. – Если дядя мне так отвратителен и мерзок, тогда почему же я доверилась его брату? Он тоже мошенник и вор, я это знаю; он мне с самого начала признался, но вот только... – Она замолкла в нерешительности.

В конце концов, Джем ничего не отрицал; он почти не делал попыток защищаться, когда Мэри обвиняла его. А теперь она встала на его сторону, она выгораживает Джема без всякой причины и вопреки здравому смыслу, она уже привязалась к нему из-за того, что он обнял ее и поцеловал в темноте.

– Вы хотите сказать, что младший брат ничего не знает о ночном промысле трактирщика? – продолжал ласковый голос рядом с ней. – Он не из той шайки, что пригоняет повозки в трактир «Ямайка»? Так?

Мэри безнадежно махнула рукой.

– Я не знаю, – сказала она. – У меня нет доказательств. Джем ни в чем не сознается, лишь пожимает плечами. Но он сказал мне одну вещь: он никогда не убивал. И я ему поверила. И сейчас верю. Еще Джем говорил, что его брат мчится навстречу своей гибели и что его скоро поймают. Он, конечно, не стал бы утверждать это, будь сам одним из них.

Теперь Мэри говорила скорее для того, чтобы убедить себя, а не своего попутчика, и невиновность Джема внезапно приобрела для нее жизненно важное значение.

– Вы мне говорили раньше, что немного знакомы со сквайром, – быстро сказала она. – Может быть, вы на него имеете влияние? Не могли бы вы при случае заступиться за Джема Мерлина? В конце концов, он молод, он мог бы начать новую жизнь. В вашем положении это будет нетрудно.

Его молчание унижало ее еще больше, и, чувствуя на себе эти холодные белые глаза, Мэри понимала, какой глупой, испорченной девчонкой он ее считает и как все это по-женски. Викарий не может не понимать, что Мэри просит за человека, который ее разок поцеловал, и, разумеется, это вызывает презрение.

– С мистером Бассатом из Норт-Хилла я едва знаком, – сказал он мягко. – Мы раз-другой встречались и говорили о делах, касающихся прихода. Вряд ли он по моей просьбе отпустит вора, особенно если вор виновен и приходится братом хозяину трактира «Ямайка».

Мэри молчала. Опять этот странный служитель Божий ответил логично и разумно, так что и возразить ему нечего. Но она была охвачена любовной лихорадкой, которая опустошает разум и сметает все логические построения; поэтому его слова только рассердили и растревожили ее.

– Кажется, вы заботитесь о его спасении, – заметил викарий. Она не могла понять, что же услышала в его голосе: насмешку, укор или понимание. Однако священник тут же продолжил: – А если ваш новый друг все же состоит в сговоре со своим братом и отнимает имущество и, возможно, жизни своих ближних, что тогда, Мэри Йеллан? Вы все равно постараетесь его спасти?

Она ощутила на своих руках его ладонь, холодную и бесстрастную. И поскольку после треволнений этого дня Мэри находилась на грани срыва, была напугана и расстроена, поскольку она любила человека вопреки рассудку и человек этот был для нее потерян по ее же вине, самообладание изменило ей, и она раскричалась, как обиженный ребенок.

– Нет, только не это! – воскликнула она с горячностью. – Можно вытерпеть грубость дяди и жалкую бессловесную глупость тети Пейшенс; даже тишину и ужас трактира «Ямайка» можно вынести, не дрогнув, и не сбежать. Я не боюсь одиночества. В этой борьбе с дядей есть даже некое мрачное удовлетворение, которое придает мне храбрости, и я чувствую, что со временем одержу над ним верх, что бы он ни говорил и что бы ни делал. Я собиралась забрать тетю и помочь свершиться правосудию, а потом, когда все будет кончено, найти работу где-нибудь на ферме и жить одиноко, как раньше. Но теперь я больше не могу заглядывать вперед; я не могу строить планы или думать о себе; я хожу кругами, как зверь в ловушке, и все это

из-за человека, которого я презираю и с которым не имею ничего общего. Я не хочу любить как женщина и чувствовать как женщина, мистер Дейви! Мне не нужны боль, страдание и несчастье, которые могут длиться всю жизнь. Пожалуйста, не надо! Я не хочу! Слышите – не хочу!

Мэри откинулась назад и прижалась лицом к стенке экипажа, обессиленная этим словесным потоком и уже стыдясь своей вспышки. Теперь ей было все равно, что викарий о ней думает. Он священник, а значит, отрешен от ее мирка, полного страстей. Он не может знать о таких вещах. Мэри чувствовала себя одинокой и несчастной.

– Сколько вам лет? – коротко спросил ее спутник.

– Двадцать три, – ответила она.

Девушка услышала, как он сглотнул в темноте и молча снял свою ладонь с ее рук, снова положив ее на эбеновую трость.

Экипаж выехал из Лонстонской долины, из-под защиты живых изгородей. Теперь он двигался по возвышенности в сторону открытой пустоши, и на него всей силой обрушились ветер и дождь. Ветер дул не переставая, но ливень налетал порывами, и то и дело робкая звезда крадучись выбиралась из-за низкой тучи, похожая на светящуюся булавоочную головку. Затем звездочка снова исчезала за темной завесой дождя, и из узкого окна экипажа ничего не было видно, кроме черного квадратного лоскута неба.

В долине дождь шел более равномерно, и ветер, хоть и дувший с завидным постоянством, был умеренной силы, поскольку путь ему преграждали деревья и холм. Здесь, на возвышенности, не было такого естественного укрытия; здесь не было ничего, кроме пустоши по обе стороны дороги, а над головой – огромного, темного свода небес; и шум ветра превратился в вой.

Мэри дрожала и придвигалась поближе к своему спутнику, так жмутся друг к другу замерзшие собаки. Он по-прежнему молчал, но девушка знала, что викарий повернулся и смотрит на нее, и впервые физически ощутила его близость: она чувствовала его дыхание у себя на лбу. Мэри помнила, что ее мокрая шаль и корсаж лежат на полу у ее ног и что под грубым одеялом она голая. Когда священник снова заговорил, девушка поняла, как он близко; его голос раздался неожиданно, он потряс Мэри и привел ее в замешательство.

– Вы очень молоды, Мэри Йеллан, – ласково сказал Фрэнсис Дейви, – вы всего-навсего цыпленок, вокруг которого еще валяется разбитая скорлупа. Вы преодолеете ваш маленький кризис. Таким женщинам, как вы, незачем проливать слезы из-за человека, с которым они сталкивались раз или два в жизни, да и о первом поцелуе помнят недолго. Вы очень скоро забудете вашего друга с его краденым пони. Ну же, вытрите глаза; не вы первая кусаете локти из-за потерянного возлюбленного.

Викарий считает ее горе сущим пустяком – такова была первая реакция Мэри на его слова. А потом девушка удивилась, почему он не пытался утешить ее по-христиански, ничего не сказал об успокоении, которое приносит молитва, о мире, который дарует Господь, и о жизни вечной. Она вспомнила свою прошлую поездку с мистером Дейви: как он нахлестывал лошадь, пока та не понеслась вскачь, и как он скорчился на сиденье с вожжами в руках, и как сдавленным шепотом произносил слова, которых она не поняла. Ее вновь охватило беспокойство, как и тогда чувство неловкости она инстинктивно связывала с необычным цветом его волос и глаз, как будто физическое уродство было преградой между ним и остальным миром. В царстве животных необычную особь преследуют, ее либо убивают, либо изгоняют. Едва об этом подумав, Мэри тут же упрекнула себя в недалекости и нехристианском отношении к ближнему: этот человек был ее соплеменником и священнослужителем. И, бормоча извинения за то, что она вела себя перед ним как дура и говорила как уличная девка, Мэри потянулась за одеждой и стала судорожно натягивать ее, прикрываясь одеялом.

– Полагаю, я оказался прав в своих предположениях, и со времени нашей встречи в трактире «Ямайка» все было тихо? – спросил викарий немного погодя, следуя ходу своих мыслей. –

Повозки больше не тревожили ваш ранний сон, и трактирщик в одиночестве забавлялся со стаканом и бутылкой?

Мэри, по-прежнему раздраженная и встревоженная мыслями о человеке, которого она потеряла, с трудом вернулась к реальности. Она забыла о дяде почти на десять часов. И тут же бедняжка вспомнила весь ужас минувшей недели и тайну, которую она узнала. Мэри подумала о бесконечных бессонных ночах, о долгих днях, проведенных в одиночестве, и перед ней снова возникли остановившиеся, налитые кровью глаза Джосса, его пьяная улыбка, его цепкие руки.

– Мистер Дейви, – прошептала она, – вы когда-нибудь слышали о мародерах, которые грабят разбившиеся суда?

Мэри никогда прежде не произносила этого слова не только вслух, но даже мысленно, и теперь, когда она услышала его из собственных уст, оно прозвучало пугающе и отвратительно, как богохульство. В экипаже было темно, и девушка не могла видеть, какое это произвело впечатление на ее спутника, но она услышала, как тот сглотнул. Его глаза были скрыты от нее полями черной шляпы, и она видела только смутные очертания его профиля: острый подбородок и выступающий нос.

– Много лет назад, когда я была еще совсем ребенком, мне доводилось слышать, как об этом рассказывал сосед, – произнесла она, – а потом, позже, когда я была уже достаточно большая, чтобы понимать, что к чему, ходили слухи о таких вещах – обрывки сплетен, которые тут же старались пресечь. Кое-кто из тех, кто возвращался с северного побережья, рассказывали жуткие истории, но их заставляли замолчать: старики такие разговоры не поддерживали, это было оскорблением приличий. Я не верила ни одной из этих историй; я спросила мать, и она сказала мне, что это ужасные выдумки злых людей: ничего подобного нет и быть не может. Она ошибалась. Теперь я знаю, что она ошибалась, мистер Дейви. Мой дядя – один из них; он сам мне это сказал.

Ее спутник по-прежнему ничего не отвечал; он сидел неподвижно, как изваяние, и Мэри снова заговорила, все так же шепотом:

– Они все замешаны в этом, все до единого, от побережья до берегов Теймара, все те, кого я видела в ту первую субботу в баре. Цыгане, браконьеры, матросы, разносчик с гнилыми зубами. Они убивали женщин и детей своими руками; они держали их под водой; они били их обломками скал и камнями. Повозки, которые ночами путешествуют по дорогам, – это повозки смерти, и развозят они не просто контрабанду: бочонки с бренди или тюки с табаком, – а весь груз затонувших судов, за который заплачено кровью, вещи убитых людей. Вот почему моего дядю боятся и ненавидят робкие местные фермеры, и вот почему все двери заперты для него, и вот почему кареты проезжают мимо его дома в тучах пыли. Все подозревают его, но никто не может доказать. Моя тетя живет в смертном ужасе перед разоблачением, но дяде достаточно просто выпить в присутствии незнакомца, и его секрет станет известен всему свету. Вот, мистер Дейви, теперь вы знаете правду о трактире «Ямайка».

Едва дыша, Мэри прислонилась к стенке экипажа, кусая губы и ломая руки от волнения, с которым не могла совладать, обессиленная вырвавшимся у нее потоком признаний; из темных закоулков ее сознания беспощадно пробивался к свету некий образ; это было лицо Джема Мерлина, человека, которого она любила, злобное и искаженное, окончательно слившееся с лицом его брата.

Лицо под черной широкополой шляпой повернулось к ней; девушка заметила внезапный взмах белых ресниц, и губы зашевелились.

– Значит, пьянство развязывает трактирщику язык? – спросил викарий, и Мэри показалось, что его голосу недостает обычной мягкости; он звучал резче, как бы на более высокой ноте; но, когда девушка взглянула на своего спутника, его глаза смотрели на нее как всегда холодно и безразлично.

– Да, – ответила она. – Если мой дядя проживет пять дней на одном бренди, он готов обнажить душу перед всем миром. Он сам мне так сказал, когда я приехала, в первый же вечер. Тогда он не был пьян. Но четыре дня назад, когда дядя вдруг очнулся посреди ночи и, шатаясь, вышел в кухню, – он разговорился. Вот откуда я все знаю. И наверное, поэтому я утратила веру в человечество, и в Бога, и в себя саму, и именно поэтому сегодня в Лондоне я вела себя как дура.

За время их беседы буря разбушевалась еще сильнее, и теперь, когда дорога поворачивала, экипаж двигался прямо против ветра и почти стоял на месте. Он раскачивался на высоких колесах, и внезапный ливень застучал в окна, как пригоршня гальки. Укрыться было негде; пустошь по обе стороны лежала обнаженная и незащищенная, и тучи мчались над землей и рвали в клочья о скалистые вершины. Ветер приобрел соленый, влажный привкус, принесенный с моря, за пятнадцать миль отсюда.

Фрэнсис Дейви наклонился вперед на своем сиденье.

– Мы приближаемся к перекрестку Пяти Дорог и к повороту на Олтернан, – сказал он. – Возница направляется в Бодмин и довезет вас до трактира «Ямайка». Я покину вас у Пяти Дорог и пешком спущусь в деревню. Я единственный, кого вы почтили своим доверием, или я разделяю его с братом трактирщика?

И снова Мэри не могла определить, была ли это насмешка.

– Джем Мерлин знает, – нехотя ответила она. – Мы говорили об этом сегодня утром. Но он почти ничего не сказал, и мне известно, что он не в ладах с моим дядей. Впрочем, теперь это не важно: Джем отправили в тюрьму за другое преступление.

– Предположим, он мог бы спасти свою шкуру, выдав брата; что тогда, Мэри Йеллан? Тут есть над чем подумать.

Мэри разволновалась. Это была новая возможность, и она ухватилась за нее как за соломинку. Но викарий из Олтернана, наверное, прочитал ее мысли, ибо, когда Мэри посмотрела на него, ища подтверждения своим надеждам, она увидела, что он улыбается; тонкая линия его губ на миг утратила безразличное выражение, как будто лицо его было маской, которая дала трещину. Она отвела взгляд; ей стало неловко, как будто она нечаянно увидела нечто запретное.

– Это, разумеется, было бы выходом для вас и для него, – продолжал викарий, – если только Джем сам не замешан. Но всегда остается сомнение, не правда ли? И ни вы, ни я не знаем ответа на этот вопрос. Виновный обычно не надевает петлю сам себе на шею.

Мэри беспомощно всплеснула руками, и священник, должно быть, увидел отчаяние на ее лице, ибо его голос, доселе строгий, снова стал ласковым, и он положил руку ей на колено.

– «Угас наш день, и сумрак нас зовет»<sup>1</sup>, – мягко сказал он. – Если бы священникам было дозволено цитировать Шекспира, странные проповеди прозвучали бы завтра в Корнуолле, Мэри Йеллан. Впрочем, ваш дядя и его товарищи не входят в число моих прихожан, а если бы и являлись таковыми, они бы меня не поняли. Вы качаете головой, поскольку я говорю загадками. «Этот человек не умеет утешать, – думаете вы. – Что за странный уродец с белыми волосами и бесцветными глазами». Не отворачивайтесь; я знаю, о чем вы думаете. Я скажу вам одну вещь в утешение, а вы уж дальше поступайте как знаете. Через неделю наступит Новый год. Фальшивые маяки мерцали в последний раз, и больше не будет крушений; свечи задуют.

– Я вас не понимаю, – удивилась Мэри. – Откуда вы это знаете и при чем тут Новый год?

Викарий убрал руку и принялся застегивать пальто, готовясь к выходу. Он поднял оконную раму и крикнул кучеру, чтобы тот придержал лошадь, и холодный воздух ворвался в экипаж вместе с жалом ледяного дождя.

---

<sup>1</sup> Шекспир У. Антоний и Клеопатра. Акт V, сцена II. Пер. М. Донского.

– Я возвращаюсь с собрания в Лондоне, – пояснил священник. – Это всего лишь одно из многих подобных собраний за последние несколько лет. И присутствующих известили наконец, что правительство ее величества готово в наступающем году сделать определенные шаги для патрулирования берегов Великобритании. На скалах вместо сигнальных огней появятся наблюдатели, а по тропам, в настоящее время известным только авантюристам вроде вашего дяди, пройдут слуги закона. Через всю Англию протянется цепь, Мэри, которую будет очень трудно порвать. Теперь вы понимаете? – Викарий открыл дверцу экипажа и шагнул на дорогу. Он обнажил голову под дождем, и она увидела пышные белые волосы, ореолом обрамляющие его лицо. Фрэнсис Дейви снова улыбнулся ей и поклонился, еще раз взял ее руку и на минуту задержал в своей. – Ваши беды закончились, – сказал он. – Колеса повозок останутся ржаветь, а в запертой комнате в конце коридора можно будет устроить гостиную. Ваша тетя снова обретет покой и сон, а ваш дядя или умрет от пьянства к всеобщему удовольствию, или сделается методистом и начнет проповедовать путникам на большой дороге. Ну а вы уедете обратно на юг и найдете себе возлюбленного. Спите сегодня спокойно. Завтра Рождество, и колокола в Олтернани возвестят мир и благоволение. Я буду думать о вас.

Он помахал рукой кучеру, и экипаж продолжил путь уже без него.

Мэри высунулась в окно и окликнула викария, но он свернул направо по одной из пяти дорог и уже пропал из виду.

Экипаж грохотал по Бодминской дороге. До того как на горизонте появятся высокие трубы трактира «Ямайка», оставалось еще целых три мили, которые оказались самыми трудными и рискованными из двадцати миль пути.

Теперь Мэри жалела, что не пошла с Фрэнсисом Дейви. В Олтернани она бы не слышала ветра, и шум дождя не тревожил бы ее в укромной долине. Завтра она преклонила бы колени в церкви и молилась бы в первый раз с тех пор, как покинула Хелфорд. Если то, что сказал священник, правда, значит все-таки есть причина радоваться и есть смысл благодарить Господа. Время мародера прошло; новый закон не оставит шанса ни ему, ни его поделщикам; округа будет от них очищена, как от пиратов двадцать-тридцать лет назад; и даже памяти о них не останется, ни единого воспоминания, способного отравить души тех, кто придет потом. Родится новое поколение, которое никогда не услышит о них. Корабли будут приходить в Англию без опаски; прилив не принесет больше страшного урожая. В бухтах, которые когда-то оглашались шорохом шагов по гальке и голосами контрабандистов, снова воцарится тишина, нарушаемая только криком чайки. Под безмятежной гладью моря, на дне океана, лежат безымянные черепа, позеленевшие золотые монеты и старые остовы кораблей; они будут забыты навсегда. Ужас, который несчастные испытали, умер вместе с ними. Занимается заря нового века, когда люди станут путешествовать без страха и земля будет принадлежать им. Здесь, на этой пустоши, фермеры будут возделывать свои наделы и сушить на солнце куски торфа, как и сейчас, но только тень, которая нависала над ними, исчезнет. Быть может, здесь снова вырастет трава и вереск расцветет на месте, где стоял трактир «Ямайка».

Девушка сидела в углу экипажа, погруженная в грезы о будущем, как вдруг сквозь открытое окно ветер донес до нее звук выстрела, отдаленный возглас и крик. Из темноты доносились мужские голоса и топот ног по дороге. Мэри высунулась в окно; дождь заливал ей лицо, и она услышала, как кучер в ужасе закричал, а лошадь испугалась и заартачилась. Дорога круто шла вверх из долины, сворачивая к вершине холма, и там, в отдалении, тонкие трубы трактира «Ямайка» венчали горизонт, словно виселица. По дороге к ним приближалась группа людей; тот, кто был впереди, прыгал, как заяц, и на бегу размахивал перед собой фонарем. Прозвучал еще один выстрел, кучер осел на козлах и упал. Лошадь снова заартачилась и, как слепая, ринулась в канаву. Кто-то выкрикнул гнусное ругательство; кто-то дико захохотал; кругом стояли свист и крик.

В окно кареты просунулось лицо – увенчанное спутанными волосами, челка спадала на багровые, налитые кровью глаза. Губы раздвинулись, обнажая белые зубы, а затем к окну поднесли фонарь, так чтобы свет падал внутрь экипажа. Одна рука держала фонарь, другая сжимала дымящийся ствол пистолета; это были длинные руки с изящными кистями и тонкими пальцами, красивые и ловкие, хотя под овальными ногтями чернела грязь.

Джосс Мерлин улыбнулся безумной улыбкой одержимого, перевозбужденного отравой. Он направил пистолет на Мэри, перегнувшись внутрь экипажа, так что дуло коснулось ее горла.

Затем он рассмеялся, бросил пистолет через плечо и, рывком открыв дверцу, схватил племянницу за руки и вытащил из кареты на дорогу, держа фонарь над головой так, чтобы все могли ее видеть. Их стояло на дороге человек десять-пятнадцать, оборванных и грязных, половина – пьяные, как и их вожак, дикие глаза сверкали на заросших косматой щетиной лицах. У одного или двоих в руках были пистолеты, другие были вооружены битыми бутылками, ножами и камнями. Гарри-разносчик держал лошадь; в канаве, уткнувшись лицом в землю, лежал кучер: рука неловко подвернута под туловище, тело обмякшее и неподвижное.

Джосс Мерлин прижал Мэри к себе и повернул ее лицо к свету, и, когда разбойники увидели, кто это, вся компания взвыла от хохота, а разносчик сунул два пальца в рот и свистнул.

Трактирщик нагнулся к Мэри и с пьяной важностью поклонился; он схватил рукой ее распущенные волосы и скрутил жгутом, обнюхивая их, как собака.

– Так, значит, это ты? – сказал он. – Значит, ты решила вернуться, как скулящая сучка, с поджатым хвостом?

Мэри ничего не ответила. Она переводила взгляд с одного на другого бандита, и они тоже смотрели на девушку, глумясь, хмыкая и гогоча, указывая на ее мокрую одежду, щупая корсаж и юбку.

– Ты что, язык проглотила? – крикнул дядя и ударил ее по лицу тыльной стороной руки. Мэри вскрикнула и подняла локоть, чтобы защититься, но трактирщик оттолкнул его и, схватив племянницу за запястье, заломил ей руку за спину. Она закричала от боли, и он опять расхохотался. – Ты подчинишься, даже если мне для этого придется тебя убить. Ты думаешь, тебе удастся противиться мне, с твоим-то обезьяньим личиком и чертовым бесстыдством? Интересно узнать, что ты здесь делаешь, в полночь на большой дороге, в наемной карете, полуголая, с распущенными волосами? Да ты самая обыкновенная шлюха.

Дядя дернул ее за запястье, и Мэри упала.

– Оставь меня! – крикнула она. – Ты не имеешь права прикасаться ко мне или говорить со мной. Ты – кровавый убийца и вор, и представители закона это знают. Весь Корнуолл это знает. Твоей власти пришел конец, дядя Джосс. Я сегодня была в Лонстоне и донесла на тебя.

Ропот поднялся среди мужчин; они придвинулись ближе, крича на нее и задавая вопросы, но трактирщик зарычал на них и отогнал.

– А ну назад, болваны! Вы что, не видите, что девчонка лжет, чтобы спасти свою шкуру? – грохотал он. – Как она может на меня донести, если ничего не знает? Да не может быть, чтобы она прошла пешком одиннадцать миль до Лонстона. Посмотрите на ее ноги. Она была с мужчиной где-нибудь там, на дороге, и он отослал ее назад, когда она ему надоела. Вставай – или ты хочешь, чтобы я утер тебе нос грязью?

Дядя поднял Мэри на ноги и притянул к себе. Затем указал на небо, где ветер разгонял низкие облака и влажно поблескивала звезда.

– Смотрите, – завопил он, – на небе появился просвет, и дождь уходит на восток! Когда мы доберемся до места, поднимется ветер, и через шесть часов на берегу займется серый рассвет. Не будем терять времени. Возьми свою лошадь, Гарри, и впряги ее в постромки; карета отвезет туда полдюжины наших. И приведи пони с телегой из конюшни, у него целую неделю не было работы. Пошевеливайтесь, чертовы пьяные лентяи, вы что, не хотите почувствовать, как по вашим рукам заструится золото и серебро? Я провалился, как свинья, семь безумных

дней, и, ей-богу, сегодня ночью я чувствую себя как ребенок и опять хочу на берег. Кто отправится со мной через Кэмелфорд?

Не меньше дюжины человек завопили, и в воздух взметнулись руки. Кто-то загорланил песню, размахивая бутылкой над головой и нетвердо держась на ногах, потом зашатался и упал ничком в канаву. Разносчик пнул малого ногой, но тот не пошевелился; схватив лошадь под уздцы, Гарри повел ее вверх по крутому холму, подгоняя ударами и криками. Колеса экипажа проехали по телу упавшего; тот задергался, как раненый заяц, вопя от ужаса и боли, побарахтался в грязи и замер.

Мужчины повернули вслед за экипажем, и топот их бегущих ног раздавался на большой дороге, а Джосс Мерлин постоял с минуту, глядя на Мэри с глупой пьяной улыбкой. Затем, повинаясь внезапному порыву, он схватил ее в охапку и потащил к экипажу. Он швырнул девушку в угол на сиденье, после чего, высунувшись в окно, завопил разносчику, чтобы тот нахлестывал лошадь.

На его крик эхом отозвались люди, бежавшие рядом, и некоторые из них вскочили на подножку и схватились за окно, а другие взгромоздились на опустевшие козлы и осыпали лошадь ударами палок и градом камней.

Животное дрожало и взмокло от страха; оно галопом взлетело на холм с полдюжиной сумасшедших, вцепившихся в вожжи и орущих на запятках.

Трактир «Ямайка» был залит светом; двери открыты, окна распахнуты. Дом выступал из ночной тьмы как живое существо.

Трактирщик ладонью закрыл Мэри рот и прижал ее спиной к стенке экипажа.

– Ты хочешь донести на меня, правда? – спросил он. – Ты побежишь в суд, и я буду болтаться на веревке, как кошка? Ладно, раз так – вот тебе подходящий случай. Ты будешь стоять на берегу, Мэри, лицом к ветру и морю и будешь смотреть на рассвет и на прилив. Ты ведь знаешь, что это значит? Ты знаешь, куда я собираюсь взять тебя?

Девушка в ужасе смотрела на дядю; краска сбежала с ее лица, и она попыталась заговорить с ним, но он зажал ей рот.

– Ты же думаешь, что меня не боишься, – сказал он. – Ты глумишься надо мной со своим хорошеньким белым личиком и обезьяньими глазками. Да, я пьян; я пьян, как король, и пусть рухнут небо и земля – а мне плевать! Сегодня мы славно погуляем, может быть, в последний раз; и ты будешь с нами, Мэри, на берегу...

Джосс Мерлин отвернулся от нее, что-то крича своим спутникам, и лошадь, напуганная его криком, понеслась вперед во весь опор, таща за собой экипаж; огни трактира «Ямайка» исчезли в темноте.

## Глава 11

Кошмарное путешествие к берегу продолжалось больше двух часов, и Мэри, вся в синяках, потрясенная, в изнеможении забила в угол экипажа, мало заботясь о том, что с нею будет. Гарри-разносчик и еще двое тоже забрались в экипаж, который сразу же наполнился запахом табака, перегара и немых тел.

Трактирщик довел себя и своих товарищей до иступления, а присутствие женщины, ее слабость и отчаяние придавали удовольствию особую остроту.

Сперва бандиты говорили о ней, смеялись и пели, чтобы обратить на себя внимание девушки; Гарри-разносчик горланил свои похабные песни, которые в таком тесном пространстве звучали оглушительно громко и вызвали вой одобрения у слушателей, приводя их в еще больший раж.

Бандиты наблюдали за лицом своей спутницы, надеясь, что она будет смущена, но Мэри слишком устала, и никакое грубое слово или похабная песня не могла ее задеть. Она слышала их голоса сквозь пелену изнеможения; она чувствовала, как дядя толкает ее локтем в бок, – новая тупая боль вдобавок к предыдущим мучениям; в висках у нее стучало, в глаза как будто насыпали горячий песок, и сквозь дымку девушка едва различала ухмыляющиеся лица. Ей было все равно, что они говорят или делают, и непреодолимое желание уснуть и забыться стало пыткой.

Когда мужчины увидели, что Мэри находится в полузабытьи, они перестали обращать на нее внимание. Даже песни не вызвали прежней бурной радости, и Джосс Мерлин, порывшись в кармане, достал колоду карт. Бандиты мгновенно отвлеклись, и в этом коротком затишье Мэри поглубже забила в свой угол, подальше от жаркого, животного запаха дяди, и, закрыв глаза, отдала себя во власть раскачивающегося, подпрыгивающего на ухабах экипажа. Она так устала, что уже не понимала, что происходит; она то и дело впадала в забытье. Девушка ощущала боль и толчки колес, слышала где-то вдалеке глухой шум голосов; но все это существовало отдельно от нее, происходило не с ней. Темнота снизошла на нее, словно дар небес, и Мэри чувствовала, как соскальзывает туда, пока не провалилась полностью. Время остановилось. Но тут тряска прекратилась, и это вернуло ее к действительности: вокруг было тихо, и холодный влажный воздух овеял ей лицо сквозь открытое окно экипажа.

Она была одна в своем углу. Мужчины ушли, прихватив с собой фонарь. Сперва Мэри сидела неподвижно, боясь, что они вернуться, и не вполне понимая, что с ней произошло. Затем она потянулась к окну, и ломота во всем теле стала невыносимой. Резкая боль опоясала ей плечи, окоченевшие от холода; ее корсаж все еще был влажным от дождя, насквозь промочившего ее вечером. Девушка подождала минуту, потом снова наклонилась к окну. Ветер по-прежнему был сильный, но ливень прекратился, и только мелкий дождь туманил окно. Экипаж бросили в узком глубоком овраге, лошадь выпрягли. Похоже было, что овраг резко спускается вниз, а по его дну идет узкая ухабистая дорога. Мэри не видела ничего дальше нескольких ярдов. Ночная тьма сгустилась, и в овраге было темно, как в погребке. На небе уже не осталось звезд, неистовый ветер шумел и задувал порывами, волоча за собой клубы тумана. Мэри высунула руку из окна и дотронулась до склона оврага. Ее пальцы наткнулись на рыхлый песок и мокрую траву. Мэри подергала ручку дверцы, но та была заперта. Она прислушалась и, напрягая зрение, стала всматриваться в темноту. Тут ветер донес до нее звук, печальный и знакомый, – звук, к которому впервые в жизни она прислушивалась не с радостью, а с замиранием сердца, содрогаясь от дурного предчувствия.

Это был шум волн. Овраг выходил на берег.

Теперь Мэри знала, почему воздух стал мягче и почему капли дождя, ложившиеся ей на ладонь, пахнут солью. После открытых просторов пустошей высокие склоны оврага давали

мнимое ощущение безопасности, но стоило только покинуть это обманчивое укрытие, как иллюзия сразу исчезала, и свирепая буря завывала еще громче. Не могло быть тишины там, где море разбивалось о скалистый берег. Теперь девушка слышала его беспрерывно: ропот и вздох усталой волны, накатывающей на берег и нехотя отползающей, чтобы собраться с силами для новой попытки – несколько мгновений тишины, – и снова грохот и обвал, рев волны на гальке и громкий стук камней, увлекаемых морем. Мэри вздрогнула: где-то там, внизу, в темноте, ее дядя и его товарищи ждали прилива. Если бы она хоть слышала их, ожидание в пустом экипаже стало бы не таким тягостным. Даже дикие вопли, хохот и омерзительные песенки, которыми ее спутники подбадривали себя во время пути, принесли бы сейчас облегчение; но эта мертвая тишина наводила ужас. Бандиты успели протрезветь, ведь им предстояла работа. Теперь, когда Мэри окончательно очнулась и приступ слабости миновал, бездействие показалось ей невыносимым. Она прикинула размеры окна. Мэри знала, что дверца заперта, но, поднатужившись и извернувшись, можно было попытаться выбраться сквозь узкое окошко.

Рискнуть стоило. Что бы ни случилось нынче ночью, ее жизнь висит на волоске; дядя и его подельники найдут и убьют ее, если захотят. Они знают этот край, а она – нет. При желании они в минуту выследят ее, как свора гончих. Мэри старалась протиснуться в узкое окошко, лицом вверх; это было тем более трудно, что ей продуло плечо и спину. Крыша экипажа оказалась скользкой и мокрой, за нее было никак не ухватиться, но Мэри старалась изо всех сил, и вот наконец ее бедра, стиснутые до боли, проскользнули наружу. Бедняжка поранилась об оконную раму и была в полубморочном состоянии. Она потеряла опору и равновесие и рухнула на землю.

Мэри упала с небольшой высоты, но ударились сильно и чувствовала, как по ее телу стекает струйка крови, – выбираясь, она ободрала бок. Девушка дала себе опомниться, а затем, шатаясь, поднялась на ноги и стала неуверенно продвигаться вверх по тропинке, прячась в тени откоса. В голове у нее не было пока никакого плана, но, уходя прочь от оврага и от моря, она сумеет оторваться от своих недавних спутников. Скорее всего, те спустились на берег. Эта тропинка, сворачивавшая наверх и влево, по крайней мере выведет ее на скалы, а там, несмотря на темноту, она сможет хоть как-то сориентироваться. Где-то же должна быть дорога – как же иначе ехал экипаж, – а если есть дорога, значит скоро появятся и дома, в которых живут честные люди, она все им расскажет, и они поднимут всю округу, когда услышат ее историю.

Мэри ощупью пробиралась вперед, то и дело спотыкаясь о камни. Волосы лезли ей в глаза и мешали; завернув за острый выступ, она подняла руки, чтобы откинуть свисающие пряди, и из-за этого не заметила согнувшуюся фигуру человека, стоявшего в овраге на коленях спиной к ней и наблюдавшего за извилистой тропой впереди. Девушка налетела на него с размаху, так что у нее перехватило дыхание, и мужчина, застигнутый врасплох, упал вместе с ней. Вскрикнув от страха и ярости, он ударил ее кулаком.

Они боролись на земле, Мэри пыталась вырваться, царапая ему лицо, но уже через минуту стало ясно, что противник сильнее. Он перевернул девушку на бок и, запустив обе руки ей в волосы, стал тянуть, пока боль не заставила ее затихнуть. Он навалился на нее, судорожно хватая воздух, и пристально посмотрел на Мэри. В его разинутом рту желтели гнилые зубы.

Это был Гарри-разносчик. Мэри лежала неподвижно, надеясь, что противник пошевелится первый. Она проклинала себя за глупость: как можно было вот так, на ощупь, идти по тропинке и не подумать о том, что даже дети во время игры выставляют часовых?

Гарри ждал, что девушка будет кричать или сопротивляться, но, поскольку она не делала ни того ни другого, он перенес тяжесть своего тела на локоть и хитро улыбнулся ей, кивнув в сторону берега.

– Не думала меня здесь увидеть? – сказал он. – Решила, что я на берегу с трактирщиком и остальными расставляю приманку? Значит, выпалась и решила прогуляться по тропинке. И раз уж ты здесь, я окажу тебе самый радушный прием. – Бандит ухмыльнулся, ткнув черным

ногтем ей в щеку. – В ущелье холодно и сыро, – заметил он, – но сейчас это не важно. Они пробудут там внизу еще несколько часов. По твоим сегодняшним словам я понял, что ты не очень-то жалуешь своего дядюшку. Он не имеет права держать тебя в «Ямайке», как птичку в клетке, и не позволять щеголять в нарядных платьицах. Он, небось, даже брошки для корсажа тебе не подарил? Ну и черт с ним. Не огорчайся. Я подарю тебе кружева на шейку, и браслеты на ручки, и мягкие шелковые платья. Ну-ка, моя милая...

Гарри кивнул ей, подбадривая, все еще улыбаясь хитро и самодовольно, и Мэри почувствовала, как его рука украдкой вцепилась в нее. Она мгновенно дернулась и ударила бандита. Ее кулак угодил ему снизу в подбородок; его рот захлопнулся, словно капкан, и язык застрял между зубами. Гарри заверещал, как кролик, и Мэри снова ударила его, но на этот раз он схватил ее и стал трясти; все притворные ласковые уговоры кончились, сила его была ужасна, краска схлынула с лица. Теперь он пытался овладеть ею силой, и Мэри, понимая, что бороться бесполезно и он все равно одержит верх, вдруг обмякла, чтобы обмануть противника, на миг поддалась ему. Гарри победно хрюкнул и слегка расслабился, это ей и было нужно, и, когда он, меняя положение, опустил голову, девушка изо всех сил пнула его коленом и одновременно ткнула пальцами в глаза. Разносчик тут же сложился пополам от боли и перекатился на бок. Мэри моментально выбралась из-под него и встала на ноги, еще раз ударив своего обидчика ногой, пока тот беспомощно корчился, прижав руки к животу. Она пыталась нашарить в канаве камень, чтобы бросить в него, но ей не попадалось ничего, кроме земли и песка, и она пригоршнями набирала песок и землю и швыряла Гарри в лицо. Он мгновенно ослеп, сделавшись беспомощным. Потом Мэри повернулась и пустилась бежать вверх по извилистой тропинке, с открытым ртом, вытянутыми вперед руками, спотыкаясь и оступаясь в колеях. Когда она снова услышала позади себя крик Гарри и топот его ног, она окончательно лишилась способности соображать и подгоняемая страхом, принялась карабкаться по крутому обрыву, на каждом шагу поскользываясь на мягкой земле, пока не пролезла сквозь брешь в колючем кустарнике наверху. Ее лицо и руки были в крови, но Мэри не думала об этом и бежала вдоль скалы прочь от дороги, по травяным кочкам и колдобинам, утратив всякое чувство направления, с единственной мыслью – спастись от ужасного чудовища, которым представлялся ей Гарри-разносчик.

Стена тумана сомкнулась вокруг нее, заслонив кусты, к которым она направлялась, и Мэри тут же остановилась, осознав опрометчивость своего порыва: морской туман опасен и может привести ее обратно к обрыву. Она тут же опустилась на четвереньки и поползла вперед, глядя в землю, придерживаясь узкой песчаной тропинки, которая вилась в нужном ей направлении. Мэри продвигалась медленно, но инстинкт говорил ей, что расстояние между нею и разносчиком увеличивается, а это было самое главное. Она потеряла ощущение времени; было три, а может, четыре часа утра, и ничто не предвещало скорого наступления рассвета. Сквозь завесу тумана опять пробился дождь, и Мэри казалось, будто со всех сторон она слышит море и нет от него спасения; шум бурунов ничто не заглушало, он был слышен громче и яснее, чем прежде. Мэри поняла, что нельзя было ориентироваться по ветру, потому что даже теперь, дует в спину, он мог изменить направление на один-два румба. Не зная берега, она повернула не на восток, как собиралась, и оказалась на краю осыпающейся крутой тропы, которая, судя по шуму волн, вела ее прямо к морю. Буруны, скрытые туманом, рокотали где-то рядом, в темноте, и, к своему ужасу, она поняла, что они не внизу, а на одном уровне с ней. Это означало, что утесы здесь круто спускались к берегу и не было длинной и извилистой тропы к бухте, которую она представила себе, сидя в оставленном экипаже; овраг, должно быть, находился всего в нескольких ярдах от моря. Его склоны приглушали шум волн. Как только Мэри все это поняла, туман немного расступился и стал виден кусочек неба. Она неуверенно продолжала ползти вперед; тропинка становилась шире, туман рассеивался, и ветер снова задул ей в лицо. Девушка стояла на коленях среди плавника, водорослей и гальки, на узкой полосе меж двух

отлогих склонов, а меньше чем в пятидесяти ярдах прямо перед ней высокие гребни волн разбивались о берег.

Через некоторое время, когда ее глаза привыкли к полумраку, она разглядела мужчин: они сгрудились у зубчатой скалы, укрываясь от ветра и холода, и молча всматривались в темноту. Самая их неподвижность после недавнего неистовства таила в себе угрозу; то, как эти люди притаились, само положение их тел, прижавшихся к уступу, напряженная бдительность, с которой их головы все до единой были обращены в сторону наступающего моря, – вселяло страх и предвещало беду.

Если бы бандиты кричали или пели, перекликались друг с другом, оглашая ночь грохотом тяжелых сапог по хрустящей гальке, это соответствовало бы их характеру и ожиданиям Мэри; но в этой тишине было нечто зловещее, заставлявшее предположить, что близится развязка. Только небольшой выступ скалы отделял Мэри от плоского пустынного берега, и она не смела двинуться дальше, боясь выдать себя. Девушка подкралась к скале и легла за нею на гальку. Прямо перед Мэри, спиной к ней, стоял дядя со своими подручными.

Девушка ждала. Бандиты не двигались. Не раздавалось ни единого звука. Только волны с неизбежной монотонностью разбивались о берег, омывая его и снова возвращаясь в море, и в ночной темноте виднелась тонкая белая линия бурунов.

Туман начал подниматься очень медленно, приоткрывая очертания узкой бухты. Скалы стали более рельефными, и утесы обрели четкость. Пространство как будто расширилось: помимо залива, открылась ровная линия берега, тянувшаяся в бесконечную даль. Справа, вдалеке, там, где самые высокие утесы спускались в море, Мэри увидела бледную светящуюся точку. Сперва она подумала, что это звезда, свет которой пробивался сквозь тонкую пелену тающего тумана, но разум подсказал ей, что белых звезд не бывает и что они никогда не колеблются на ветру. Она пристально следила за нею, точка принялась раскачиваться; она была похожа на маленький белый глазок в темноте. Она танцевала и кланялась под напором шторма, как будто ветер сам зажег ее и нес вперед, – живое пламя, которое невозможно задуть.

И вдруг Мэри поняла причину бездействия бандитов, и маленький белый глазок, который сперва показался ей утешителем и другом, отважно мерцающим в бурной ночи, стал символом ужаса.

Эта звезда была ложным маяком, зажженным дядей и его товарищами. Теперь сверкающая точка стала злом, и ее заигрывание с ветром превратилось в насмешку. Мэри показалось, что огонек разгорался все яростней, утес утопал в его лучах, и цвет их был уже не белый, а грязно-желтый, как ржавчина. Кто-то следил за огнем, чтобы тот не погас. Мэри видела, как рядом прошла темная фигура, на миг заслонив его, а потом он снова засверкал. Фигура на серой поверхности утеса превратилась в пятно, быстродвигающееся по направлению к берегу. Кто-то спускался по склону, направляясь к товарищам. Этот человек действовал торопливо, как будто время поджимало, и он не пытался соблюдать тишину, потому что земля и камни осыпались у него из-под ног и падали на берег. Этот звук всполошил людей внизу, и в первый раз за все время, что Мэри наблюдала за ними, они отвлеклись от наблюдения за приливом и повернули головы. Мэри увидела, как спускавшийся поднес ладони ко рту и что-то крикнул, но ветер отнес его слова, и она их не услышала. Однако эти слова долетели до горстки людей, ждущих на берегу, и те тут же возбужденно задвигались, некоторые даже полезли вверх, ему навстречу. Однако он снова что-то крикнул и указал на море. Тогда все побежали вниз, к бурунам; их скрытность и молчаливость исчезли, галька зашуршала под их тяжелой поступью, голоса перекрывали друг друга и грохот моря. Затем один из бандитов – это был дядя, Мэри узнала его размашистую подпрыгивающую походку и массивные плечи – поднял руку, призывая к молчанию. Теперь все ждали, и волны окатывали их ноги; бандиты вытянулись в линию, как вороны, и их черные силуэты четко вырисовывались на фоне белого берега. Мэри смотрела туда же, куда и они; вот сквозь туман и темноту пробилась еще одна светящаяся точка,

привлеченная первой. Этот новый огонек не танцевал и не раскачивался, как тот, на скале; он то опускался вниз и скрывался из виду, как путник, согнувшийся под тяжелой ношей, то вновь поднимался, устремляясь высоко в небо, как рука, протянутая в ночь в последней отчаянной попытке пробиться сквозь непроницаемую стену тумана. Новый огонек приближался к первому, словно один притягивал другой. Скоро они встретятся и станут двумя белыми глазами, мерцающими в темноте. А бандиты по-прежнему неподвижно стояли на узкой прибрежной полосе: они ждали, когда огни приблизятся друг к другу.

Второй огонек опять нырнул; и теперь Мэри смогла увидеть неясные очертания корпуса корабля; черные рангоуты раскинулись над ним, как пальцы, а покрытые белой пеной морские волны разбивались внизу, и шипели, и отступали. Огонек на мачте все приближался и приближался к маяку на утесе, зачарованный и влекомый им, как мотылек, летящий на свечу.

Мэри не выдержала. Она с трудом поднялась на ноги и побежала вниз по берегу, крича и плача, размахивая руками над головой, стараясь перекричать ветер и шум моря, которые, смеясь, возвращали девушке ее выкрики обратно. Кто-то схватил Мэри и повалил на землю. Чьи-то руки душили ее. Девушку пинали ногами. Крики затихли, заглушенные душившей ее грубой мешковиной. Мэри заломили руки за спину и связали, и жесткая веревка врезалась в тело.

Так ее и оставили лежать лицом вниз на гальке, и буруны разбивались всего в двадцати ярдах от нее. Она лежала, беспомощная, едва дыша, с застрявшим в горле воплем предостережения. Вслед за ее криком раздались людские вопли, наполнившие собою воздух. Крик поднялся над отупляющим грохотом моря, и его подхватил и понес ветер; и вместе с криком слышались треск дерева, ужасный удар громадного, будто живого существа о преграду и вызывающий содрогание стон перекручивающегося, ломающегося шпангоута.

Словно притягиваемое магнитом, море с шипением откатилось от берега, и бурун, поднявшийся выше своих собратьев, с оглушительным ударом обрушился на накренившийся корабль. Мэри видела, как черная масса, которая только что была судном, медленно перекачивалась набок, словно огромная плоская черепаха; мачты и рангоуты спутались и обвисли, как нитки. За скользкую, покатую поверхность черепахи цеплялись маленькие черные точки, которые пытались удержаться; они, как ракушки, облепили ломающийся корпус; и когда вздымающаяся, вздрагивающая громадина под ними раскололась надвое, белые языки моря слизнули их одну за другой – маленькие черные точки, словно бы неживые и ненастоящие.

Ужасная дурнота охватила Мэри, и она закрыла глаза, прижавшись к гальке лицом. Мужчины, которые прождали на холоде много часов, больше не скрывались. Они как безумные металась по берегу, визжа и вопя, утратив рассудок и человеческий облик. Они бросались по пояс в буруны, не думая об опасности, забыв о всякой осторожности, хватая вздымающиеся в кипящих волнах прилива обломки крушения.

Это были звери, они дрались и рычали над кусками дерева; некоторые из них раздевались, несмотря на холодную декабрьскую ночь, чтобы легче было забраться в море и завладеть добром, которое подбрасывали им буруны. Они кричали и вздорили, как обезьяны, вырывая друг у друга вещи; один из них зажег костер в укромном уголке рядом с утесом, и пламя горело сильно и яростно, несмотря на морозящий дождь. Добычу, принесенную волнами, вытаскивали на берег и складывали в кучу рядом с костром. В его мерцающем свете то, что прежде было черным, становилось ярко-желтым, и длинные тени металась по берегу, где взад и вперед бегали люди, страшные в своей деловитости.

Когда на берег выбросило первую жертву кораблекрушения – к счастью, бедняга был уже мертв, – бандиты столпились вокруг, обшаривая тело жадными, цепкими руками, боясь пропустить даже мелочь. Они раздели утопленника донага, дергая раздробленные пальцы в поисках колец, и наконец бросили, оставив лежать навзничь в пене, принесенной приливом.

Неизвестно, как дело было поставлено прежде, но этой ночью в их действиях не видно было слаженности. Они хватали что попало, безумные и пьяные, ошалевшие от неожиданного успеха, – собаки, бегущие за своим хозяином, который сегодня был триумфатором. Остальные следовали за дядей, когда он, голый, возвышаясь над всеми как великан, бегал среди бурунов, и вода ручьями стекала с его тела.

Начался отлив, вода отступила, и в воздухе повеяло холодом. Огонек, который раскачивался над ними на утесе, все еще плясал на ветру, как старый насмешник, чьи шутки давно всем надоели, только теперь он побледнел и потускнел. Вода приобрела серый цвет, посерело и небо. Сперва никто не заметил этой перемены: они все еще неистовствовали и были поглощены своей добычей. Но вот Джосс Мерлин поднял свою огромную голову, понюхал воздух и оглянулся, пристально всматриваясь в четкий контур утесов в ускользающей темноте; и вдруг он закричал, призывая остальных к тишине, указывая на побледневшее небо, сделавшееся свинцово-серым.

Бандиты вначале замерли, оглядывая обломки крушения, которые вздымались и опускались в морской купели и ждали, чтобы их вытащили и подобрали; потом все разом повернулись и побежали по берегу по направлению к оврагу, молча, с лицами серыми и испуганными в разливающимся свете. Они сегодня припозднились. Успех вскружил им голову. Рассвет застал бандитов врасплох, и, промедление грозило разоблачением. Мир вокруг пробуждался: ночь, их былой сообщник, больше не прикрывала их.

Джосс Мерлин сорвал мешковину с ее рта и поднял Мэри Йеллан на ноги. Видя, что она совершенно обессилена и не держится на ногах, трактирщик на чем свет стоит ругал племянницу, оглядываясь на скалы, очертания которых с каждой минутой вырисовывались все четче. Потом он нагнулся к Мэри, которая опять упала на землю, и, как мешок, перебросил ее через плечо. Голова девушки беспомощно болталась, руки безжизненно висели, и она чувствовала, как пальцы дяди впились в ее израненный бок, оставляя на нем новые синяки, к тому же ныло все тело, онемевшее от долгого лежания на гальке. Он бежал с ней вверх по берегу по направлению к оврагу; его спутники, уже охваченные паникой, грузили остатки трофеев, награбленных на берегу, на спины трех привязанных там лошадей. Их движения были лихорадочны, они действовали необдуманно и суетливо, а трактирщик, протрезвевший и неожиданно оказавшийся без дела, ругал и страдал своих товарищей без всякой пользы. Экипаж застрял посередине оврага, и все попытки вытащить его оказались безрезультатными; эта внезапная неудача усилила панику, повергнув всех в бегство. Бандиты врассыпную бросились по дороге, забыв обо всем, каждый теперь думал только о своей шкуре. Рассвет был врагом, от которого легче скрыться в одиночку, спрятавшись в ущелье или за кустами, чем на дороге вместе с пятью-шестью товарищами. Здесь, на берегу, где все знали друг друга в лицо, чужаки сразу вызвали подозрение, не говоря уж о большой компании. Однако браконьер, бродяга или цыган вполне мог незамеченным проскользнуть какими-нибудь тропами. Этих дезертиров проклинали те немногие, кто остался вытаскивать экипаж, который из-за неумелых торопливых действий в конце концов опрокинулся и завалился набок, с отлетевшим колесом.

После этой последней катастрофы начался сущий ад. Все кинулись к телеге, которая стояла чуть дальше в овраге, и к уже перегруженным лошадям. Кто-то, подчиняясь главарю, поджег сломанный экипаж, представлявший для них вопиющую опасность, за этим последовала отвратительная свалка – схватка за телегу, которая все еще могла увезти их прочь от берега: дрались не на жизнь, а на смерть, камнями выбивали друг другу зубы, резали глаза битым стеклом.

Те, у кого были пистолеты, теперь обладали преимуществом, и трактирщик рядом со своим единственным союзником – Гарри-разносчиком – стоял спиной к телеге и стрелял в этот сброд, охваченный ужасом перед погоней, которая должна была начаться с наступлением дня, и теперь смотревший на него как на врага, вероломного главаря, навлекшего на них гибель.

Первый выстрел был мимо, и пуля попала в мягкий склон оврага; но один из противников, воспользовавшись возможностью, порезал трактирщику глаз осколком кремня. Джосс Мерлин ответил обидчику вторым выстрелом, угодив ему в живот, и, пока тот, смертельно раненный, корчился в грязи, среди своих товарищей, визжа как заяц, Гарри-разносчик попал другому в глотку; пуля пробила дыхательное горло, и кровь брызнула фонтаном.

Это помогло трактирщику отвоевать телегу, потому что при виде крови и умирающих товарищей остальные бунтовщики растерялись и запаниковали: все как один повернулись и стали удирать, словно крабы, по извилистой дороге, думая только о том, чтобы оказаться на безопасном расстоянии от своего недавнего главаря. Трактирщик с дымящимся пистолетом прислонился к телеге; из пореза над глазом хлестала кровь. Теперь, оставшись одни, они с разносчиком не теряли времени даром. Всю добычу, которую бандиты подобрали и снесли в овраг, они побросали в телегу рядом с Мэри – всякий хлам, бесполезный и грошовый; главные трофеи остались на берегу. Грабители не рискнули пойти за ними, потому что там хватило бы работы для дюжины человек, а предрассветные сумерки уже рассеялись, как и туман. Нельзя было терять ни минуты.

Двое убитых валялись на дороге рядом с телегой. Дышат они еще или нет – не обсуждалось: их тела были уликой, и их надо было уничтожить. Гарри-разносчик отволол их в огонь. Костер горел хорошо; экипаж почти догорел, только одно огненно-красное колесо торчало над обугленными обломками.

Джосс Мерлин запряг оставшуюся лошадь, и, не говоря ни слова, оба забрались в телегу и тронулись с места.

Лежа на спине, Мэри смотрела, как по небу плывут низкие облака. Темнота рассеялась; утро было влажное и хмурое. Девушка все еще слышала шум волн, далекий и уже не такой назойливый, море выплеснуло всю свою ярость и теперь отступало вместе с отливом.

Ветер тоже стих; высокие стебли травы по краям оврага были неподвижны, и тишина спустилась на берег. В воздухе пахло влажной землей и репой, туманом, который всю ночь лежал на земле. Облака слились с серым небом. И снова капельки дождя начали падать на лицо Мэри и на ее раскрытые ладони.

Колеса телеги проскрипели по неровному проселку и, повернув направо, выехали на более гладкую, посыпанную гравием дорогу, которая шла на север между низкими живыми изгородями. Издалека, через поля и пашни, донесся веселый перезвон колоколов, неожиданный и нестройный в утреннем воздухе.

Внезапно Мэри вспомнила: сегодня Рождество.

## Глава 12

Квадратная рама со стеклом показалась Мэри знакомой. Она была больше, чем окно экипажа, перед ней виднелся подоконник, и через все стекло шла трещина, которую девушка хорошо знала. Мэри не сводила с нее глаз, пытаясь собраться с мыслями, и удивлялась, почему больше не ощущает дождя на своем лице и сильных порывов ветра. Под нею тоже ничего не двигалось, и сперва она подумала, что экипаж остановился, снова врезавшись в склон оврага, и судьба заставит ее во второй раз пережить все минувшие ужасы. Вылезая через окно, она снова упадет и ушибется и снова пойдет по извилистой тропке и наткнется на Гарри-разносчика, притаившегося в овраге; но теперь у нее уже не будет сил сопротивляться. Внизу на каменистом берегу люди ждут прилива, и корабль, плоский, как огромная черная черепаха, качается в своей морской колыбели. Мэри застонала и беспокойно задвигала головой; краешком глаза она увидела рядом с собою коричневую выцветшую стену и ржавую шляпку гвоздя, на котором когда-то висела табличка с цитатой из Библии.

Она лежала в своей спальне в трактире «Ямайка».

Ненавистная комната, холодная и тоскливая, по крайней мере защищала от ветра и дождя и от рук Гарри-разносчика. Шума моря она тоже не слышала. Рев волн больше не потревожит ее. Если сейчас к ней придет смерть, она будет желанной союзницей; жить больше не хотелось. Из нее и так уже выжали все соки, и тело, лежавшее на кровати, казалось Мэри чужим. Она утратила волю к жизни. Потрясение превратило ее в неподвижную куклу; на глаза навернулись слезы жалости к себе.

Потом к ней склонилось лицо, и Мэри отшатнулась, вжавшись в подушку и защищаясь выставленными вперед руками, ибо толстые губы и гнилые зубы разносчика не выходили у нее из головы.

Однако за руки ее взяли ласково, и глаза, смотревшие на нее, покраснели от слез, как и ее собственные; они были робкие и голубые.

Это оказалась тетя Пейшенс. Они прижались друг к другу, ища в близости утешение; и после того, как Мэри выплакала свое горе, отдавшись приливу чувств, она вновь стала собой и к ней вернулись силы и прежняя решимость.

– Ты знаешь, что случилось? – спросила Мэри, и тетя Пейшенс крепко сжала ей руки, так что их было не отнять; голубые глаза молча молили о прощении.

Она напоминала животное, наказанное за чужую провинность.

– Сколько я проспала? – спросила Мэри.

Оказалось, шел второй день. Минуту-другую Мэри молчала, обдумывая это сообщение, новое для нее и неожиданное: два дня – долгий срок для того, кто всего несколько минут назад смотрел, как на берегу занимается рассвет. Многое могло произойти за это время, пока она лежала здесь, в постели, беспомощная.

– Надо было меня разбудить, – резко сказала она, отталкивая льющие к ней руки. – Я не ребенок, чтобы со мной нянчиться из-за нескольких синяков. Мне нужно многое сделать; ты не понимаешь.

Тетя Пейшенс погладила племянницу. Ласка была робкой и бесполезной.

– Ты не могла двигаться, – ответила она, всхлипнув. – Твое бедное тело было все в крови и ушибах. Я вымыла тебя, пока ты была без сознания; сперва я подумала, что они тебя изувечили, но, слава богу, ничего страшного не случилось. Ушибы пройдут, а долгий сон помог восстановить силы.

– Ты ведь знаешь, кто это сделал? Ты знаешь, куда они меня возили?

Горечь пережитого ожесточила Мэри. Она знала, что ее слова хлещут тетю, как плеть, но не могла остановиться. Она начала говорить о людях на берегу. Теперь пришел черед старшей

женщины испугаться, и, когда Мэри увидела, как дергаются тонкие губы, с каким ужасом смотрят на нее выцветшие голубые глаза, она стала противна себе самой и умолкла. Мэри села на кровати и спустила ноги на пол; от этого усилия у нее закружилась голова и застучало в висках.

– Куда ты?

Тетя Пейшенс нервно ухватила за нее, но Мэри высвободилась и принялась натягивать на себя одежду.

– Это мое дело, – резко ответила она.

– Дядя внизу. Он не даст тебе уйти из трактира.

– Я его не боюсь.

– Мэри, ради тебя, ради меня, не сердь его больше. Вспомни, что тебе уже пришлось пережить. С тех самых пор, как дядя вернулся с тобой, он сидит внизу, бледный и страшный, с ружьем на коленях; все двери заперты. Я знаю: то, что ты видела, ужасно, это просто не выразить словами. Но, Мэри, неужели ты не понимаешь: если ты сейчас спустишься вниз, дядя может снова ударить тебя, а может, даже убить?.. Я никогда не видела его таким. Я ни за что сегодня не поручусь. Не ходи вниз, Мэри. Я на коленях тебя прошу – не ходи.

Пейшенс ползала по полу, цепляясь за юбку Мэри, хватая ее за руки и целуя их. Это жалкое зрелище отнимало решимость.

– Тетя Пейшенс, я достаточно натерпелась из-за преданности тебе. Ты не можешь требовать от меня большего. Чем бы ни был для тебя когда-то дядя Джосс, сейчас он – не человек. Все твои слезы не спасут его от правосудия; ты должна это понять. Он – зверь, взбесившийся от бренди и крови. На берегу он убивал беззащитных людей; неужели ты не понимаешь? Они тонули в море. Эта картина стоит у меня перед глазами. Я до самой смерти не смогу думать ни о чем другом.

Мэри возвысила голос; она была на грани истерики. От слабости ее мысли путались. Она представляла себе, как выбежит на большую дорогу и будет громко звать на помощь, которая, конечно, окажется рядом.

Тетя Пейшенс слишком поздно взмолилась о молчании; ее предостережение осталось втуне. Дверь открылась; хозяин трактира «Ямайка» стоял на пороге комнаты. Он нагнул голову под притолокой и смотрел на них. Вид у него был измученный и мрачный; порез над глазом все еще алел. Трактирщик был грязный и небритый, под глазами залегли черные тени.

– Мне показалось, что я слышу во дворе голоса, – сказал он. – Я подошел к щели в ставнях внизу, в гостиной, но никого не увидел. Вы что-нибудь слышали здесь, в этой комнате?

Никто не ответил. Тетя Пейшенс помотала головой; робкая нервная улыбка, которую она выдавливала из себя в присутствии мужа, неуверенно проползла по лицу помимо ее воли. Трактирщик сел на кровать, теребя руками одежду, беспокойно переводя глаза с окна на дверь.

– Он придет, – сказал дядя. – Он должен прийти. Я сам себе перерезал горло; я пошел против него. Он предупредил меня однажды, а я посмеялся над ним; я не послушался. Я хотел сыграть по своим правилам. Теперь мы обречены, все трое, сидящие здесь, – ты, Пейшенс, и ты, Мэри, и я. Нам конец, говорю вам: наша карта бита. Почему вы позволяли мне пить? Почему вы не перебили все эти проклятые бутылки, не заперли меня на замок и не оставили там? Я бы ничего вам не сделал; я бы и пальцем вас не тронул, обеих. А теперь слишком поздно. Это конец.

Джосс Мерлин смотрел то на одну, то на другую женщину, его налитые кровью глаза были пусты, шея утонула в массивных плечах. Тетя с племянницей тоже уставились на него, ничего не понимая, ошеломленные и напуганные выражением его лица; такого они раньше не видели.

– Что это значит? – спросила наконец Мэри. – Кого ты боишься? Кто тебя предупредил?

Дядя покачал головой и поднес к губам руки с беспокойно двигающимися пальцами.

– Нет, – медленно сказал он. – Я сейчас не пьян, Мэри Йеллан; свои тайны я сохраняю. Но одно я скажу: тебе тоже нет спасения; ты теперь втянута во все это так же, как и Пейшенс, –

у нас кругом враги. С одной стороны – закон, а с другой... – Трактирщик не договорил и все так же хитро взглянул на Мэри. – Что, хочется узнать? Чтобы выскользнуть из дому с этим именем на губах и предать меня. Мечтаешь увидеть, как меня повесят. Ладно, я тебя не виню: ведь я причинил тебе столько боли, что ты будешь это помнить до конца своих дней. Но ведь я и спас тебя. Ты не подумала, что бы с тобой сделал этот сброд, если бы меня там не было?

Трактирщик рассмеялся и сплюнул на пол; он снова становился прежним.

– Уже за одно это ты можешь поставить мне хорошую отметку, – сказал он. – Прошлой ночью никто, кроме меня, тебя не коснулся, а я не испортил твое хорошенькое личико. Ведь царапины и синяки проходят. Что ж, милая, ты не хуже меня знаешь, что я мог поиметь тебя в самую первую неделю после твоего появления, если бы захотел. В конце концов, ты ведь женщина. Ей-богу, ты сейчас ползала бы у моих ног, как твоя тетка, помятая, довольная и преданная, еще одна чертова дура. Пошли отсюда. Эта комната воняет сыростью и гнилью.

Дядя с трудом поднялся на ноги и потащил Мэри за собой в коридор; когда они вышли на площадку, он прижал ее к стене под свечой, воткнутой в скобу, так что свет упал на ее исцарапанное, в синяках, лицо. Он взял племянницу руками за подбородок и с минуту держал так, легко касаясь ее ссадин нежными пальцами. Мэри смотрела на него с ненавистью и отвращением: изящные, грациозные руки напомнили ей обо всем, что она потеряла и от чего отказалась; и когда дядя склонил свое ненавистное лицо ниже, не обращая внимания на Пейшенс, которая стояла рядом с ним, и его губы, так похожие на губы его брата, на миг приблизились к ее губам, жуткая иллюзия сделалась полной. Мэри вздрогнула и закрыла глаза. Трактирщик задул свечу. Женщины, не говоря ни слова, последовали за ним вниз, и их шаги гулко разносились по пустому дому.

Дядя привел их в кухню, и даже там дверь была заперта и окна закрыты ставнями. На столе горели две свечи.

Затем трактирщик повернулся лицом к женщинам и, притянув к себе стул, сел на него верхом и стал изучать их, нашаривая в кармане трубку и набивая ее.

– Мы должны продумать план спасения, – сказал он. – Мы просидели здесь уже почти два дня, как крысы в ловушке, дожидаясь, пока нас схватят. Говорю вам: с меня довольно. Я в такие игры не играю; от них у меня начинается белая горячка. Если уж не избежать драки, то, ради всего святого, давайте драться в открытую.

Некоторое время дядя попыхивал трубкой, задумчиво глядя в пол и постукивая ногой по каменным плитам.

– Гарри пока на моей стороне, – продолжал он, – но он выдаст нас, если решит, что ему это выгодно. Ну а остальные – они разбежались по всей округе, визжа и поджав хвосты, как жалкие шавки, перепугавшись до смерти. Да и я струсил, если хотите знать. Ладно, я сейчас трезвый и вижу, в какую дурацкую, отвратительную историю я вляпался. Нам еще повезет, всем нам, если удастся избежать петли. Ты, Мэри, можешь смеяться, если хочешь, но тебе, с твоим беленьким высокомерным личиком, будет так же скверно, как и нам с Пейшенс. Ты тоже увязла в этом по самую шею; тебе несдобровать. Почему вы меня не заперли, я спрашиваю? Почему не удержали от пьянства?

Жена подкралась к нему и вцепилась в его куртку, проводя языком по губам и готовясь заговорить.

– Ну, в чем дело? – яростно спросил трактирщик.

– Почему бы нам не ускользнуть сейчас, пока еще не поздно? – прошептала она. – Двуколка в конюшне; мы окажемся в Лонстоне и переберемся в Девон через несколько часов. Можно выехать ночью и отправиться в восточные графства.

– Чертова идиотка! – крикнул дядя. – Ты что, не понимаешь, что на дороге в Лонстон полно людей, которые думают, что я – сам дьявол, и только и ждут случая повесить на меня все преступления в Корнуолле и разделаться со мной? Уже вся округа знает, что случилось

в сочельник на берегу, и, если они увидят, что мы удираем, у них появится доказательство. Господи, неужели ты думаешь, что мне не хотелось бы убраться отсюда и спасти свою шкуру? Вот только каждый тогда станет указывать на нас пальцем! Хороши мы будем, сидя в двуколке поверх наших пожитков, как фермеры в базарный день, можем помахать на прощание Лонстонской площади! Нет, у нас только один шанс, один-единственный шанс на миллион. Мы должны сидеть тихо; мы должны сидеть молча. Если мы засядем здесь, в трактире «Ямайка», все, пожалуй, начнут почесывать затылок и тереть нос. Им нужны доказательства, помните. Власти должны получить свидетельство под присягой, прежде чем смогут нас схватить. А если только кто-нибудь из этого чертова сброда не заделается доносчиком, у них не будет доказательств. Да, конечно, есть корабль с килем, разбитым о скалы, и есть всякое барахло, которое лежит на берегу – целыми грудями, – ясно, что его там кто-то сложил, приготовил, чтобы забрать. Еще найдут два обугленных тела и кучу пепла. «Что это такое?» – спросят они. «Был пожар, случилась драка». Это будет выглядеть гадко, это будет выглядеть плохо для многих из нас, но где доказательства? Ответьте мне. Я провел сочельник как порядочный человек, в кругу семьи, ублажая свою племянницу и играя с ней в «львиный зев»<sup>2</sup>. – Он насмешливо подмигнул девушке.

– Кажется, вы кое о чем забыли, – сказала Мэри.

– Нет, дорогая, не забыл. Кучера той кареты застрелили, и он упал в канаву всего за четверть мили отсюда. Ты надеялась, что мы оставили тело там? Может быть, это тебя шокирует, Мэри, но труп приехал с нами на берег и лежит теперь, насколько я помню, под слоем гальки толщиной в десять футов. Конечно, кучера обязательно кто-нибудь хватится; я к этому готов; но раз карету не найдут, то это не страшно. Может, ему надоела жена и он удрал в Пензанс. Милости просим поискать его там. А теперь, когда мы оба опомнились, можешь рассказать мне, что ты делала в той карете, Мэри, и где до этого была. И попробуй только запереться: ты меня уже хорошо знаешь. Я смогу найти способ развязать тебе язык.

Мэри взглянула на тетю. Несчастная дрожала, как испуганная собака, ее голубые глаза остановились на лице мужа. Мэри лихорадочно соображала. Солгать нетрудно; сейчас самое главное – это время, с ним нужно считаться, его необходимо выиграть любой ценой, если они с тетей Пейшенс хотят выйти из этой переделки живыми. Она должна дать дяде возможность самому сунуть голову в петлю. Его самоуверенность в конце концов погубит его. У Мэри еще есть надежда, ее спаситель совсем близко, всего в пяти милях отсюда, он ждет в Олтернани ее знака.

– Я расскажу, что делала в тот день, а вы можете верить или нет – мне все равно, что вы подумаете, – сказала она. – В канун Рождества я пошла в Лонстон, на ярмарку. К восьми часам я устала, и, когда началась буря, я промокла насквозь и уже ни на что не годилась. Я наняла экипаж и велела кучеру отвезти меня в Бодмин. Я думала, что, если упомяну трактир «Ямайка», он откажется ехать. Вот, больше мне сказать нечего.

– Ты была одна в Лонстоне?

– Конечно одна.

– И ты ни с кем там не говорила?

– Я купила платок у женщины за прилавком.

Джосс Мерлин сплюнул на пол.

– Ладно, – сказал он. – Что бы я теперь с тобой ни делал, ты будешь стоять на своем, верно? У тебя есть одно преимущество: я не могу доказать, что ты врешь. Должен признать, немногие девушки твоих лет провели бы весь день в Лонстоне одни. И домой бы они тоже поехали не сами по себе. Если ты сказала правду, тем лучше для нас. Никто не станет искать кучера здесь. Черт возьми, хорошо бы сейчас выпить.

---

<sup>2</sup> «Львиный зев» – рождественская игра, в которой хватают изюминки с блюда с горящим спиртом. – *Примеч. ред.*

Дядя наклонил стул и затянулся трубкой.

– Ты еще поедешь в собственной карете, Пейшенс, – сказал он, – и будешь носить перья на шляпке и бархатный плащ. Я еще не сдался. Сперва я увижу в аду всю эту банду. Погодите, мы начнем все сначала, будем как сыр в масле кататься. Может, я сделаюсь трезвенником и буду ходить в церковь по воскресеньям. А ты, Мэри, станешь в старости водить меня за ручку и кормить с ложечки.

Трактирщик запрокинул голову и захохотал, но его смех внезапно оборвался, рот захлопнулся, как капкан, и он с грохотом опустил стул на пол и встал посреди кухни, изогнувшись всем телом, с лицом белым как простыня.

– Тсс, – хрипло прошептал он, – слушайте...

Женщины проследили за взглядом хозяина: его глаза были прикованы к узкой полоске света, пробивавшейся сквозь щель в ставнях.

Кто-то тихо скребся в кухонное окно... постукивал легонько, осторожно, украдкой царапал стекло.

Это было похоже на звук, который издает ветка плюща, когда, отломившись от ствола, она свисает вниз и шуршит, касаясь окна или двери, при малейшем дуновении ветра. Но на шиферных стенах трактира «Ямайка» не было плюща, и рядом со ставнями тоже ничего не росло.

Скрестись продолжали, настойчиво и бесстрашно: тук... тук... словно постукивание ключа; тук... тук... как будто барабанили четырьмя пальцами.

В кухне не раздавалось ни звука, кроме испуганного дыхания тети Пейшенс, которая через стол потянулась рукой к племяннице. Мэри смотрела на трактирщика; он неподвижно стоял, и его фигура отбрасывала на потолок чудовищную тень; она увидела, как сквозь темную щетину бороды синюют его губы. Затем дядя наклонился и осторожно, как кошка, на ощупь потянулся рукой к ружью, стоявшему напротив возле стула. Его пальцы вцепились в ружье; трактирщик не сводил глаз с полоски света между ставнями.

Мэри сглотнула; в горле у нее запершило. Девушка не знала, кто там, за окном: друг или враг, и это делало ожидание еще более томительным. Однако, несмотря на все надежды, глухое биение сердца подсказало ей, что страх оказался заразителен. Она невольно поднесла дрожащие, холодные и влажные руки ко рту.

С минуту дядя выжидал за закрытыми ставнями, а затем прыгнул вперед, рванул крюк и раздвинул их; тусклый дневной свет тут же проник в комнату. За окном стоял человек; его мертвенно-бледное лицо прижалось к стеклу, усмешка обнажила гнилые зубы.

Это был Гарри-разносчик... Джосс Мерлин выругался и распахнул окно.

– Черт тебя побери, ты что, войти не можешь? – крикнул он. – Хочешь получить пулю в кишки, проклятый болван? Ты заставил меня пять минут простоять, словно глухонемой, с ружьем, нацеленным тебе в брюхо. Отопри дверь, Мэри; да не жмись ты к стенке, как привидение. В этом доме хватает неприятностей и без твоей кислой мины.

Как все мужчины, которым довелось до смерти перепугаться, трактирщик переложил вину за собственное малодушие на чужие плечи и теперь бушевал, чтобы успокоиться. Мэри медленно пошла к двери. При виде разносчика она живо вспомнила борьбу на проселочной дороге. Тошнота и омерзение нахлынули с новой силой, и она отвела глаза. Она молча открыла дверь, спрятавшись за нею, а когда Гарри вошел в кухню, сразу же повернулась, направилась к тлеющему очагу и стала машинально подкладывать торф на угли, стоя к гостю спиной.

В ответ разносчик причмокнул губами и указал большим пальцем через плечо.

– Округа бурлит и пышет, – сказал он. – За дело взялись все злые языки Корнуолла, от Теймара до Сент-Айвза. Нынче утром я был в Бодмине; весь город гудит, они там все с ума посходили, требуют крови, ну и правосудия, разумеется. Накануне я заночевал в Кэмелфорде, так там каждый встречный и поперечный размахивал кулаками и обсуждал новости с соседом.

Эта буря может кончиться только одним, Джосс, и ты знаешь чем. – Он взялся руками за горло. – Надо бежать. Это наш единственный шанс. На дорогах опасно, а в Бодмине и Лонстоне хуже всего. Я пойду через пустоши и переберусь в Девон за озером Ганнис. Конечно, так будет дольше, но какая разница, если спасаешь свою шкуру? У вас не найдется в доме кусочка хлеба, хозяйка? У меня со вчерашнего утра крошки во рту не было.

Он задал вопрос жене трактирщика, но смотрел при этом на Мэри. Пейшенс Мерлин стала шарить в буфете в поисках хлеба и сыра, нервно дергая ртом, двигаясь неуклюже и думая о чем угодно, только не об угощении. Накрыв на стол, она просительно посмотрела на мужа.

– Слышишь, что Гарри говорит, – взмолилась она. – Это безумие – оставаться здесь; мы должны ехать сейчас, немедленно, пока еще не поздно. Ты сам знаешь: люди тебя не пощадят, они убьют тебя без суда. Ради бога, послушай его, Джосс. Я ведь не за себя боюсь, за тебя...

– Закрой рот! – загремел ее муж. – Я пока еще не спрашивал твоего совета и сейчас не спрашиваю. Я и сам могу принять решение, без того, чтобы жена бляла у меня под боком, как овца. И ты туда же, Гарри? Побежишь, поджав хвост, только потому, что попы и методисты подняли вой, требуя твоей крови? Скажи-ка, а они доказали, что это мы? Или тебя совесть замучила?

– К черту совесть, Джосс; тут речь идет о здравом смысле. Жизнь в этих местах стала вредна для моего здоровья, и я уберусь отсюда, пока еще есть время. Ну а что касается доказательств, то за последние месяцы мы достаточно натворили дел, чтобы у них было довольно улик. Разве я тебе не друг? Пришел сюда сегодня, рискуя головой, предупредить тебя. Я ничего против тебя не имею, Джосс, но ведь это твоя проклятая глупость довела нас до беды. Напоил нас до одури, и сам напился, и повел на берег, затеял безумное, шальное дело без всякого плана. У нас был один шанс на миллион, и все повернулось чертовски удачно, на нашу беду, слишком удачно. Потому что мы были пьяные и потеряли голову, оставили на берегу вещи и сотню следов. А кто в этом виноват? Да ты, кто же еще!

Разносчик стукнул кулаком по столу, вплотную придвинув к трактирщику свое желтое наглое лицо с усмешкой на потрескавшихся губах.

Джосс Мерлин разглядывал его с минуту, а когда заговорил, голос его звучал тихо и грозно.

– Так, значит, ты меня обвиняешь, Гарри? – сказал он. – Знаю я эту породу: начинают извиваться как змея, когда им изменит счастье в игре. А ведь благодаря мне дела у тебя шли неплохо! Золота куры не клевали; жил как принц все эти месяцы, а не прозябал на дне шахты, где тебе самое место. А если бы мы не потеряли голову позапрошлой ночью и убрались бы до рассвета, как это было уже сотню раз? Ты бы сейчас подлизывался ко мне, чтобы набить карманы! Ты бы вилял хвостом вместе с остальными подлыми шавками, выпрашивая свою долю добычи, называя меня Господом Всемогущим; ты бы лизал мне сапоги и валялся в пыли. А теперь беги, если хочешь; беги к берегам Теймара с поджатым хвостом, и будь ты проклят! Я и один справлюсь хоть с целым светом.

Разносчик принужденно хохотнул и пожал плечами:

– Разве мы не можем поговорить, не вцепляясь друг другу в глотки? Я по-прежнему на твоей стороне. Все мы были пьяны до умопомрачения в сочельник; так что не будем больше об этом; что сделано, то сделано. Вся компания разбежалась, значит своей доли они требовать не станут. Все перетрусил и побоятся высовываться и дергать нас. Стало быть, остаемся ты да я, Джосс. Мы с тобой увязли в этом деле глубже всех, так что нам нужно друг другу помогать. А теперь давай все обмозгуем и поймем, на каком мы свете; вот почему я здесь.

Гарри опять рассмеялся, показывая красные десны, и принялся барабанить по столу короткими грязными пальцами.

Трактирщик холодно посмотрел на него и снова потянулся за трубкой.

– Так к чему ты клонишь, Гарри? – спросил он, нависая над столом и заново набивая трубку.

Разносчик зацокал языком и усмехнулся.

– Я ни к чему не клоню, – ответил он. – Я хочу как лучше. Нет никаких сомнений: нам придется выйти из игры, если мы не хотим болтаться в петле. Но дело вот в чем, Джосс: мало радости выйти из игры с пустыми руками. Два дня назад мы сложили в той комнате кое-какое барахлишко. Верно? И оно по праву принадлежит всем тем, кто потрудился в сочельник. Но никого не осталось, кроме нас с тобой. Я не говорю, что там много ценностей – несомненно, это по большей части хлам, – но согласись, это поможет добраться до Девона, а?

Трактирщик выпустил облако дыма собеседнику в лицо.

– Значит, ты вернулся в трактир «Ямайка» не только ради моей нежной улыбки? – спросил он. – А я-то думал, что ты меня любишь, Гарри, и хочешь пожать мне руку.

Разносчик снова ухмыльнулся и заерзал на стуле.

– Ладно! – сказал он. – Мы же друзья! Не надо обижаться на откровенность. Барахло здесь, и нужны двое мужчин, чтобы его погрузить. Женщинам тут не справиться. Почему бы нам не ударить по рукам, и дело с концом?

Трактирщик задумчиво пыхтел трубкой:

– Ты битком набит идеями, дружище, и все они лежат рядком, хорошенькие, как безделушки на твоём подносе. А что, если здесь ничего нет? Что, если я уже от всего избавился? Я ведь проторчал тут два дня, а мимо проезжают повозки. Что тогда, малыш?

Усмешка сползла с лица разносчика, челюсть отвисла.

– Ты шутишь? – прорычал он. – Ты ведешь двойную игру здесь, в трактире «Ямайка»? Если так, то скоро поймешь, что просчитался. Ты бывал слишком скрытен, Джосс Мерлин, когда мы отправляли грузы и ждали повозки. Иногда я видел и слышал кое-какие странные вещи. Ты блестяще вел это дело из месяца в месяц; кое-кто из нас даже подумывал, почему же при подобном размахе такую ничтожную выгоду получают те, кто больше всех рискует? И мы ведь не спрашивали, как это так выходит. Послушай, Джосс Мерлин: может, ты работаешь на кого-то?

Трактирщик набросился на него, как молния. Он ударил разносчика кулаком в подбородок, и тот опрокинулся навзничь; стул под ним с грохотом рухнул на каменный пол. Гарри тут же опомнился и поднялся на колени, но трактирщик возвышался над ним, направив дуло ружья прямо в горло.

– Только шелохнись, и ты мертвец, – тихо сказал он.

Гарри-разносчик смотрел на своего обидчика снизу вверх, его маленькие подлые глазки были полузакрыты, одутловатое лицо пожелтело. Падение чуть не вышибло из него дух, и он прерывисто дышал. При первом же признаке ссоры тетя Пейшенс распласталась по стене, охваченная ужасом, с тщетной мольбой глядя на племянницу. Мэри пристально наблюдала за дядей; на этот раз она не могла разгадать его настроения. Он опустил ружье и пнул разносчика ногой.

– Теперь мы с тобой можем поговорить как разумные люди, – сказал трактирщик.

Он опять облокотился на стол, с ружьем в руке, а разносчик расположился на полу, не то на корточках, не то на коленях.

– Я в этой игре главный и всегда им был, – медленно проговорил трактирщик. – Я вел ее с самого начала. Всего три года назад, доставляя грузы с маленьких двенадцатитонных люгеров в Пэдстоу, мы считали себя счастливыми, если получали чуть больше полшиллинга барыша. Я вел ее, пока дело не стало самым прибыльным от Хартленда до Хейла. Мной кто-то командует, говоришь? Черт возьми, хотел бы я взглянуть на человека, который решит попробовать. Ну, теперь с этим покончено. Время вышло. Ты сегодня приполз не для того, чтобы предостеречь меня, ты приполз посмотреть, нельзя ли чем-нибудь разжиться в суматохе. Трактир ока-

зался заперт, и твое жалкое подлое сердце возрадовалось. Ты скребся в окно, потому что знал: крюк на ставне болтается и окно легко можно высадить. Ты же не рассчитывал найти меня здесь! Ты надеялся, тут окажется Пейшенс или Мэри, и ты их легко запугаешь и завладеешь моим ружьем, которое здесь, под рукой, на стене, – ты его частенько видел. А потом – к черту хозяина трактира «Ямайка». Гарри-крысеныш, неужели ты думаешь, что я не понял все это по твоим глазам, когда распахнул ставни и увидел в окне твою рожу? Ты думаешь, я не слышал, как ты задохнулся от изумления, не заметил твоей кислой ухмылки?

Разносчик провел языком по губам и сглотнул. Он бросил взгляд на Мэри, которая неподвижно стояла у очага; круглые пуговицы его глаз смотрели настороженно, как у загнанной в угол крысы. Он боялся, не пожалуется ли она на него. Но девушка промолчала. Она ждала, как поступит дядя.

– Ладно, – сказал трактирщик, – по рукам, как ты и предлагал. Это выгодно нам обоим. Знаешь, я передумал, мой милый друг, и с твоей помощью мы отправимся в Девон. То, что здесь лежит, и правда стоит прихватить с собой, а мне одному не справиться. Завтра воскресенье, благословенный день отдыха. И пусть хоть пятьдесят кораблей разобьются, это не заставит здешний народ подняться с колен и раздернуть занавески. Будут и проповеди, и скорбные вытянутые физиономии, и молитвы за бедных моряков, на которых рукою дьявола ниспослано несчастье, но никто не станет разыскивать дьявола в святой день. У нас есть целые сутки, Гарри, мой мальчик, и завтра ночью, когда ты хорошенько наломаешь спину, забрасывая дерном и репой мое имущество на телеге, и поцелуешь меня на прощание и Пейшенс тоже, а может, и Мэри заодно, – вот тогда ты встанешь на колени и поблагодаришь Джосса Мерлина за то, что он отпустил тебя живым на все четыре стороны, а не засунул хвостом в канаву, где тебе самое место, с пулей в твоём черном сердце.

Он снова поднял ружье и приставил холодное дуло к горлу разносчика. Тот захныкал, закатив глаза. Трактирщик рассмеялся.

– Ты, вообще-то, довольно меткий стрелок, Гарри, – сказал он. – Разве не славно ты пометил Неда Санто позапрошлой ночью? Ты пробил ему дыхательное горло, и кровь хлестала потоком. Он был славный парень, этот Нед, только уж больно скор на язык. Туда-то ты ему и попал, правда? – Дуло плотнее прижалось к горлу разносчика. – Если я сейчас спущу курок, Гарри, твое дыхательное горло тоже опустеет, как у бедняжки Неда. Ты ведь этого не хочешь?

Разносчик не мог говорить. Его глаза закатились, ладонь широко раскрылась, четыре пальца распластались, как будто прилипли к полу.

Трактирщик отвел ружье, нагнулся и рывком поднял его на ноги.

– Пошли, – сказал он. – Думаешь, я собираюсь возиться с тобой всю ночь? Пошутили – и хватит, а то делается тошно. Открой кухонную дверь, поверни направо и иди по коридору, пока я не скажу остановиться. Ты не сможешь удрать через вход в бар: все окна и двери здесь заперты. У тебя руки чесались перебраться добычу, которую мы привезли с берега, верно, Гарри? Ты проведешь ночь в кладовой посреди этого добра. Знаешь, Пейшенс, дорогая, по-моему, нынче впервые у нас в трактире «Ямайка» постоялец. Мэри не в счет, она член семьи.

Его настроение, как флюгер, повернулось в другую сторону; дядя пришел в прекрасное расположение духа и, рассмеявшись, ткнул ружьем в спину разносчика и погнал того из кухни по темному, выложенному каменными плитами коридору в кладовую. Дверь, которую высадили сквайр Бассат и его слуга, теперь укрепленная новыми досками, стала прочнее прежнего. Джосс Мерлин не всю последнюю неделю просидел сложа руки.

Заперев своего приятеля на ключ и на прощание посоветовав ему не кормить крыс, численность которых возросла, трактирщик вернулся в кухню; в груди его kloкотал смех.

– Я понимал, что Гарри скиснет, – сказал он. – Взгляд у него стал нехорошим задолго до того, как на нас свалилась эта беда. Он будет драться на стороне победителя, но запросто откусит руку, если удача от тебя отвернется. Гарри завистлив; он позеленел от зависти, прогнил

насквозь и даже глубже. Он мне завидует. Они все мне завидуют. Они знают, что у меня есть мозги, и ненавидят меня за это. Чего ты так уставилась на меня, Мэри? Лучше поужинай и иди спать. Завтра ночью тебя ждет длинное путешествие, и предупреждаю заранее, оно будет нелегким.

Мэри смотрела на дядю через стол. Тот факт, что она не поедет с ним, в данный момент ее не занимал: пусть думает что хочет. Она очень устала, напряжение этого дня давило на нее тяжким грузом, но в ее мозгу бурлили всевозможные планы.

Каким угодно образом, любой ценой, до завтрашней ночи она должна попасть в Олтернан. Как только Мэри окажется там, груз ответственности упадет с ее плеч. Действовать начнут другие. Это будет тяжело для тети Пейшенс, а возможно, и для нее самой; она ничего не смыслит в хитросплетениях закона. Но по крайней мере, справедливость восторжествует. Будет не так трудно восстановить их с тетей доброе имя. Мысль о том, как дядя, который сейчас сидел перед ней с набитым черствым хлебом и сыром ртом, будет стоять со связанными за спиной руками, впервые ощутив свое полное бессилие, доставляла ей неслыханное удовольствие, и Мэри снова и снова рисовала себе эту картину, с каждым разом все ярче и ярче. Тетя Пейшенс со временем оправится; годы сделают свое дело, принесут ей наконец мир и покой. Мэри гадала, как именно дядю схватят, когда настанет эта долгожданная минута. Может быть, они тронутся в путь, как он и собирался, и, когда выедут на дорогу под его самоуверенный смех, их окружит отряд, многочисленный и хорошо вооруженный. Сопrotивление будет бесполезным, трактирщика силой стащат на землю, а она наклонится к нему и улыбнется. «Я думала, что у тебя есть мозги, дядя», – скажет она ему, и он все поймет.

Девушка с трудом отвела от него глаза и повернулась к кухонному столу за свечой.

– Я сегодня не буду ужинать, – объявила она.

Тетя Пейшенс что-то огорченно пробормотала, подняв глаза от лежавшего перед ней на тарелке ломтя хлеба, но Джосс Мерлин пнул жену ногой, чтобы та замолчала.

– Пусть себе дуется, если хочет, – сказал он. – Тебе-то что за печаль, поест она или нет? Голодать полезно женщинам и скотине: они от этого становятся послушными. К утру девчонка присмирееет. погоди, Мэри; ты будешь еще крепче спать, если я запру тебя на ключ. Не хочу, чтобы кто-нибудь бродил по коридору.

Он перевел взгляд на ружье на стене, потом мельком взглянул на ставень, который все еще был открыт.

– Закрой окно, Пейшенс, – произнес он задумчиво, – и задвинь засов. Когда закончишь ужинать, отправляйся спать. Я сегодня останусь в кухне.

Жена со страхом посмотрела на него, испуганная его тоном, и хотела заговорить, но трактирщик оборвал ее.

– Ты что, еще не научилась не задавать мне вопросов? – выкрикнул он. Тетя тут же встала и подошла к окну. Мэри, держа зажженную свечу, ждала у двери. – Так, – сказал он. – Чего стоишь? Я велел тебе идти.

Мэри вышла в темный коридор; свеча отбрасывала назад ее тень. Ни звука не доносилось из кладовой в конце коридора, и она подумала, что разносчик притаился там в темноте, караулит и ждет утра. Мысль о Гарри вызвала у нее омерзение: он, как крыса, был заперт с себе подобными, и девушка внезапно представила, как он своими крысиными лапами царапает дверную коробку, в молчании ночи проскребая себе путь к свободе.

Мэри вздрогнула; как ни странно, она была рада, что дядя решил ее запереть. Этой ночью дом был похож на западню, даже собственные шаги, гулко звучащие на каменных плитах, отдавались от стен тревожным эхом. А кухня, единственное хоть сколько-то обжитое и теплое место в доме, зияла позади, озаренная желтым зловещим светом. Неужели дядя собирается сидеть там с потушенными свечами, с ружьем на коленях, чего-то ожидая?.. Или кого-то?.. Он

вышел в прихожую, когда Мэри поднималась по лестнице, и проводил ее через площадку до самой спальни.

– Дай сюда ключ, – велел дядя, и она передала его без единого слова.

Он помедлил, глядя на племянницу, а потом нагнулся и закрыл ей ладонью рот.

– Я питаю к тебе слабость, Мэри, – сказал он. – После всего, что ты натерпелась от меня, ты не сломалась, не растеряла своей отваги. Я увидел это сегодня в твоих глазах. Будь я помоложе, я бы приударил за тобой, Мэри, да-да, завоевал бы тебя и уехал бы с тобой навстречу славе. И ты это знаешь.

Девушка ничего не ответила. Дядя стоял за дверью; она смотрела на него, не замечая, что ее рука, державшая свечу, слегка дрожит.

Джосс Мерлин понизил голос до шепота.

– Мне грозит опасность, – сказал он. – Дело не в законе; если на то пошло, я возьму их на испуг. Пусть хоть весь Корнуолл гонится за мной по пятам, мне плевать. Нет, мне приходится остерегаться другого: шагов, Мэри, которые раздаются ночью и снова стихают, и руки, которая может меня сразить.

В полумраке лицо его казалось худым и старым; глаза вдруг вспыхнули, как будто он хотел ей взглядом что-то сказать, и снова потухли.

– Воды Теймара отрежут нас от «Ямайки», – сказал трактирщик, улыбнувшись, и изгиб его губ показался ей до боли родным и знакомым, как отзвук прошлого.

Дядя захлопнул за ней дверь и повернул ключ.

Мэри слышала, как он тяжело спускается по лестнице и идет по коридору; вот он повернул за угол, в кухню, и остановился.

Тогда она подошла к кровати и села, положив руки на колени. И вдруг по какой-то причине, до которой ей не хотелось доискиваться и которую она постаралась тут же забыть, как забывают детские провинности и те сны, о которых не рассказывают при свете дня, она приложила пальцы к губам, как это сделал дядя, и начала водить ими по щеке.

Девушка тихо заплакала, и слезы, капавшие ей на руку, были горькими на вкус.

## Глава 13

Мэри заснула, не раздеваясь, и первая мысль после пробуждения была о том, что буря началась снова и принесла с собой дождь, потоком льющийся в окно. Она открыла глаза и увидела, что ночь тиха, снаружи не доносилось ни шелеста ветра, ни шума дождя. Ее чувства сразу обострились, и девушка стала ждать повторения звука, который ее разбудил. Он тут же раздался снова – земля градом полетела в оконное стекло со двора. Она спустила ноги на пол и прислушалась, взвешивая в уме возможную опасность.

Если это предупреждение, то способ грубый, и лучше не обращать внимания. Кто-то, плохо зная расположение трактира, должно быть, принял ее окно за окно хозяина. Дядя ждал внизу с ружьем на коленях, приготовленным для посетителя; возможно, посетитель пришел и теперь стоит во дворе... Любопытство в конце концов победило, и Мэри тихонько подкралась к окну, держась в тени стенного выступа. Ночь по-прежнему была темная, и тени виднелись повсюду, но внизу, над горизонтом, тонкая линия облаков уже предвещала рассвет.

Значит, она не ошиблась; земля на полу была вполне реальной, как и фигура, стоящая прямо перед дверным навесом: фигура мужчины. Мэри притаилась у окна, ожидая, что незнакомец будет делать дальше. Ночной гость снова наклонился, пошарил в пустой цветочной клумбе под окном гостиной, поднялся и бросил комок грязи в ее окно; по стеклу застучали камешки и земля.

На этот раз Мэри увидела его лицо, и это заставило ее вскрикнуть от изумления, забыв об осторожности, к которой она себя приучила.

Внизу во дворе стоял Джем Мерлин. Девушка тут же открыла окно и высунулась. Она, наверное, окликнула бы его, но Джем знаком велел ей молчать. Он вплотную подошел к стене, обогнув крыльцо, которое иначе заслонило бы Мэри от него, рупором приложил ладони ко рту и прошептал:

– Спустись вниз и отвори мне дверь.

Она покачала головой:

– Не могу. Меня заперли здесь, в комнате.

Джем в замешательстве уставился на нее, явно озадаченный, и оглядел дом, как будто тот мог сам предложить ему какое-нибудь решение. Он провел руками по шиферным плиткам, нащупывая ржавые гвозди, по которым когда-то давно вился плющ, – какая-никакая опора. Джем мог бы дотянуться до черепичного навеса над крыльцом, но там не за что было ухватиться, и он просто болтал бы ногами в воздухе.

– Принеси одеяло с кровати, – тихо сказал он.

Мэри сразу поняла, что требуется, и привязала один конец одеяла к ножке кровати, а другой спустила в окно, и он повис у Джема над головой. Теперь ему было за что ухватиться, и, подтянувшись к покатоному навесу над крыльцом, он смог втиснуться между ним и стеной и, упираясь ногами в плитки, добраться до окна.

Он оседлал козырек, и его лицо оказалось совсем близко, а одеяло болталось рядом. Мэри боролась с оконной рамой, но ее усилия были тщетны. Окно открылось всего лишь на фут, не больше; Джем не смог бы попасть в комнату, не разбив стекло.

– Придется говорить отсюда, – сказал он. – Подойди поближе, чтобы я тебя видел.

Мэри опустила у окна на колени, и они с минуту смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Вид у него был изнуренный, глаза ввалились, как у человека, который давно не спал и очень устал. Возле губ появились морщины, которых Мэри раньше не замечала, и Джем больше не улыбался.

– Я должен перед тобой извиниться, – сказал он наконец. – Я бросил тебя в Лондоне в сочельник, ничего не сказав. Можешь простить меня, можешь не прощать – как хочешь; но причину объяснить пока не могу. Мне очень жаль.

Эта резкая манера не шла ему, – казалось, Джем сильно переменялся, и перемена девушке не нравилась.

– Я думала, с тобой что-то случилось, – ответила она. – Я дошла до «Белого сердца», а там мне сказали, что ты сел в экипаж с каким-то джентльменом, и все; что ты ничего не просил передать, ни слова объяснения. Там, у камина, стоял барышник, который разговаривал с тобой на базарной площади, со своей компанией. Неприятные люди, слишком любопытные, и я им не поверила. Я боялась, не обнаружилось ли, что пони краденый. Мне было очень скверно, я испугалась. Но тебя я ни в чем не виню. В конце концов, это твое дело.

Мэри была задета его поведением. Она ожидала чего угодно, только не этого. Когда девушка увидела Джема во дворе, за окном, она думала, что любимый человек пришел к ней ночью, потому что хотел ее увидеть. Его холодность погасила страсть Мэри, и она тут же замкнулась, надеясь только, что Джем не заметил разочарования на ее лице.

Он даже не спросил Мэри, как она добралась обратно в ту ночь, и его безразличие ошеломило ее.

– Почему тебя заперли? – спросил он.

Мэри пожала плечами, и голос ее прозвучал равнодушно и уныло:

– Мой дядя не любит соглядатаев. Он боится, что я буду слоняться по коридору и раскрою его тайны. Ты, кажется, тоже не любишь назойливости. Вопрос, что ты делаешь здесь сегодня ночью, наверное, оскорбил бы тебя.

– Язви сколько хочешь, я это заслужил. – Джем внезапно вспыхнул. – Я знаю, что ты обо мне думаешь. Когда-нибудь я смогу все объяснить, если только ты не упорхнешь. Можешь хоть минуту вести себя как мужчина и забыть про уязвленную гордость и любопытство. Я иду по краю, Мэри, один неверный шаг – и мне конец. Где мой брат?

– Дядя сказал нам, что всю ночь проведет в кухне. Он чего-то боится; или кого-то. Окна и двери заперты, и у него ружье.

Джем хохотнул:

– Не сомневаюсь, что он боится. Через несколько часов он испугается еще больше. Я пришел повидать Джосса, но, если он сидит там с ружьем на коленях, я могу отложить свой визит до завтра, когда тени рассеются.

– Завтра может быть слишком поздно.

– Почему это?

– Он намерен уехать отсюда, как только стемнеет.

– Это правда?

– Зачем мне тебе лгать сейчас?

Джем замолчал. Эта новость, очевидно, застала его врасплох, и он ее обдумывал. Мэри наблюдала за ним, мучимая сомнениями и нерешительностью; ею снова овладели прежние подозрения. Это Джем – тот посетитель, которого ждет Джосс, а значит, ненавидит и боится. Он – тот человек, который дергает ее дядю за ниточки. Насмешливое лицо разносчика снова всплыло перед ее мысленным взором, и она услышала его слова, которые вызвали у трактирщика такую вспышку ярости: «Послушай-ка, Джосс Мерлин, тобой командует кто-то другой?» Человек, чей ум поставил себе на службу силу трактирщика; человек, который прятался в пустой комнате.

Мэри снова вспомнила, как Джем, веселый и беззаботный, привез ее в Лондон, как он держал ее за руку на базарной площади, целовал и обнимал. Теперь он был мрачен и молчалив, лицо его скрывала тень. Мысль о его двуличии тревожила и пугала. Сегодня Джем казался ей незнакомцем, поглощенным некоей мрачной целью, которой она не могла понять. То, что

она предупредила его о предполагаемом бегстве трактирщика, было ошибкой с ее стороны; это могло разрушить все ее планы. Что бы Джем ни сделал или ни замыслил, даже будь он лживым и вероломным убийцей, она все равно по своей слабости любила его и должна была предостеречь.

– Будь осторожен, когда будешь говорить с братом, – сказала Мэри. – Дядя в опасном настроении: всякий, кто захочет помешать его планам, рискует жизнью. Я говорю это ради твоей безопасности.

– Я не боюсь Джосса и никогда не боялся.

– Может быть, и нет, но что, если он тебя боится?

На это Джем ничего не сказал, но, внезапно наклонившись, посмотрел девушке в лицо и дотронулся до ссадины, которая тянулась у нее от лба до подбородка.

– Кто это сделал? – резко спросил он, обратив внимание и на синяк у нее на щеке.

Помедлив, Мэри ответила:

– Я получила их в сочельник.

Его глаза сверкнули, и ей сразу стало ясно, что Джем все понял и знал о том вечере, и именно поэтому он сейчас здесь, в трактире «Ямайка».

– Ты была с ними на берегу? – прошептал он.

Мэри кивнула, внимательно наблюдая за ним, не решаясь говорить. Джем громко выругался и, подавшись вперед, разбил кулаком окно, нимало не заботясь о том, что разбитое стекло зазвенело и кровь тут же хлынула из пореза на руке. Теперь Джем без труда влез в комнату и оказался рядом с Мэри прежде, чем она поняла, что он сделал. Он подхватил ее на руки, отнес на кровать и уложил; с трудом нашарив в темноте свечу, он зажег ее, вернулся к кровати и опустился рядом на колени, освещая девушке лицо. Он водил пальцем по синякам на ее шее, и, когда она вздрогнула от боли, Джем коротко вздохнул, и опять Мэри услышала, как он выругался.

– Я мог уберечь тебя от этого, – сказал он, а затем, задув свечку, сел рядом с нею на кровать, взял ее руку, подержал немного и отпустил. – Господи, зачем ты с ними поехала?

– Они ошалели от пьянства и, по-моему, сами не знали, что делают. Я против них была беспомощна, как ребенок. Их оказалась целая дюжина, если не больше, и мой дядя... он вел их. Он и разносчик. Если ты об этом знаешь, то зачем спрашиваешь? Не заставляй меня вспоминать. Я не хочу вспоминать.

– Они сильно тебя избили?

– Синяки, царапины – сам видишь. Я пыталась убежать и рассадила бок. Конечно, они меня опять поймали, связали по рукам и ногам на берегу и заткнули мне рот мешковиной, чтобы я не могла кричать. Я видела, как сквозь туман идет корабль, – и ничего не могла сделать, одна, на ветру и под проливным дождем. Мне пришлось смотреть, как несчастные умирают.

Голос Мэри сорвался, она замолчала и повернулась на бок, закрыв лицо руками. Джем не шевелился. Он молча сидел рядом на кровати, и девушка чувствовала, что он далек от нее, окутанный тайной.

Она стала еще более одинокой, чем прежде.

– Мой брат обращался с тобой хуже всех? – спросил Джем чуть погодя.

Мэри устало вздохнула. Не все ли равно, теперь это уже не имело значения.

– Я же сказала, что дядя был пьян, – ответила она. – А ты ведь лучше меня знаешь, на что он тогда способен.

– Знаю. – Джем помолчал, потом снова взял ее за руку. – Джосс заплатит за это жизнью, – сказал он.

– Его смерть не вернет тех, кого он убил.

– Я сейчас думаю не о них.

– Если ты думаешь обо мне, можешь не тревожиться. Я сама способна за себя постоять. По крайней мере одному я научилась – полагаться только на себя.

– Женщины – слабые существа, Мэри, несмотря на всю их смелость. Лучше тебе сейчас держаться от всего этого подальше. Я найду выход.

Девушка не ответила. У нее были свои планы, и Джем в них не входил.

– Что ты собираешься делать? – спросил он.

– Я еще не решила, – солгала она.

– Если Джосс уезжает завтра ночью, тебе некогда особенно раздумывать, – сказал Джем.

– Он уверен, что я поеду с ним. И тетя Пейшенс тоже.

– А на самом деле?

– Это зависит от того, что будет завтра.

Несмотря на чувство к нему, она не спешила посвящать Джема в свои планы. Она по-прежнему ничего о нем не знала, к тому же он не в ладах с законом. Тут девушке пришло в голову, что, выдав своего дядю, она может выдать и его младшего брата.

– Если я тебя кое о чем попрошу, что ты мне ответишь? – спросила Мэри.

Тут Джем впервые улыбнулся, насмешливо и снисходительно, как тогда в Лонстоне, и ее сердце тут же рванулось к нему, ободренное этой переменной.

– Откуда я знаю? – сказал он.

– Я хочу, чтобы ты ушел.

– Ухожу немедленно.

– Нет, я имею в виду – прочь с пустошей, подальше от трактира «Ямайка». Я хочу, чтобы ты пообещал мне, что не вернешься сюда. Я могу бороться с твоим братом, он мне теперь не страшен. Но не хочу, чтобы ты завтра оказался здесь. Пожалуйста, обещай мне, что уедешь.

– Что у тебя на уме?

– Тебя это не касается, но ты можешь угодить в ловушку. Больше я ничего не скажу. Лучше тебе поверить.

– Поверить? Господи, конечно я тебе верю. Это ты не хочешь мне довериться, глупышка. – Джем беззвучно засмеялся и, склонившись над нею, обнял и поцеловал Мэри так, как целовал в Лонстоне, но только нарочито сердясь. – Раз так, веди свою игру сама и не вмешивайся в мою. Если ты ищешь приключений, я не могу тебе помешать, но ради своего прекрасного личика, которое я целовал и поцелую еще, держись подальше от опасности. Ты же не хочешь себя погубить? Теперь мне пора, через час уже будет светло. А если у нас обоих планы сорвутся, что тогда? Что, если мы больше не увидимся? Ну конечно, тебе будет все равно.

– Я этого не говорила. Ты ничего не понимаешь.

– Женщины думают не так, как мужчины: мы движемся разными путями. Вот почему я их недолюбливаю: от них только неприятности и неразбериха. Было славно прокатиться с тобой в Лонстон, Мэри, но когда дело идет о жизни и смерти, как сейчас, ей-богу, я хотел бы, чтобы ты оказалась за сотню миль отсюда и сидела бы важно с шитьем на коленях где-нибудь в опрятной гостиной, где тебе самое место.

– Такого никогда со мной не было и не будет.

– Почему нет? Когда-нибудь ты выйдешь замуж за фермера или за мелкого торговца и заживешь, пользуясь уважением соседей. Только не рассказывай им, что ты когда-то жила в трактире «Ямайка» и что тебя любил конокрад. Они тебя тогда на порог не пустят. До свидания, и удачи.

Джем встал и пошел к окну. Он пролез в дыру, которую пробил в стекле, и, обхватив ногами столб крыльца и одной рукой держась за одеяло, спустился на землю.

Мэри наблюдала за ним из окна и инстинктивно помахала рукой на прощание, но Джем повернулся и пошел, не оглянувшись, скользя по двору, как тень. Девушка медленно втянула наверх одеяло и положила его обратно на кровать. Скоро наступит утро; ей больше не заснуть.

Мэри сидела на кровати, ждала, когда отпрут ее дверь, и строила планы на ближайший вечер. Нельзя навлечь на себя подозрения; весь этот долгий день она должна быть покорной, даже слегка угрюмой, как будто она окончательно сломлена и готова отправиться в путь с трактирщиком и тетей Пейшенс.

Потом она придумает какой-нибудь предлог – скажем, усталость, желание отдохнуть у себя в комнате перед трудным ночным путешествием, – и тут наступит самый опасный момент. Мэри должна будет покинуть трактир «Ямайка» тайно и незаметно и, как заяц, помчаться в Олтернан. На этот раз Фрэнсис Дейви поймет, что настало время действовать и что медлить нельзя. Обо всем договорившись, она вернется в трактир и будет надеяться, что ее отсутствие осталось незамеченным. Это рискованно. Если трактирщик зайдет к ней в комнату и увидит, что племянницы нет, за ее жизнь нельзя будет дать и ломаного гроша. Она должна быть готова к этому. Тогда никакие объяснения не спасут. Но если дядя поверит, что она спокойно спит, игра продолжится. Дядя с тетей станут готовиться к путешествию; возможно, они даже усядутся в повозку и выедут на дорогу; за то, что случится потом, она не в ответе. Их судьба окажется в руках викария из Олтернана. Чем все закончится, она не могла представить, да и не испытывала большого желания заглядывать вперед.

Итак, Мэри ждала рассвета, а когда он наступил, долгие дневные часы тянулись бесконечно; каждая минута казалась часом, а час – частицей самой вечности. Все трое ощущали напряжение. В молчании, мучительно, они ждали ночи. Мало что можно было сделать при свете дня: всегда мог появиться кто-то незванный. Тетя Пейшенс слонялась из кухни в комнату, делая беспомощные и бессмысленные приготовления, и ее семенящие шаги непрерывно раздавались в коридоре и на лестнице. Она увязывала в узлы то немногое, что было у нее из одежды, потом снова развязывала, когда воспоминание о какой-нибудь забытой вещи всплывало в ее рассеянном сознании. Женщина беспечно возилась в кухне, перебирая свои горшки и сковородки беспокойными пальцами, не в состоянии решить, что взять с собой, а что оставить. Мэри помогала ей как могла, но это было непросто: ведь в отличие от тети Мэри знала, что весь этот труд напрасен.

Ее сердце временами тревожно замирало, когда она позволяла своим мыслям обратиться к будущему. Как поступит тетя Пейшенс? Что с ней станет, когда арестуют ее мужа? Она – ребенок, и надо обращаться с ней как с ребенком. Вот Пейшенс опять засеменила из кухни и поднялась по лестнице к себе в комнату, и Мэри слышала, как она стаскивает на пол свой сундук и ходит взад-вперед, взад-вперед, заворачивая единственный подсвечник в шаль и укладывая его бок о бок с треснутым чайником и выцветшим муслиновым чепцом и тут же разворачивая их снова и заменяя сокровищами еще более древними.

Джосс Мерлин мрачно наблюдал за женой, то и дело раздраженно ругая ее, когда она что-нибудь роняла на пол или спотыкалась. За ночь его настроение опять переменялось. Бдение в кухне его не утихомирило, а то, что ночные часы прошли спокойно и посетитель не нагрязнул к нему, взбудоражило дядю еще больше, если только такое было возможно. Он слонялся по дому, нервный и рассеянный, временами что-то бормотал себе под нос, выглядывал в окна, как будто ожидал чьего-то внезапного появления. Его нервозность сказывалась на жене и на Мэри. Тетя Пейшенс тревожно наблюдала за ним и тоже поглядывала на окна и прислушивалась; ее рот непрерывно дергался, руки комкали передник.

Разносчика в запертой комнате совсем не было слышно, и трактирщик не ходил к нему и не упоминал о нем; это молчание само по себе было зловещим, странным и противоестественным. Если бы разносчик выкрикивал непристойности или ломился в дверь, это больше соответствовало бы его характеру, но он затаился там, в темноте, беззвучно и неподвижно, и при всем своем отвращении к нему Мэри содрогнулась при мысли о том, что он, возможно, умер.

Во время полдника они сидели в кухне вокруг стола и ели молча, почти украдкой, и трактирщик, у которого обычно был волчий аппетит, мрачно барабанил пальцами по столу, и

холодное мясо лежало на его тарелке нетронутым. Один раз Мэри подняла глаза и увидела, что он смотрит на нее из-под косматых бровей. В ее голове пронеслась ужасная мысль, что дядя ее подозревает и что-то знает о ее планах. Девушка рассчитывала на его хорошее настроение после минувшей ночи и приготовилась, если нужно, подыграть ему, пошутить при случае и ни в чем ему не перечить. Однако дядя сидел угрюмый и мрачный, а она уже знала это его состояние и понимала, что оно влечет за собой опасность. Наконец Мэри собралась с духом и спросила, когда он намеревается покинуть трактир «Ямайка».

– Когда буду готов, – бросил трактирщик и умолк.

Но она заставила себя продолжить. Помогая убирать со стола и думая, что громоздит ложь на ложь, Мэри внушила тете, что для путешествия необходимо собрать корзинку со съестным, и тут снова обратилась к дяде.

– Если мы поедем ночью, – сказала она, – не лучше ли тете Пейшенс и мне отдохнуть до вечера, чтобы со свежими силами отправиться в дорогу? Сегодня никому из нас спать не придется. Тетя Пейшенс на ногах с самого рассвета, да и я тоже. По-моему, от нас до сумерек не будет никакого проку.

Мэри старалась говорить непринужденно, но сердце у нее сжалось – верный знак того, что она с опаской ждет ответа; она не могла посмотреть дяде в глаза. Он с минуту обдумывал ее слова, и, чтобы справиться с волнением, девушка отвернулась и сделала вид, будто роется в буфете.

– Можете отдохнуть, если хотите, – ответил он наконец. – Вы обе будете нужны позже. Ты права, сегодня вам спать не придется. Идите! Буду рад на время от вас избавиться.

Первый шаг был сделан, и Мэри немного задержалась, якобы что-то прибирая в буфете: она боялась, что ее поспешный уход из кухни вызовет подозрения. Тетя, которая всегда слушалась как марионетка, смиренно последовала за ней наверх и поплелась по дальнему коридору в свою комнату, словно послушный ребенок.

Мэри вошла в свою комнатку над крыльцом и заперла дверь. В предвкушении приключения ее сердце колотилось, и она не знала, что сейчас перевешивало: возбуждение или страх. До Олтернана около четырех миль, и она может пройти это расстояние за час. Если Мэри выйдет из трактира «Ямайка» в четыре, когда начнет темнеть, вернется она вскоре после шести, а трактирщик вряд ли придет будить ее раньше семи. Значит, у нее есть три часа, чтобы сыграть свою роль, и девушка уже придумала способ, как ей выбраться. Она вылезет на крышу крыльца и спрыгнет на землю, как это утром проделал Джем. Не так уж трудно, ничего, кроме ссадин и небольшой встряски, ей не грозит. Во всяком случае, это безопаснее, чем рисковать наткнуться внизу, в коридоре, на дядю. Тяжелую входную дверь бесшумно не отопрешь, а выйти через бар – значит пройти мимо открытой кухни.

Мэри надела самое теплое платье и дрожащими, горячими руками обвязала вокруг плеч старую шаль. Необходимость выждать досаждала больше всего. Как только она окажется на дороге, цель впереди придаст ей смелости, да и ходьба ее взбодрит.

Девушка сидела у окна и смотрела на пустой двор, на большую дорогу, по которой никто никогда не проезжал, и ждала, когда часы внизу пробьют четыре. Наконец звуки разнеслись в тишине, ударяя по нервам, как сигнал тревоги. Отпирая дверь, девушка на миг прислушалась: ей показалось, что ударам часов эхом вторят шаги, раздались какие-то шорохи.

Конечно, это была игра воображения; ничто не шелохнулось. Часы продолжали тикать, отсчитывая следующий час. Теперь дорога каждая секунда, нужно уходить, не теряя времени. Мэри закрыла дверь, снова заперла ее и подошла к окну. Она пролезла сквозь разбитое стекло, держась руками за подоконник, в один миг оказалась верхом на козырьке и глянула вниз, на землю.

Теперь, сверху, расстояние казалось больше, к тому же у нее не было одеяла, на котором она могла бы повиснуть, как Джем. Скользкие столбы крыльца не давали опоры рукам

или ногам. Мэри обернулась, отчаянно цепляясь за подоконник, внезапно показавшийся таким надежным, чуть ли не родным, потом закрыла глаза и прыгнула. Ее ноги почти сразу же ощутили землю – прыжок оказался пустяковым, как она и предполагала, но девушка ободрала себе руки о черепицу, и это живо напомнило ей о предыдущем падении – из экипажа в овраге у берега.

Мэри посмотрела на трактир «Ямайка», с закрытыми окнами, зловеющий и серый в надвигающихся сумерках; она подумала обо всех ужасах, свидетелем которых был этот дом, о тайнах, которые вьелись в его стены вместе с другими воспоминаниями – о праздниках, огнях и веселом смехе, – все это было до того, как на это место легла мрачная тень дяди. Она отвернулась, как инстинктивно отворачиваются от обителю мертвых, и вышла на дорогу.

Вечер был ясный – по крайней мере тут ей повезло, – и Мэри двигалась к своей цели, устремив взгляд на длинную белую дорогу, которая лежала впереди. Пока она шла, спустились сумерки, и через пустоши, простиравшиеся с обеих сторон от нее, потянулись тени. Вдали слева высокие скалистые вершины, перед этим окутанные туманом, поглотила тьма. Было очень тихо и безветренно. Скоро взойдет луна. Мэри подумала, принял ли дядя в расчет это природное явление, которое прольет свет на его замыслы. Для нее луна не имела значения. Сегодня она не боится пустошей; ее дело – дорога. Пустоши не опасны, если не приходится идти по ним; пусть себе виднеются вдали.

Наконец Мэри добралась до перекрестка Пяти Дорог, где пути расходятся, и повернула налево, вниз по крутому холму в Олтернан. По мере того как она проходила мимо мерцающих огоньков домов и вдыхала приятный запах печного дыма, ее волнение возрастало. Девушка слышала давно знакомые ей звуки, которых она так долго была лишена: лай собаки, шорох деревьев, звяканье ведра – кто-то берет воду из колодца. Здесь были открытые двери, и изнутри доносились голоса. За забором кудахтали куры. Женщина пронзительно звала ребенка, и тот отвечал плачем. Мимо прогромычала телега, и возница вежливо с ней поздоровался. Здесь царили мир и покой; здесь были все деревенские запахи, такие знакомые и родные. Она прошла мимо; Мэри направлялась к дому священника рядом с церковью. Света там не было. Дом был окутан тьмой и молчанием. Деревья сомкнулись над ним, и снова у девушки создалось то же впечатление, что и в первый раз: этот дом живет своим прошлым, и теперь он спит, ничего не ведая о настоящем. Она постучала, слыша, как удары дверного молотка разносятся по пустому дому. Мэри заглянула в окна, но ее глаза не увидели ничего, кроме мягкой и безмолвной темноты.

Затем, ругая себя за глупость, она вернулась к церкви. Конечно, Фрэнсис Дейви там. Сегодня ведь воскресенье. Девушка помедлила, не зная, как поступить, и тут калитка отворилась и на дорогу вышла женщина с цветами в руках.

Она пристально посмотрела на Мэри и, увидав перед собой незнакомку, прошла бы мимо, пожелав доброй ночи, если бы Мэри не повернулась и не последовала за ней.

– Простите, – сказала она. – Я видела, как вы вышли из церкви. Скажите, пожалуйста, мистер Дейви там?

– Нет, его нет, – сказала женщина и немного помолчала. – Вы хотели его видеть?

– Мне очень нужно, – сказала Мэри. – Я была у него дома, но не могла достучаться. Вы мне не поможете?

Женщина посмотрела на нее с любопытством, потом покачала головой.

– Извините, – сказала она, – но викария нет дома. Он сегодня уехал проповедовать в другом приходе, за много миль отсюда. Сегодня он вряд ли вернется в Олтернан.

## Глава 14

Сначала Мэри не поверила.

– Нет дома? – повторила она. – Но это невозможно. Вы, наверное, ошибаетесь?

Она так надеялась, что не могла принять этот внезапный и роковой удар. Женщина казалась обиженной; она не понимала, почему эта незнакомка сомневается в ее словах.

– Викарий отбыл из Олтернана вчера днем, – сказала она. – Он уехал верхом после обеда. Уж я-то знаю, потому что веду его хозяйство.

Должно быть, она заметила горькое разочарование Мэри, потому что смягчилась и заговорила более доброжелательно.

– Если вы хотите ему что-нибудь передать, когда он вернется, то я... – начала она, но Мэри безнадежно покачала головой; новость лишила ее решимости и мужества.

– Будет слишком поздно, – сказала она в отчаянии. – Это вопрос жизни и смерти. Если мистера Дейви нет, тогда я не знаю, к кому обратиться.

В глазах женщины снова блеснуло любопытство.

– Кто-нибудь заболел? – спросила она. – Я могу вам показать, где живет наш доктор. Откуда вы пришли так поздно?

Мэри не ответила. Она отчаянно искала выход из положения. Прийти в Олтернан и потом ни с чем вернуться назад в трактир «Ямайка» она не могла. Нельзя было и рассказать все жителям деревни, да они и не поверили бы ей. Она должна найти кого-то, облеченного властью, – кого-то, кто кое-что знает о Джоссе Мерлине и трактире «Ямайка».

– Где здесь поблизости живет судья? – спросила она наконец.

Женщина наморщила лоб и задумалась.

– Здесь рядом, в Олтернана, судьи нет, – сказала она с сомнением. – Да, ближайшим будет сквайр Бассат, там, в Норт-Хилле, а это, наверное, больше четырех миль отсюда – или около того. Не могу сказать точно, потому что я там никогда не была. Но вы же не пойдете туда прямо сейчас?

– Я должна, – заявила Мэри, – мне больше ничего не остается. И я не могу терять времени. Простите меня за эту таинственность, но я в большой беде, и только ваш викарий или судья может мне помочь. Скажите, а дорогу в Норт-Хилл трудно найти?

– Нет, это довольно просто. Вы пройдете две мили по Лонстонской дороге, потом свернете направо у заставы. Но негоже девушке вроде вас идти туда пешком, ночью! Сама бы я ни за что не пошла. Народ на пустоши иногда попадаетея скверный, этим людям нельзя доверять. Мы нынче не осмеливаемся из дому и носа высунуть, ведь даже на большой дороге случаются грабеж и насилие.

– Спасибо за сочувствие, я вам очень благодарна, – сказала Мэри, – но я всю жизнь прожила в пустынных местах и не боюсь.

– Как хотите, – ответила женщина, – но лучше бы вам остаться здесь и подождать викария.

– Это невозможно, – сказала Мэри, – но, когда он вернется, не могли бы вы передать ему, что... Хотя подождите: если у вас есть перо и бумага, я напишу викарию записку; так будет лучше.

– Пойдемте в дом и пишите что хотите. После вашего ухода я сразу же отнесу записку викарию и оставлю на столе, так что он увидит ее, как только вернется.

Мэри вошла за женщиной в дом и с нетерпением ждала, пока та отыщет в кухне перо. Время стремительно таяло, и непредвиденное путешествие в Норт-Хилл нарушило все прежние расчеты.

Вряд ли она теперь сможет вернуться в трактир «Ямайка», повидав мистера Бассата, и при этом надеяться, что ее отсутствие осталось незамеченным. Дядя поймет, что значит ее бегство, и покинет трактир раньше намеченного времени. В таком случае ее поступок окажется напрасным... Наконец женщина вернулась с бумагой и гусиным пером, и Мэри в отчаянии стала писать, не задумываясь и не выбирая слов.

*Я пришла сюда просить Вас о помощи, а Вас не было, – нацарапала она. – К этому времени Вы наверняка уже слышали, как и все в округе, об ужасном кораблекрушении на берегу в канун Рождества.*

*Это сделал мой дядя, он и его компания из трактира «Ямайка», о чем Вы, наверное, уже догадались. Он знает, что скоро все откроется, и поэтому хочет уехать из трактира сегодня ночью и переправиться через Теймар в Девон. Поскольку Вас нет, я сейчас как можно скорее отправлюсь к мистеру Бассату в Норт-Хилл рассказать ему все и предупредить судью о побеге, чтобы он мог сразу послать в трактир «Ямайка» и моего дядю схватили бы, пока не поздно. Я отдаю эту записку Вашей экономке, которая обещала, что положит ее в такое место, где Вы сразу ее увидите, когда вернетесь. Я очень спешу.*

*Мэри Йеллан*

Мэри сложила послание и отдала стоявшей рядом женщине, поблагодарив ее и заверив, что не боится дороги. Итак, она снова отправилась пешком за четыре с лишним мили в Норт-Хилл. Девушка покидала Олтернан с тяжелым сердцем, чувствуя ужасное одиночество.

Она так верила во Фрэнсиса Дейви, даже сейчас ей было трудно смириться; своим отсутствием он предал ее. Конечно, викарий не знал, что нужен ей, а даже если бы и знал, то, возможно, не стал бы менять свои планы; у него могут быть дела поважнее. Было горько оставлять позади огни Олтернана, так ничего и не добившись; это повергало ее в уныние. Может быть, как раз в эту минуту дядя ломится в дверь ее спальни и требует, чтобы Мэри ответила. Он подождет минуту, а потом высадит дверь. Он увидит, что племянницы нет, и разбитое окно подскажет ему, каким образом та улизнула. Можно только гадать, разрушит ли это его планы и что он сделает дальше. Главной заботой Мэри была тетя Пейшенс, и мысль о том, как та отправляется в путь, словно дрожащая собака, привязанная к хозяину, заставила Мэри бежать по пустынной белой дороге, сжав кулаки и стиснув зубы.

Наконец она добралась до заставы и свернула вниз по узкому извилистому проселку, как и объяснила ей женщина из Олтернана. Высокие изгороди с обеих сторон заслоняли окрестность, и мрачная пустошь была скрыта от ее глаз. Тропинка извивалась и сворачивала, как дороги в Хелфорде, и эта смена пейзажа, столь контрастировавшая с открытой большой дорогой, опять вселила надежду. Мэри подбадривала себя, мысленно рисуя семью Бассат, таких же добрых и вежливых, как Вивианы в Трилуоррене, представляя, как они выслушают ее с сочувствием и пониманием. Когда сквайр нагрязнул в трактир «Ямайка», он был в наисквернейшем настроении, и теперь Мэри с сожалением думала о том, как помогла его обмануть. Что же до его супруги, то ей уже, должно быть, известно, что конокрад на базарной площади в Лонстоне ее одурачил, и Мэри повезло, что ее не было рядом с Джемом, когда пони продали его же законному владельцу. Она продолжала фантазировать, идеализируя семью Бассат, но невольно ей приходили на память все досадные мелочи, и в глубине души девушка с тревогой думала о предстоящем разговоре.

Ландшафт опять изменился: вокруг поднялись холмы, лесистые и темные, и где-то вдалеке журчал и бился о камни ручей. Пустошь кончилась. Над лесом вдали взошла луна, и теперь Мэри шла уверенно: лунный свет освещал ей путь вниз, в долину, под сень дружелюбных деревьев. Наконец она подошла к сторожке у ворот в самом начале подъездной дороги; проселок уходил дальше, в деревню.

Должно быть, деревня – это Норт-Хилл, а здесь – имение и дом, принадлежащие сквайру. Мэри двинулась по аллее к дому, а где-то вдалеке часы на колокольне пробили семь. Вот уже

три часа, как она ушла из «Ямайки». Девушка снова разволновалась, обходя дом, большой и неприветливый в темноте: луна была еще невысоко и не могла осветить его своим ласковым светом. Мэри раскачала большой колокол, и на этот звук тут же отозвался яростный лай собак. Она ждала и наконец услышала внутри шаги; слуга открыл дверь. Он прикрикнул на собак, которые, просунув в дверь носы, обнюхивали ноги Мэри. Она почувствовала себя маленькой и жалкой и застеснялась своего старого платья и шали. Слуга посмотрел на нее выжидательно.

– Я пришла к мистеру Бассату по неотложному делу, – сказала она. – Он не знает моего имени, но, если бы он уделил мне несколько минут, я бы все объяснила. Это дело чрезвычайной важности, иначе я не стала бы беспокоить сквайра в такой час, да еще в воскресный вечер.

– Сегодня утром мистер Бассат уехал в Лонстон, – ответил слуга. – Его срочно вызвали, и он еще не вернулся.

На этот раз Мэри не выдержала, и у нее вырвался вопль.

– Я проделала длинный путь, – сказала она с отчаянием, как будто сила ее горя могла заставить сквайра вернуться. – Если я не увижу его в течение часа, случится нечто ужасное, и страшный преступник избежит правосудия. Вы смотрите на меня безучастно, но я говорю правду. Господи, что же мне делать...

– Миссис Бассат дома, – ответил слуга, охваченный любопытством. – Возможно, она вас примет, если у вас такое неотложное дело, как вы говорите. Пройдемте со мной в библиотеку. Не бойтесь собак, они вас не тронут.

Мэри прошла через вестибюль, как в тумане, зная только, что ее план опять сорвался по чистой случайности и что теперь она не в силах что-либо предпринять.

Просторная библиотека с пылающим камином показалась ей какой-то нереальной, привыкшие к темноте глаза Мэри зажмурились, когда поток света ударил ей в лицо. Женщина, в которой она тут же узнала изящную даму с базарной площади в Лондоне, сидела в кресле у камина, читая двоим детям вслух; она удивленно подняла взгляд, когда в комнату привели Мэри.

Слуга начал свои объяснения несколько взволнованно.

– У этой молодой особы очень плохая новость для сквайра, мадам, – сказал он. – Я подумал, что лучше всего провести ее прямо к вам.

Миссис Бассат тут же вскочила, уронив с коленей книгу.

– Что-нибудь с лошадьми? – спросила она. – Ричардс говорил мне, что Соломон кашляет, а Бриллиант отказывается от корма. При таком помощнике конюха все что угодно может случиться.

Мэри покачала головой.

– У вас дома все в порядке, – угрюмо произнесла она. – У меня новость иного рода. Если бы я могла поговорить с вами наедине...

Миссис Бассат явно испытала облегчение оттого, что с ее лошадьми ничего не случилось, и быстро что-то сказала детям. Они выбежали из комнаты, за ними последовал слуга.

– Что я могу для вас сделать? – любезно спросила хозяйка. – Вы бледны и утомлены. Не хотите ли присесть?

Мэри нетерпеливо потрясла головой:

– Спасибо, но мне нужно знать, когда мистер Бассат вернется домой.

– Понятия не имею, – ответила его супруга. – Сегодня утром мужу пришлось срочно уехать, и, говоря по правде, я серьезно обеспокоена. Если этот ужасный трактирщик окажет сопротивление, мистера Бассата могут ранить, несмотря на присутствие солдат.

– Что вы имеете в виду? – быстро спросила Мэри.

– Сквайр отправился на крайне опасное дело. Ваше лицо мне незнакомо, значит вы, скорее всего, не из Норт-Хилла, иначе вы знали бы о Мерлине, который держит трактир на Бодминской дороге. Мой муж уже некоторое время назад стал подозревать его в страшных

преступлениях, но только сегодня утром получил неопровержимые доказательства. Он тут же отбыл в Лонстон за подмогой, и, судя по тому, что сказал мне перед отъездом, он намеревается сегодня ночью окружить трактир и схватить его обитателей. Конечно, муж поедет туда хорошо вооруженный и с большим отрядом солдат, но я не успокоюсь, пока он не вернется.

Должно быть, что-то в лице Мэри насторожило миссис Бассат, потому что она вдруг сильно побледнела, попятилась к камину и потянулась к тяжелой сонетке, висевшей на стене.

– Вы та девушка, о которой муж мне рассказывал, – быстро проговорила она, – племянница трактирщика. Стойте на месте, не двигайтесь, не то я позову слуг. Это вы и есть. Я догадалась; он описал мне вас. Что вам от меня нужно?

Мэри протянула к ней руку; лицо ее было столь же бледно, как лицо хозяйки.

– Я не причиню вам зла, – сказала Мэри. – Пожалуйста, не звоните. Позвольте мне все объяснить. Да, я та самая девушка из трактира «Ямайка».

Миссис Бассат не доверяла ей. Она тревожно следила за Мэри и держала руку на сонетке.

– У меня при себе нет денег, – сказала она. – Я ничем не могу вам помочь. Если вы пришли в Норт-Хилл просить за дядю, то уже слишком поздно.

– Вы меня неправильно поняли, – спокойно возразила Мэри. – И хозяин трактира «Ямайка» не приходится мне кровным родственником, он всего лишь муж моей тети. Почему я там жила, сейчас не важно, да и слишком долго рассказывать. Я боюсь и ненавижу Джосса Мерлина больше, чем вы или кто-либо другой в округе, и у меня есть на то причина. Я пришла сюда сегодня предупредить мистера Бассата, что Джосс Мерлин намерен нынче ночью покинуть трактир и таким образом ускользнуть от правосудия. У меня есть твердые доказательства его вины; я не думала, что они есть у мистера Бассата. Вы говорите, что он уже уехал и, может быть, как раз сейчас находится в трактире «Ямайка». Значит, я напрасно потеряла время, прибежав сюда.

Тут Мэри села, сложив руки на коленях, и тупо уставилась в огонь. Ее силы иссякли, и сейчас она не могла думать о том, что будет дальше. Усталый мозг твердил ей только одно: все ее сегодняшние усилия оказались тщетны. Ей незачем было покидать свою комнату в трактире «Ямайка». Мистер Бассат явился бы все равно. А теперь она совершила ту самую ошибку, которой так хотела избежать. Она отсутствовала слишком долго, ее дядя обо всем догадался и, скорее всего, благополучно удрал. Сквайр Бассат и его люди приедут в опустевший трактир.

Мэри снова подняла глаза на хозяйку дома.

– Я поступила очень неразумно, придя сюда, – сказала она с отчаянием в голосе. – Я решила, что ловко придумала, а на самом деле только одурачила саму себя и всех остальных. Дядя увидит, что моя комната пуста, и сразу же догадается, что я его выдала. Он улизнет из трактира еще до того, как приедет мистер Бассат.

Супруга сквайра отпустила сонетку и подошла к девушке.

– Вы говорите искренне, и у вас честное лицо, – ласково сказала она. – Простите, если я сперва судила о вас неверно, но у трактира «Ямайка» дурная слава, и я уверена, что всякий испугался бы, неожиданно столкнувшись с племянницей трактирщика. Вас поставили в ужасное положение, и, по-моему, вы поступили очень смело, придя сюда сегодня, проделав в одиночку такой длинный путь, чтобы предупредить моего мужа. Я бы сошла с ума от страха. Скажите же, что я могу для вас сделать? Я хочу помочь вам, только объясните как.

– Теперь уже ничего нельзя сделать, – ответила Мэри, качая головой. – Наверное, я должна ждать, когда вернется мистер Бассат. Он не слишком мне обрадуется, когда узнает, что я натворила. Видит бог, я заслужила все упреки...

– Я заступлюсь за вас, – пообещала миссис Бассат. – Вы не могли знать, что моему мужу уже обо всем известно, и я быстро его успокою, если понадобится. Слава богу, что вы здесь, в безопасности.

– Как получилось, что сквайр вдруг внезапно обо всем узнал? – спросила Мэри.

– Понятия не имею; сегодня утром за ним совершенно неожиданно прибыл гонец, как я уже говорила, и он рассказал мне суть дела только в общих чертах, пока ему седлали лошадь. А теперь располагайтесь, отдохните и забудьте на время про весь этот ужас. Вы, должно быть, до смерти проголодались.

Хозяйка снова подошла к камину и на этот раз дернула за сонетку три или четыре раза. Несмотря на тревогу и усталость, Мэри не могла не отметить иронию этой ситуации. Ее привлекает хозяйка дома, минуту назад грозившаяся, что ее схватят те самые слуги, которые сейчас подадут ей ужин. Мэри вспомнила и о сцене на базарной площади, когда эта дама, в бархатном плаще и шляпе с перьями, дорого заплатила за своего же пони. Интересно, раскрылась ли та проделка? Если бы миссис Бассат узнала об участии Мэри в этом обмане, вряд ли она была бы так гостеприимна.

Тем временем появился слуга, держа по ветру любопытный нос, и хозяйка велела ему принести для Мэри ужин. Собаки, которые вслед за ним вошли в комнату, решили подружиться с незнакомкой, виляя хвостами и тычась мягкими носами гостью в ладони, признавая своей. Мэри все еще не верилось, что она в доме сквайра в Норт-Хилле, в безопасности, и она, как ни старалась, не могла отбросить тревогу и успокоиться. Она чувствовала, что не имеет права сидеть здесь, у пылающего очага, когда там, снаружи, в темноте, у трактира «Ямайка» идет схватка не на жизнь, а на смерть. Она ела машинально, заставляя себя глотать необходимую ей пищу и едва слыша болтовню хозяйки, которая по доброте душевной полагала, что беспрерывные разговоры ни о чем – это лучшее средство заглушить тревогу. Ей было невдомек, что от трескотни волнение только возрастает, и, когда Мэри, поужинав, опять сидела, сложив руки на коленях и глядя в огонь, миссис Бассат, думая, чем бы еще ее развлечь, принесла альбом своих акварелей и стала любезно переворачивать страницы.

Когда часы на каминной полке пронзительно пробили восемь, терпение Мэри иссякло. Это тягучее бездействие было хуже опасности и погони.

– Простите меня, – сказала она, поднимаясь, – вы были так добры, и я вам бесконечно признательна, но я волнуюсь, отчаянно волнуюсь. Я не могу ни о чем думать, ведь моя бедная тетушка сейчас, быть может, терпит адские муки. Я должна знать, что происходит в трактире «Ямайка», должна немедленно отправиться туда.

Миссис Бассат от огорчения уронила свой альбом.

– Конечно вы волнуетесь. Я все время это видела и старалась отвлечь вас. Как это ужасно. Я переживаю за мужа не меньше вашего. Но вы же не можете пойти туда сейчас одна. Пока вы туда доберетесь, будет уже за полночь, и бог знает что случится с вами по пути. Я прикажу запрячь двуколку, и Ричардс поедет с вами. Он очень надежный человек; к тому же я могу дать ему пистолет. Если там идет сражение, вы это увидите и подождете у подножия холма, пока оно не кончится. Я бы и сама с вами поехала, но в настоящее время я не вполне здорова и...

– Конечно вам незачем ехать, – быстро сказала Мэри. – Я привыкла к опасностям и путешествиям по ночным дорогам, а вы – нет. Я доставляю вам слишком много хлопот: придется запрягать вашу лошадь в такой час и будить конюха. Уверяю вас, я отдохнула и могу идти пешком.

Но миссис Бассат уже позвонила в колокольчик.

– Передайте Ричардсу, чтобы он немедленно заложил двуколку, – сказала она удивленному слуге. – Я дам ему дальнейшие приказания, когда он придет. Скажите, пусть поторопится.

Затем она снабдила Мэри тяжелым плащом с капюшоном, толстым пледом и грелкой для ног, все время уверяя, что только состояние здоровья не позволяет ей тоже предпринять это путешествие, чему Мэри была бесконечно рада, ибо миссис Бассат вряд ли могла оказаться подходящей спутницей в такой непредсказуемой и опасной поездке.

Через четверть часа двуколка подъехала к двери, на козлах сидел Ричардс, в котором Мэри тут же узнала слугу, приехавшего с мистером Бассатом в трактир «Ямайка». Его неже-

лание покидать домашний очаг в воскресный вечер испарилось, едва только он узнал о своей миссии. С двумя заткнутыми за пояс большими пистолетами, получивший приказ стрелять в любого, кто будет угрожать двуколке, кучер сразу же сделался воинственным и грозным. Мэри забралась в повозку рядом с ним, собаки хором пролаяли на прощание, и, только когда дорога повернула и дом скрылся из виду, Мэри поняла, что довольно безрассудно отправилась в опасную экспедицию.

За те пять часов, что она отсутствовала, в трактире «Ямайка» могло произойти все, что угодно, и даже в двуколке трудно было надеяться попасть туда раньше половины одиннадцатого. Мэри не могла ничего планировать, придется ориентироваться на ходу. Луна поднялась высоко, навстречу дул свежий ветер, и Мэри расхрабрилась, решив, что в силах посмотреть беде в лицо. Что ни говори, но ехать к месту действия хоть и опасно, а все-таки лучше, чем беспомощно сидеть и слушать лепет миссис Бассат. Да и Ричардс вооружен, а уж она сумеет за себя постоять, если понадобится. Конечно, кучер сгорал от любопытства, но Мэри коротко отвечала на его вопросы, давая понять, что не расположена пускаться в объяснения.

Поэтому по большей части они ехали молча, и слышен был только ровный стук конских копыт по дороге, да время от времени сова ухала с неподвижных деревьев. Шелест живой изгороди и все деревенские шорохи остались позади, когда двуколка выехала на Бодминскую дорогу, и снова мрачная пустошь раскинулась по обе стороны, словно пустыня. В лунном свете лента дороги сияла белизной. Она извивалась и терялась в складке дальнего холма, пустая и нехоженная. В этот час на дороге не было никого, кроме них. В канун Рождества, когда Мэри ехала здесь, ветер злобно набрасывался на экипаж и дождь барабанил в окна, а теперь воздух застыл и был странно неподвижен, и сама пустошь лежала под луной мирная и серебристая. Темные вершины подняли спящие лица к небу, гранитные черты смягчил и сгладил омывающий их свет. Скалы были настроены миролюбиво, и древние боги спали безмятежно.

Лошадь с двуколкой проворно покрывала утомительные мили, которые Мэри прошла пешком. Теперь она узнавала каждый изгиб большой дороги, вспоминая, как пустоши временами наползали на нее высокими пучками травы или изогнутой веткой ракитника.

Там, поодаль, в долине, должны быть огни Олтернана, и вот уже Пять Дорог ответвились от главной, как пальцы от ладони.

Перед ними лежала пустошь, раскинувшаяся вокруг «Ямайки». Даже в самые тихие ночи ветер играл здесь, на пространстве, пустом и открытом со всех сторон, и сегодня он дул с запада со стороны Раф-Тора, острый как нож и холодный, принося с собой болотные запахи, подхваченные над торфяниками и бегущими ручьями. На дороге, которая ныряла по пустоши, по-прежнему не было ни единого следа человека или зверя, и, как ни напрягала Мэри зрение и слух, она ничего не слышала. В такую ночь малейший звук усилился бы многократно, и приближение отряда мистера Бассата, насчитывающего, по словам Ричардса, около дюжины человек, было бы слышно за две мили, а то и больше.

– По всей вероятности, они окажутся там раньше нас, – сказал он Мэри, – и мы увидим, как трактирщик со связанными руками изрыгает пламя на сквайра. То-то все в округе обрадуются, когда его упрячут куда подальше, а это будет скоро, если мой хозяин до него добрался. Жаль, что мы не попали туда раньше; можно было славно позабавиться.

– Боюсь, будет не очень забавно, если мистер Бассат увидит, что птичка упорхнула, – спокойно возразила Мэри. – Джосс Мерлин знает эти пустоши как свои пять пальцев и не станет мешкать, если поймет, что у него есть хоть час форы.

– Мой хозяин вырос здесь, как и трактирщик, – продолжал Ричардс. – Если дело дойдет до погони, я ставлю на сквайра. Он смолоду здесь охотился, а ему уже почти пятьдесят лет. И вот что я вам скажу: куда бы лиса ни побежала, сквайр ее не упустит. А эту лису они поймают еще до того, как она даст деру.

Мэри не мешала кучеру говорить; его редкие, отрывистые замечания не так раздражали ее, как ласковая болтовня его хозяйки, а его широкая спина и честное грубое лицо придавали ей некоторую уверенность. До чего же трудная выдалась ночь!

Они приближались к тому месту, где дорога шла под уклон и узкий мост перекинулся через реку Фоуи. Мэри слышала, как журчит и плещется внизу вода, быстро бегущая по камням. Крутой холм трактира «Ямайка» вырос перед ними, белея под луной, и, когда темные трубы появились над гребнем, Ричардс умолк, нащупал за поясом пистолеты и, нервно дернув головой, прочистил горло. Сердце у Мэри бешено заколотилось, и она крепко ухватилась за край двуколки. Лошадь начала подъем, нагнув голову, и Мэри казалось, что копыта слишком громко цокают по дороге; лучше бы они звучали потише.

Когда они подъехали к вершине холма, Ричардс повернулся и прошептал девушке на ухо:

– Не лучше ли вам подождать здесь, в двуколке, на обочине? А я пойду вперед и посмотрю, там ли они.

Мэри замотала головой.

– Я сама схожу, – заявила она, – а вы пойдете на шаг-другой позади или останетесь здесь и подождете, когда я позову. Судя по тишине, сквайр с отрядом еще не появился, а трактирщик сбежал. Однако, если он здесь – мой дядя, – я могу рискнуть встретиться с ним, а вы нет. Дайте мне пистолет, тогда мне будет не так страшно.

– Не думаю, что вам стоит идти туда одной, – с сомнением сказал Ричардс. – Вы можете наткнуться прямо на трактирщика и не успеете позвать на помощь. И правда, странная эта тишина. Я ожидал застать здесь крики и драку, думал, что голос моего хозяина будет перекрывать все остальные. Странно это. Должно быть, они застряли в Лондоне. По-моему, самым разумным было бы свернуть вон на ту дорожку и подождать, пока они появятся.

– Сегодня я ждала слишком долго и чуть не сошла с ума, – возразила Мэри. – Лучше уж лицом к лицу столкнуться с дядей, чем сидеть в канаве, ничего не видя и не слыша. Я думаю о своей тете. Во всем этом она неповинна, как малое дитя, и я хочу позаботиться о ней, если сумею. Дайте мне пистолет и не возражайте. Я могу красться, как кошка, и не буду рисковать понапрасну, обещаю вам. – Девушка сбросила толстый плащ с капюшоном, защищавший ее от ночного холода, и схватила пистолет, который Ричардс нехотя протянул ей. – Не ходите за мной, пока я не позову или не подам какой-нибудь сигнал, – сказала она. – Если услышите выстрел, тогда, конечно, поспешите. Но только осторожно. Незачем нам обоим лезть на рожон. Хотя, скорее всего, дяди здесь нет.

Мэри от души надеялась, что это так и что своим бегством в Девон трактирщик положил конец всей этой истории. Округа избавится от него, причем самым дешевым способом. Дядя мог бы даже, как он сам сказал, начать новую жизнь или, что более вероятно, затаиться где-нибудь милях в пятистах от Корнуолла и допить до смерти. Мэри уже не мечтала, чтобы его поймали; ей хотелось покончить с этим раз и навсегда, начать жить своей жизнью, забыть о дяде и оказаться за тридевять земель от трактира «Ямайка». Месть – это пустое. Если Мэри увидит его связанным и беспомощным, окруженным людьми сквайра, это не принесет ей удовлетворения. Она уверенно говорила с Ричардсом, но на самом деле до ужаса боялась встречи с дядей, несмотря на пистолет. Мысль о том, что она может в коридоре трактира внезапно наткнуться на Джосса, мысль о его руках, готовых ударить, и налитых кровью глазах, устремленных на нее, заставила девушку помедлить у входа во двор и оглянуться на темную тень – на Ричардса и двуколку. Потом она подняла пистолет и заглянула за угол каменной стены, во двор.

Двор был пуст. Дверь конюшни закрыта. Трактир так же темен и тих, как почти семь часов назад, когда она уходила, окна и двери заперты. Мэри взглянула на свое окно; выбитое стекло зияло пустотой, нисколько не изменившись с тех пор, как она днем вылезла из него.

Во дворе не было заметно ни следов колес, ни приготовлений к отъезду. Девушка подкралась к конюшне и приложила ухо к двери. Она подождала минуту и услышала, как пони беспокойно зашевелился в стойле, услышала, как его копыта звенят о булыжники.

Значит, они не уехали и дядя все еще в «Ямайке».

Сердце у нее оборвалось. Мэри подумала, не вернуться ли к Ричардсу в двуколку, чтобы, как он и предлагал, подождать там прибытия сквайра Бассата и его людей. Она еще раз взглянула на запертый дом. Конечно, если бы дядя собирался сбежать, он бы уже уехал. Чтобы нагрузить телегу, нужен всего час, а времени уже около одиннадцати. Он мог изменить свои планы и решил идти пешком, но тогда тетя Пейшенс не смогла отправиться с ним. Мэри колебалась: ситуация казалась странной, необъяснимой.

Девушка стояла у крыльца и прислушивалась. Она даже подергала ручку двери. Конечно, та была заперта. Мэри решила завернуть за угол дома, пройти мимо входа в бар и дальше, в садик за кухней. Теперь она ступала тихо, держась в тени, и подошла к месту, где полоска света должна была пробиваться сквозь щели в кухонном ставне. Света не было. Девушка шагнула вплотную к ставню и прижалась глазом к щели. В кухне было темно, как в преисподней. Она положила ладонь на ручку двери и медленно повернула. К ее удивлению, дверь открылась. Этого Мэри не ожидала. Она побоялась войти, чувствуя, что дело неладно.

А вдруг дядя сидит на своем стуле и ждет ее с ружьем на коленях? У нее и у самой был пистолет, но он не придавал ей уверенности.

Очень медленно Мэри заглянула в приоткрытую дверь. До нее не доносилось ни звука. Уголком глаза она видела пепел в очаге, но огонь почти погас. Тогда она поняла, что здесь никого нет. Какой-то инстинкт подсказал ей, что кухня пуста уже несколько часов. Она толкнула дверь и вошла. Внутри было на удивление холодно и сыро. Мэри подождала, пока глаза привыкнут к темноте и она сможет разглядеть очертания кухонного стола и стула рядом с ним. На столе была свеча; Мэри сунула ее в тлеющий очаг, свеча зажглась и замерцала. Когда она достаточно разгорелась, Мэри подняла ее высоко над головой и огляделась. Везде были видны следы приготовлений к отъезду. На стуле лежал узел, принадлежавший тете Пейшенс, на полу – одеяла, которые нужно было свернуть. В углу, там же, где всегда, стояло дядино ружье. Значит, они решили подождать еще день и теперь спят у себя в постели, в комнате наверху.

Дверь в коридор была открыта настежь, и тишина стала еще более давящей и ужасающе неподвижной.

Что-то было не так, не хватало какого-то звука, вот почему тишина казалась мертвой. И тут Мэри поняла, что не слышит часов. Тиканье прекратилось.

Она вышла в коридор и снова прислушалась. Так и есть: в доме тихо, потому что часы остановились. Девушка медленно пошла вперед, со свечой в одной руке и пистолетом в другой.

Она завернула туда, где длинный темный коридор расширялся в прихожую, и увидела, что часы, которые всегда стояли у стены рядом с дверью в гостиную, опрокинулись и упали циферблатом вниз. Стекло разбилось вдребезги о каменные плиты, деревянный футляр раскололся. На том месте, где они стояли, стена зияла пустотой, голая и незнакомая, с желтым узором, который ярким пятном выделялся на фоне выцветших обоев. Часы упали поперек узкой прихожей, и, только подойдя к лестнице, Мэри увидела, что находится за ними.

Хозяин трактира «Ямайка» лежал ничком среди обломков.

Упавшие часы отчасти закрывали его, он растянулся в их тени. Одна рука была закинута за голову, а другая цеплялась за разбитую дверь. Из-за того, что ноги были широко раздвинуты и одна ступня пробила стенную панель, он, мертвый, казался еще больше, чем прежде; его огромное тело перегораживало вход от стены до стены.

На каменном полу была кровь, и у него между лопатками – тоже. Кровь темная и уже запекшаяся там, где его настиг нож.

Когда трактирщика ударили ножом сзади, он, должно быть, вытянул руки и споткнулся, хватаясь за часы, а когда упал ничком, то часы рухнули вместе с ним, и он умер, цепляясь за дверь.

## Глава 15

Очень не скоро Мэри смогла отойти от лестницы. Силы вдруг изменили ей, и она сделалась такой же беспомощной, как распростертое на полу тело. Ее глаза задерживались на ничего не значащих мелочах: на осколках разбитого циферблата, тоже забрызганных кровью, и на цветном пятне на стене, где стояли часы.

Паук сидел на дядиной ладони; и Мэри казалось странным, что рука оставалась неподвижной и не пыталась от него избавиться. Дядя стряхнул бы его. Затем паук сполз с ладони и побежал вверх по руке и дальше, за плечо. Добежав до раны, он помедлил, затем сделал круг и снова вернулся, из любопытства. Он совершенно не боялся смерти, и это показалось девушке оскорбительным и пугающим. Паук знал, что трактирщик не может причинить ему вреда. Мэри тоже это знала, но она, в отличие от паука, не утратила страха.

Тишина пугала ее больше всего. Теперь, когда часы перестали тикать, ее нервы напряглись: неспешное, скрипучее дыхание часов сделалось привычным символом нормальной жизни.

Пламя свечи играло на стенах, но не доставало до верха лестницы, где темнота зияла, словно бездна.

Девушка знала, что ни за что не сможет подняться по этой лестнице и ступить на пустую площадку. Что бы ни было там, дальше и выше, оно должно оставаться непо потревоженным. Смерть вселилась сегодня в этот дом, и ее тягостный дух все еще витал в воздухе. Теперь Мэри чувствовала, что именно этого трактир «Ямайка» всегда ждал и боялся. Сырые стены, скрипучие дощатые полы, шепот в воздухе и таинственные шаги – все это были предостережения, исходившие от самого дома, который чувствовал нависшую над ним беду.

Мэри вздрогнула. Она поняла, что эта особая тишина берет начало в каких-то давних, всеми забытых событиях.

Больше всего девушка страшилась паники: вопля, который сам рвется с губ, заплетающихся ног и рук, которые на бегу колотят по воздуху. Она боялась, что страх может внезапно нахлынуть, лишив ее разума, и теперь, когда первое потрясение от сделанного открытия стало проходить, Мэри поняла, что паника вот-вот захлестнет ее и задушит. Пальцы могут онеметь, и свеча выпадет из рук. Тогда она останется совсем одна, окутанная мраком. Отчаянное желание бежать охватило Мэри, но она подавила его. Она попятилась из прихожей в коридор, с трепещущей насквозняке свечой, но, стоило ей оказаться в кухне и увидеть, что дверь в садик все еще открыта, самообладание ее покинуло. Бедняжка очертя голову бросилась наружу, на чистый, холодный воздух; в горле ее застряли рыдания; раскинутые руки наткнулись на каменную стену, когда она огибала угол дома. Мэри бежала через двор так, будто за ней гнались, и выскочила на открытую дорогу, навстречу знакомой дюжей фигуре конюха. Ричардс протянул руки, чтобы защитить девушку, и она вцепилась в его пояс, ища спасения; у нее стучали зубы: это сказывалось пережитое потрясение.

– Дядя убит, – произнесла Мэри, – он лежит мертвый там, на полу. Я его видела.

Как она ни старалась, ей не удавалось унять стук зубов и дрожи во всем теле. Ричардс отвел ее на обочину, к двуколке, закутал в плащ; девушка как можно плотнее завернулась в него, радуясь спасительному теплу.

– Дядя мертв, – повторила она, – его закололи в спину. Я видела место, где у него разорвана куртка, и там была кровь. Он лежит ничком. С ним упали часы. Кровь уже застывала, – похоже, он пролежал там некоторое время. В трактире темно и тихо. Там больше никого нет.

– А ваша тетя? – прошептал конюх.

Мэри замотала головой:

– Не знаю. Я ничего не видела. Мне пришлось уйти.

По ее лицу кучер понял, что силы покинули девушку и она вот-вот упадет. Он посадил Мэри в двуколку и сам сел рядом с ней.

– Ну будет, будет, – произнес он. – Посидите-ка здесь тихонько. Никто вас не тронет. Ну-ну, тихо. Все хорошо. – Его грубый голос успокоил девушку. Она съежилась в двуколке рядом с ним, до подбородка завернувшись в теплый плащ. – Это неподходящее зрелище для девушки, – продолжал Ричардс. – Надо было мне самому туда пойти. Лучше бы вам оставаться здесь, в двуколке. Скверно, что вы его видели там, убитого.

Разговор успокаивал Мэри, и грубоватое сочувствие кучера было кстати.

– Пони все еще в конюшне, – сказала она. – Я стояла за дверью и слышала, как он шевелится. Они даже не закончили приготовлений к отъезду. Кухонная дверь была не заперта, на полу лежали узлы и одеяла, тоже приготовленные для погрузки. Это, наверное, случилось несколько часов назад.

– Ума не приложу, куда подевался сквайр, – произнес Ричардс. – Он должен был приехать сюда раньше нас. Мне было бы спокойней, если бы он сейчас появился и вы рассказали бы все это ему. Ох и скверное же дело! Не надо было вам сегодня сюда приезжать.

Оба молча смотрели на дорогу в ожидании мистера Бассата.

– Кто же убил трактирщика? – озадаченно спросил Ричардс. – С ним мало кто мог тягаться, он умел за себя постоять. Хотя, с другой стороны, очень многие могли приложить к этому руку. Уж если кого здесь все и ненавидели, так это его.

– Там еще был разносчик, – медленно проговорила Мэри. – Я забыла про разносчика. Должно быть, он выбрался из запертой комнаты и убил дядю.

Девушка сосредоточилась на этой мысли, чтобы спастись от другой; и она рассказала, на этот раз с горячностью, историю о том, как разносчик пришел в трактир прошлой ночью. Ей сразу же показалось, что преступление раскрыто и другого объяснения быть не может.

– Ну, злодей далеко не убежит, сквайр его поймает, можете быть уверены, – заметил конюх. – На этих пустошах не спрячешься, если ты не местный, а я никогда прежде не слышал о Гарри-разносчике. Хотя, судя по всему, люди Джосса Мерлина повывезали из всех щелей. Отребье со всего Корнуолла. – Он помолчал, а потом продолжил: – Если хотите, я пойду в трактир и сам посмотрю, не оставил ли он каких-нибудь следов. Может, что-то...

Мэри схватила Ричардса за руку.

– Я больше не останусь одна, – быстро проговорила она. – Можете думать, что я трусиха, но я не могу. Если бы вы побывали в трактире, вы бы поняли. Сегодня над этим местом нависла тишина, совершенно безразличная к лежащему там бездыханному телу.

– Я помню времена еще до того, как сюда приехал ваш дядя, когда дом стоял пустой, – начал слуга, – и мы травили там собаками крыс забавы ради. Трактир тогда никого не пугал: казался просто пустой скорлупой, в которой нет души. Но заметьте, хозяин содержал его в хорошем состоянии в ожидании съемщика. Сам я из Сент-Неота и приехал сюда, только когда стал служить у сквайра, но мне говорили, что раньше в трактире «Ямайка» всегда можно было рассчитывать на хорошее угощение и гостеприимство, в доме жили дружелюбные, веселые люди и всегда находилась постель для проезжающего путешественника. В былые времена там останавливались дилижансы, чего теперь никогда не случается, а раз в неделю съезжались охотники. Мистер Бассат был тогда почти ребенком. Может, все это еще вернется.

Мэри потрясла головой.

– Я видела здесь только зло, – ответила она. – Я видела только страдание, и жестокость, и боль. Когда в трактире «Ямайка» появился мой дядя, он, наверное, накрыл своей тенью все, что здесь было хорошего, и все это умерло.

Их голоса понизились до шепота, и они невольно оглянулись на высокие трубы, которые выступали на фоне неба, четко очерченные и серые в лунном свете. Оба они подумали об одном и том же, но ни у кого не достало смелости первым завести речь об этом: у конюха – из

деликатности и такта, у Мэри – из одного лишь страха. Затем наконец она заговорила голосом охрипшим и низким:

– С моей тетей тоже что-то случилось, я это знаю. Я уверена, что она мертва. Вот почему я побоялась идти наверх. Тетя лежит там, в темноте, на верхней площадке. Кто бы ни убил моего дядю, он убил и ее тоже.

Конюх откашлялся.

– Ваша тетя могла выбраться на пустошь, – предположил он. – Она могла побежать по дороге за помощью...

– Нет, – прошептала Мэри, – она бы никогда этого не сделала. Останься тетя жива, она была бы сейчас внизу, в прихожей, сидела бы около мужа. Она мертва. Я знаю, она мертва. Если бы я ее не бросила, этого бы не случилось.

Конюх молчал. Он не мог помочь Мэри. В конце концов, эта девушка ему чужая, и что происходило под крышей трактира, пока она там жила, – не его забота. Ответственность и без того давила на него тяжким бременем, и ему хотелось, чтобы поскорее появился хозяин. Шум и драка – это понятно, в этом есть смысл; но если и вправду произошло убийство, как девчонка говорит, если трактирщик лежит там мертвый и его жена тоже – что ж, тогда нет никакого толку в том, чтобы оставаться здесь и прятаться в канаве, словно они сами преступники. Лучше убраться отсюда подобру-поздорову, поближе к человеческому жилью.

– Я приехал сюда по приказу моей хозяйки, – начал он неловко, – но она думала, что сквайр здесь. А раз его нет...

Мэри предупреждающе подняла руку.

– Тсс, – сказала она быстро. – Вы слышите?

Они напрягли слух. Слабый конский топот доносился с севера; совершенно ясно, он приближался со стороны долины, из-за дальнего холма.

– Это они, – возбужденно прошептал Ричардс. – Это сквайр, наконец-то. Теперь смотрите в оба: мы увидим, как они спускаются по дороге в долину.

Они ждали; прошла минута, и первый всадник появился, как черное пятно на белой дороге, за ним еще один и еще. Всадники вытянулись в цепочку и снова сомкнулись, скача галопом; коренастая лошадка, которая терпеливо ждала рядом с канавой, насторожила уши и вопросительно повернула голову. Топот приближался, и Ричардс с облегчением выбежал на дорогу встречать хозяина. Он кричал и размахивал руками.

Первый всадник свернул и натянул поводья, вскрикнув от удивления при виде конюха.

– Какого черта ты здесь делаешь? – крикнул он, ибо это был сквайр собственной персоной.

Он поднял руку, чтобы предупредить тех, кто следовал за ним.

– Трактирщик мертв, он убит! – кричал конюх. – Со мной в двуколке его племянница! Это миссис Бассат послала меня сюда, сэри! Пусть лучше девушка сама вам все расскажет!

Ричардс держал лошадь, пока его хозяин спешивался, и отвечал как мог на торопливые вопросы, которые задавал ему сквайр. Небольшой отряд столпился вокруг них, чтобы послушать новости. Некоторые всадники тоже соскочили с коней и теперь топали ногами и дули на руки, чтобы согреться.

– Если этот малый убит, как ты говоришь, то, ей-богу, так ему и надо, – сказал мистер Бассат, – но все-таки я предпочел бы сам надеть на него наручники. С мертвого и взятки гладки. Вы все идите во двор, а я посмотрю, может, удастся добиться толку от этой девушки.

Ричардса, избавленного от ответственности, тут же окружили со всех сторон. Все восхищались им как героем, который не только обнаружил убийство, но и единолично схватил виновника, пока кучер не признался нехотя, что его роль в этом приключении не так велика. Сквайр, не отличавшийся сообразительностью, сперва не понял, что Мэри делает в двуколке, и посчитал ее пленницей своего конюха.

Он с удивлением услышал, что она прошла много миль до Норт-Хилла в надежде найти его и, не застав дома, вынуждена была вернуться в трактир «Ямайка».

– Что-то я ничего не пойму, – заявил он сердито. – Я был уверен, что вы с дядей состоите в преступном заговоре. Тогда почему же вы лгали мне, когда я приезжал сюда в начале месяца? Вы мне тогда сказали, что ничего не знаете.

– Я лгала из-за тети, – устало пояснила Мэри. – Все, что я вам в прошлый раз наговорила, было только ради нее, да и знала я тогда куда меньше, чем сейчас. Я охотно все объясню в зале суда, если нужно, но, если я попытаюсь сейчас вам все рассказать, вы не поймете.

– Да у меня и времени нет слушать, – ответил сквайр. – Вы совершили храбрый поступок, пройдя весь этот путь до Норт-Хилла, чтобы предупредить меня, я это запомню, и это говорит в вашу пользу. Но можно было избежать беды и предотвратить ужасное преступление, совершенное в канун Рождества, если бы вы раньше были со мной откровенны. Впрочем, все это потом. Конюх говорит, что вы нашли своего дядю убитым, но больше ничего не знаете о преступлении. Будь вы мужчиной, вы сейчас пошли бы со мной в трактир, но я вас избавлю от этого. Я вижу, что вы и так натерпелись достаточно. – Бассат возвысил голос и крикнул слуге: – Заведите двуколку во двор и побудьте с этой молодой особой, пока мы осмотрим трактир! – Обернувшись к Мэри, он добавил: – Я попросил бы вас подождать во дворе, если у вас хватит смелости. Вы единственная среди нас, кто хоть что-то знает, к тому же вы последняя видели своего дядю живым.

Мэри кивнула. Теперь она стала всего-навсего пассивным орудием в руках закона и должна делать, что велят. По крайней мере, судья избавил ее от тягостной необходимости еще раз войти в трактир и взглянуть на тело дяди. Во дворе, таком пустынном, когда она приехала, теперь царил суета: лошади били копытами по булыжникам, звенели и брякали уздечки и удила, слышались шаги и мужские голоса, перекрываемые резкими распоряжениями сквайра.

По указанию Мэри он повел всех к черному ходу, и тут же холодный и молчаливый дом преобразился. Окно в буфетной распахнулось, окна гостиной тоже; несколько человек пошли вверх и осмотрели пустые комнаты для гостей. Только тяжелая входная дверь оставалась закрытой, и Мэри знала, что тело трактирщика лежит на самом пороге.

Кто-то прокричал что-то из дома, и ему ответил гул голосов, сквайр задал вопрос. Звуки, которые доносились сквозь открытое окно гостиной, теперь были ясно слышны во дворе. Ричардс взглянул на Мэри, и по тому, как побледнело ее лицо, понял, что она услышала новость.

Человек, который остался с лошадьми и не пошел с остальными внутрь трактира, крикнул конюху:

– Слышите, что они говорят? Там еще один труп, на верхней площадке.

Ричардс ничего не ответил. Мэри плотнее завернулась в плащ и надвинула на лицо капюшон. Они молча ждали. Вскоре сам сквайр вышел во двор и направился к двуколке.

– Мне очень жаль, – сказал он. – У меня плохая новость. Возможно, вы уже и сами догадывались.

– Да, – сказала Мэри.

– Не думаю, что она мучилась. Похоже, ваша тетя умерла сразу. Она лежала в спальне в конце коридора, прямо у входа. Заколота, как и ваш дядя. Может быть, она даже не поняла, что произошло. Поверьте, мне очень жаль. Если бы я только мог избавить вас от этого.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.